

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
«Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева»

На правах рукописи

Шестакова Наталья Николаевна

**ОБРАЗ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ:
РЕФЛЕКСИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ**

Специальность: 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства
(философские науки)

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
Е.Н. Викторук
доктор философских наук,
профессор

Красноярск – 2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Феномен справедливости как предмет социокультурной рефлексии	19
1.1. Формирование представлений о справедливости в истории культуры	20
1.2. Уровни концептуализации справедливости: структура и динамика	42
Глава 2. Конструирование образа справедливости: проблемы и основные подходы	54
2.1. Справедливость как непостижимое: апофатика и катафатика	55
2.2. Образ справедливости как социокультурный феномен и основание для конструирования позитивного образа справедливости	66
Глава 3. Значение позитивного образа справедливости для современной культуры	80
3.1. Функционирование образа справедливости в молодежной культуре	81
3.2. Формирование позитивного образа справедливости как задача образовательных практик	93
Заключение	112
Список литературы	115

Введение

Актуальность темы исследования. Справедливость всегда вызывала интерес для культурологического и философского осмысления в силу того, что с древности этот феномен олицетворяет истинность и правильность мироздания, общественную устойчивость и духовную гармонию отдельного человека. Ситуация, сложившаяся в современном обществе, нередко характеризуется как кризисная¹: «дефицит справедливости в повседневной жизни»², «кризис справедливости»³, «кризис ценностных оснований культуры»⁴, «разрушение пирамиды ценностей»⁵. Происходящая в обществе трансформация ключевых основ и сфер жизни сопровождается изменением традиционных ценностей. Преобразуются модели социальной коммуникации, усложняются системные связи акторов так, что зачастую виртуальное пространство становится «главенствующим пространством социализации»⁶. Одновременно с этим усиливается «эскапизм» – отчужденность человека от реального окружающего мира⁷. Вопрос о справедливости актуализируется не столько в связи с распределением материальных благ, сколько в контексте дискуссий о «новой этике»⁸, обсуждения требований по обеспечению гендерного и расового равенства, обличений в харасменте и т.п. Эти болезненные процессы часто сопровождаются крайностями, которые вызваны неготовностью традиционного и

---

¹ Проди, П. История справедливости от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права М., 2017. 509 с.

² Давтян Д.В. Ценность справедливости в современном российском обществе: социологический анализ // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 11(55). С. 25-27.

³ Троцук И. Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18, № 1. С. 218-249.

⁴ Углинская Н.А. Экзистенциальный аспект кризиса ценностных оснований культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3(18). С. 138.

⁵ Иоселиани А.Д. Теоретические и социальные основы техносферы. М., 2016. 340 с.

⁶ Орестова В.Р., Ткаченко Д.П., Соколова А.А. Переживание одиночества пользователями различных социальных сетей: возрастной контекст // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2020. № 2. С. 33.

⁷ Греков М.А. Феномен эскапизма в медианасыщенном обществе: автореф. дис. ...канд. философ.наук: 09.00.13. Омск, 2008. 18 с.

⁸ Викторук Е.Н., Минеев В.В., Артемьева С.И. Моральное лидерство как инструмент преодоления социального конфликта в молодежной среде // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2019. Т. 8, № 3. С. 16.

индустриального общества (модерна) признать на глубинном уровне наличие неравенства, нарушающего принципы справедливости. Достигнутая «точка кипения» выводит на поверхность требования дискриминируемых сообществ, которые зачастую, также являются дискриминационными, вместе с тем удовлетворение этих требований, по мнению самих сообществ, могло бы компенсировать былую несправедливость («обнуления», требования денежных компенсаций за предыдущие годы рабства и тому подобное). Эти явления парадоксально сочетаются со стремлением к социальному многообразию и инклюзии в самом широком смысле⁹, которые в идеале и являются репрезентацией новой справедливости.

Актуальность исследования справедливости как социокультурной ценности обусловлена еще и поколенческими разрывами, существенно определяющими культуру современного общества. Молодежная культура, активно анализируемая философами, социологами, психологами, культурологами, характеризуется как протестная. Образ справедливости выступает не только в качестве социокультурного регулятива, но и как фактор прогнозирования, проектирования и выстраивания жизненных стратегий. Можно говорить о своего рода конкуренции «образов справедливости», что значимо для сохранения и преобразования отечественной культуры во всех ее проявлениях (духовном, материальном, экзистенциальном, антропологическом, социальном, практико-прикладном).

Социокультурные трансформации динамично меняющегося мира связаны с оценками справедливости/несправедливости и побуждают к рефлексии над феноменом справедливости, к уточнению и прояснению смыслов самого понятия. Несмотря на то, что исследования понятия справедливости включают в себя ряд фундаментальных научно-исследовательских традиций, а само понятие широко используется в социокультурной риторике, его методологический потенциал как регулятора общественных отношений, складывающихся в условиях постмодерна,

---

⁹ Гох А.Ф., Шестакова Н.Н., Юрков Д.В. Инклюзивная культура: от образовательного к социокультурному контексту // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2019. № 2(48). С. 189-198.

нуждается во всестороннем комплексном изучении, предполагающем выявление новых подходов, в том числе междисциплинарных. Все это стимулирует поиск научных методов и подходов, позволяющих искать механизмы решения такого рода проблем, опираясь на знания теории и истории культуры, найти адекватные модели социальной и межличностной коммуникации, позволяющие конструировать позитивный образ справедливости.

Анализируя специфику молодежной культуры, следует учитывать особый запрос этой социальной группы на рефлексию, всесторонний анализ справедливости как ценности культуры. Справедливость для молодежи – это не просто теоретический конструкт (хотя даже понятийный анализ для большинства затруднителен), это пространство социокультурных практик, гарантирующих возможность достойной жизни, реализации нравственных, позитивных смысложизненных идеалов. Разработка и внедрение образовательных стратегий формирования образа справедливости становится актуальной задачей современного гуманитарного знания.

Актуальность исследования справедливости как социокультурной ценности обусловлена еще и поколенческими разрывами, существенно определяющими культуру современного общества. Молодежная культура, активно анализируемая философами, социологами, психологами, культурологами, характеризуется как протестная. Образ справедливости выступает не только в качестве социокультурного регулятива, но и как фактор прогнозирования, проектирования и выстраивания жизненных стратегий. Можно говорить о своего рода конкуренции «образов справедливости», что значимо для сохранения и преобразования отечественной культуры во всех ее проявлениях (духовном, материальном, экзистенциальном, антропологическом, социальном, практико-прикладном).

Социокультурная экспертиза сложных процессов современного общества важна не столько в мировоззренческо-просветительском, сколько в практико-прикладном аспекте, поскольку одна из задач высшей школы – вооружить молодого специалиста интеллектуальным и методологическим инструментарием,

позволяющим самостоятельно проводить анализ разного рода ситуации на предмет (не)справедливости, а также осуществлять проектирование, прогнозирование и оценивание социальных процессов и событий. Практика работы в студенческой аудитории показывает отсутствие навыка рефлексии феномена справедливости как на понятийном, так и на практико-прикладном уровне, когда отрабатываются умения и техники оценки неоднозначных ситуаций и принятия справедливых решений социокультурных, социально-политических, этических дилемм.

В этой связи важно проанализировать, какова роль, возможности и эффективность образования как системы социокультурных практик для формирования адекватных современной культуре «паттернов» справедливости. Справедливость как социокультурный феномен в этом аспекте становится исследовательской площадкой и проектной лабораторией для разработки, апробации и освоения образовательных технологий по работе с ситуациями этнической, гендерной, расовой и иных видов несправедливости.

Теоретико-методологический фундамент изучения справедливости был заложен античными мыслителями, при этом особый вклад принадлежит Платону и Аристотелю, их идеи затем раскрываются в различных школах римско-эллинистического периода (Плутарх¹⁰, Сенека, М. Аврелий, Эпикур). Представления о справедливости как божественном и космическом порядке развивают средневековые теологи и мыслители эпохи Возрождения: Августин Аврелий, Аверроэс, Фома Аквинский, Сигер Брабантский, Никколо Макиавелли¹¹, Т. Мор, М. Лютер, Т. Мюнцер, Ж. Кальвин, Т. Кампанелла.

Наиболее значимый вклад в социально-философское рассмотрение феномена справедливости выполняет философия Нового времени в трудах таких мыслителей, как Ф. Бэкон¹², Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Юм¹³, Вольтер¹⁴ Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Дж. Ст. Милль, Ж.-Ж. Руссо, И. Бентам. Середина XIX начало

---

¹⁰ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: Трактаты; Диалоги; Изречения: Сборник. М., 2004. 954 с.

¹¹ Макиавелли, Н. Государь. М., 2022. 128 с.

¹² Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1977.

¹³ Юм Д. Сочинения: в 2 т. М., 1996.

¹⁴ Вольтер. Философские трактаты и диалоги. М.: Эксмо, 2005. 432 с.

XX вв. – эпоха обоснования социальной справедливости теоретиками самых различных направлений: К. Маркс, М. Вебер, Н. Гартман¹⁵, У. Джемс, Э. Дюркгейм¹⁶. Справедливость становится центральной темой таких последователей либеральных теорий, как Р. Дворкин, Р. Нозик, Дж. Ролз, и сторонников идей коммунитаризма: М. Волцера, А. Макинтайра, М. Сэндела, Ч. Тейлора¹⁷. Рассматривая проблемы политической этики, вопросы справедливости анализировали К.-О. Апель¹⁸, А. Бадью, Н.А. Бердяев, Г. Йонас, П. Козловски¹⁹, Р. Нибур, П. Рикер, Ж.-П. Сартр, Б. Сутор²⁰, Ю. Хабермас²¹, О. Хёффе.

В отечественной философии и науке к проблеме справедливости обращались классики (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев²², И.А. Ильин) и современные авторы Т.А. Алексеева²³, Б.А. Блюмкин²⁴, Ю.А. Гаврилова, В.Е. Давидович, В.В. Денисенко, Е.Л. Дубко²⁵, Г.Ю. Канарш²⁶, Е.В. Карчагин, Б.Н. Кашникова, М.И. Клеандров, В.В. Лапаева, Д.И. Луковская, Н.И. Малышева, В.С. Нерсесянц²⁷, М.И. Пантыкина²⁸, А.В. Полякова, И.В. Ростовщиков, В.А. Рудковский, А.А. Тарасов²⁹, М.И. Юдина. Особое место занимают разработки специалистов в области этики, обосновывающих этапы формирования

¹⁵ Гартман Н. Этика. СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль. 2002. 707 с.

¹⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 430 с.

¹⁷ Тейлор Ч. Демократическое исключение (и «лекарство» от него?) [Электронный ресурс] // Русский архипелаг. – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/multiculture/exclusion.

¹⁸ Апель К.-О., Трансформация философии. М., 2001. 344 с.

¹⁹ Козловски П. Принципы этической экономики. СПб.: Экон. шк., 1999. 344 с.

²⁰ Сутор Б. Малая политическая этика. М.: Директ-Медиа, 2013. 138 с.

²¹ Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 7-21.

²² Бердяев Н.А. Философия свободы. М., 1989. 608 с.

²³ Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция. Очерк современных западных дискуссий. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 244 с.

²⁴ Блюмкин Б.А. Моральные качества личности : их сущность, структура, типология и особенности формирования в социалистическом обществе. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1974. 185 с.

²⁵ Дубко Е.Л., Титов В.А. Идеал, справедливость, счастье. М.: Изд-во МГУ, 1989. 188 с.

²⁶ Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М.: Московский гуманитарный университет, 2011. 236 с.

²⁷ Нерсесянц В.С. Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 3-15.

²⁸ Пантыкина М.И. Концепт "правовая жизнь": опыт философско-феноменологической интерпретации // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. 2009. N 3 (69). С. 18-28.

²⁹ Тарасов А.А. Совесть: (Размышления публициста о вере и неверии, о добре и зле, о совести и бесстыдстве и о некоторых др. "непонятностях души"). М.: Моск. рабочий, 1985. 241 с.

моральных ценностей и этических категорий, О.Г. Дробницкого, А.А. Гусейнова В.И. Бакштановского³⁰, А.В. Разина.

Важность новых теоретико-методологических подходов к пониманию культуры в целом, различных социокультурных областей и конкретных социокультурных феноменов обосновывают как отечественные (М.К. Мамардашвили, Д.В. Пивоваров, В.С. Стёпин), так и зарубежные ученые (Ж. Бодрийяр³¹, П. Бурдьё³², Ж. Лакан, М. Фуко). Изучение этих подходов открывает перспективы для разработки социокультурных практик, в том числе – образовательных (Д. Вагапова, Е.Н. Коробкова, Н.Б. Крылова, С.Л. Троянская). Необходимость обновления методологического инструментария гуманитарного знания для анализа социокультурных феноменов подчеркивают такие авторы, как А.С. Арсеньев, Н.А. Князев,³³ Н.М. Мельникова, А.В. Павлов, В.И. Родионова³⁴, В.И. Слободчиков, А.Г. Смирнов³⁵ и др³⁶.

Концептуализация «справедливости» и обусловленное ею выявление уровней рефлексии данного многогранного социокультурного феномена потребовали обращения к междисциплинарным исследованиям психологии, социобиологии, нейрофизиологии, эволюционной этики: П.А. Кропоткин³⁷, Ф. де Вааль, Д. Гоулмен, Дж. Дьюи, Л. Колберг, Б.Ф. Поршнев³⁸, М. Рьюз, Р. Сапольски, Дж. Хайдт, М. Хаузер. Проблемность (недостаточность, неполнота) понятийно-логического, рационального постижения различных явлений социального бытия диктует необходимость применения наряду с катафатическим апофатического метода, специфику которого рассматривали классики философии,

³⁰ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: этика публичных арен. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2004. 268 с.

³¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2006. 258 с.

³² Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

³³ Князев Н.А. Предметно-методологические особенности философии образования // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 1(23). С. 46-55.

³⁴ Родионова В.И. Категория "социальные практики" в понятийном аппарате социальной философии // Инновации в науке. 2012. № 9. С. 85-89.

³⁵ Смирнов А.Г. Культурные практики достижения справедливости в России: диалектика формального и неформального: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01. Москва, 2010. 26 с.

³⁶ Нагорнова А.Ю., Лапина О.А., Давыдова Н.Н. и др. Инновации в современной системе образования: подходы и решения. Ульяновск: «Зебра», 2016. 494 с.

³⁷ Кропоткин П.А. Этика. М.: Политиздат, 1991. 496 с.

³⁸ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: «Академический проект», 2013. 542 с.

начиная от античности до современности: Аристотель, Т. Гоббс, Дж. Ролз, А. Сен. Среди современных авторов можно назвать: П.С. Гуревича, М.А. Дудареву, Е.А. Канайкину, И.М. Лаврухину, М.В. Михайлову, О.Н. Оплетаеву, Э.М. Спинову, С.С. Хоружия. Философско-культурологический подход к пониманию справедливости как «непостижимого» отражают исследования апофатики в области искусства, кино и литературы (работы Д. Бугаева, Л. Бугаевой, Ю. Доманского, С. Мартыновой, Р. Перельштейна, И. Смирнова, Г. Тульчинского).

Анализ справедливости как синтеза «инстинктивного» и «произвольного», понятийного и эмоционального, рационального и интуитивного, определяет изучение этого социокультурного феномена как «образа справедливости» и выявление специфики его функционирования, основываясь на всестороннем социально-гуманитарном дискурсе. Этим обусловлено обращение к исследованиям «образа» в философии (теории Э.В. Ильенкова, Д.В. Пивоварова), социологии (Е.М. Бабосов), психологии (О.А. Гулевич³⁹, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, С.Д. Смирнов) семиотике (Р. Барт, Ю.М. Лотман), искусствоведении (В.И. Жуковский, Н.П. Копцева).

Политические образы в молодежной культуре анализируются специалистами в области теории и практики культуры (А.Н. Кольев, Д.Н. Михайлов, О.В. Мясоутов). Исследования последних лет по социологии направлены на выявление представлений о справедливости у молодых людей, в ряду таких авторов можно назвать: Н.В. Дулину, В.А. Касамару, М.С. Максименкову, К. Муздыбаева⁴⁰, М.М. Назарова⁴¹, А.А. Сорокину, И.В. Троцук, М.Ф. Черныш и др.

Конструирование образа справедливости в условиях современной культуры отражается в таких практиках, как медиация (О.Ю. Голуб, Н.М. Лаврова, Н.В. Лавров, О.Г. Смолянинова, Е.А. Тюгашев, Е.Н. Яркова). Проблематика

³⁹ Гулевич О.А. Социальная психология справедливости. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 284 с.

⁴⁰ Муздыбаев К. Идея справедливости // Социологические исследования. 1992. № 11. С. 94-101.

⁴¹ Назаров М.М. Социальная справедливость: современный российский контекст // Социологические исследования (СОЦИС): Ежемесячный научный и общественно-политический журнал. 1999. N11. С.41-50.

конструирования образа разработана учеными кафедры культурологии Сибирского федерального университета Ю.С. Замараевой Н.П. Копцевой, Н.Н. Середкиной. При описании образовательных практик по конструированию этических компетенций (в том числе, навыка принятия справедливых решений) как фронестических технологий диссертант опирался на разработки Института прикладной этики ТюмГУ под руководством В.И. Бакштановского⁴², проекты кафедры этики СПбГУ под руководством В.Ю. Перова, опыт работы Лаборатории прикладной и практической этики кафедры философии, социологии и религиоведения КГПУ им. В.П. Астафьева. Инновационные образовательные технологии, такие как ситуационный анализ, проектная лаборатория и проектная мастерская, представлены специалистами в области этики бизнеса и предпринимательства, корпоративного образования (Е.Н. Викторук).

Объектом исследования выступает справедливость как системообразующий, социокультурный феномен. **Предмет исследования** – специфика конструирования образа справедливости в условиях динамики ценностей современной культуры.

Цель исследования – анализ специфики и условий конструирования позитивного образа справедливости в современной культуре на примере образовательных практик с учетом уровней рефлексии справедливости как системообразующего, социокультурного феномена.

Задачи исследования:

1. Выполнить обзор основных подходов к пониманию справедливости в истории культуры и истории философской мысли как репрезентацию «перехода от Мифа к Логосу»), обозначая основные уровни рефлексии данного социокультурного феномена.

2. Концептуализировать уровни рефлексии феномена справедливости. Представить феномен справедливости как способ социокультурной рефлексии на

---

⁴² Бакштановский В.И. Прикладная этика: инновационный курс для магистрантов и профессоров. Том Часть 1. Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2011. 274 с.

различных уровнях: чувственном, эмоциональном, образном, понятийном, трансцендентном.

3. Обосновать необходимость расширения спектра теоретико-методологических подходов, позволяющих раскрыть феномен справедливости как «непостижимое» в единстве катафатики и апофатики.

4. Раскрыть специфику «образа справедливости» и его роль в условиях меняющейся культуры и динамики ценностей.

5. Проанализировать «образы справедливости» в системе ценностей молодежной культуры в условиях «переоценки ценностей» современной культуры и показать перспективы работы с образом справедливости в сфере образования как системе социокультурных практик.

6. Описать образовательные практики, позволяющие формировать позитивный образ справедливости, и показать эффективность фронестических технологий для формирования навыка дифференциации (не)справедливой оценки, принятия этических решений и выстраивания жизненных стратегий.

Гипотеза исследования.

«Этика ценностей» и фронестический подход к феномену справедливости, впервые разработанный Аристотелем, представляется плодотворной социокультурной стратегией для рефлексии и конструирования «образа справедливости», которая позволяет эффективно решать современные проблемы.

Методология и методы исследования.

Исследование опирается на методологию гуманитарных и междисциплинарных исследований, при этом на первый план выходят подходы, базирующиеся на общенаучных методах анализа, синтеза, индукции, дедукции, сравнения, а также философские методы: системный, деятельностный, структурно-функциональный. Важное место в методологии исследования занимает герменевтико-феноменологический и понятийно-категориальный анализ «справедливости». Культурологический, а также аксиологический, антропологический, социологический и семиотический подходы создают методологические основания для видения справедливости в ее практико-

ориентированной направленности.

Важность социокультурного подхода к феномену справедливости⁴³, подчеркивают как зарубежные (М. Сэндел), так и отечественные исследователи (Е.В. Карчагин). Данный подход основывается на том, что культура – это конкретно-исторический, специфический вариант и способ существования общества, базирующийся на создании особых способов, своеобразных паттернов, в рамках которых формируется социальное пространство, протекает симбиотически организованная совместная деятельность людей⁴⁴. Социокультурный подход позволяет обогатить философскую рефлексию, объединяя весь смысловой спектр «справедливости»: онтологический, как особого порядка, противостоящего хаосу; гносеологический, как критерий истинности, правды; этический, рассматривающий справедливость как высшее благо, основную добродетель для обретения счастья; антропологический, проводящий демаркацию, отличающий цивилизованного человека от дикаря; аксиологический, согласно которому справедливость есть высшая социальная ценность, и конечно же, воспитательный (образовательный).

Новые методологические подходы позволяют раскрыть инструментальный характер «справедливости», и здесь уместно указать специфику «генетического структурализма» П. Бурдьё, концепцию справедливости Дж. Ролза, теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса, телеологического ретрибутивизма Р. Нозика, интерпретативный характер теории Р. Дворкина. Применение новых подходов обеспечивает критическое переосмысление всего комплекса социокультурных явлений, характеризующих преобразования современной культуры. Диссертант обосновывает образовательный и воспитательный потенциал «генетического структурализма», обусловленный его практико-ориентированностью и комплексным подходом к интерпретации сложных социологических объектов и социальных коллизий

⁴³ Родоначалником социокультурного подхода в исследовании социально-исторической действительности является П.А. Сорокин: см. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 542 с.

⁴⁴ Карчагин Е.В. Справедливость как социокультурный феномен: автореф. дис. ...д-ра философ. наук: 24.00.01. Волгоград, 2016. 47 с.

посредством «синтеза» приемов и методов из антропологии, истории, лингвистики, политических наук, философии, эстетики.

Представления о позитивном образе справедливости опираются на теоретико-методологические основания культурологических подходов к изучению идентичности, дополняя его исследованиями психологии, культурной и социальной антропологии, моделями кросс-культурных коммуникаций.

Для обоснования условий и перспектив формирования позитивного образа справедливости, автор учитывает методологический потенциал философии образования, опирающийся на диалектическое взаимодействие философского, общенаучного и специально-научного видов знания. Для исследования «образа справедливости» в системе образовательных практик философия образования предлагает сущностный исследовательский подход, означающий направленность познавательного процесса от явления к сущности. Автор приводит убедительные примеры разнообразных образовательных практик от традиционных (медленное чтение философского текста) до инновационных (метод ситуационного анализа, работа в малых группах в форматах проектной лаборатории и проектной мастерской).

Гипотеза и содержание диссертации во многом определены эмпирическими исследованиями, которые опираются на методы научного обобщения собранных исследователем первичных социологических данных, практическое наблюдение, отражающий формирование образа справедливости нарративный диалог, независимое, полученное от специалистов экспертное интервью, позволяющий оценить смысловое содержание контент-анализ. Огромное значение в научном исследовании занял метод фокус-групп, который позволяет, с одной стороны, выявить коллективные смыслы понимания справедливости молодыми людьми, а с другой стороны – решить образовательную задачу формирования позитивного образа справедливости у участников в процессе групповой дискуссии с элементами мозгового штурма.

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертации:

- на основании историко-культурного и историко-философского анализа

раскрыты перспективы междисциплинарного анализа справедливости как системообразующего, социокультурного феномена и как инструмента социокультурной рефлексии; выполнена рецепция идей аристотелевской теории справедливости, актуализированной в коммуитаристской «этике ценностей» в модусе практикования добродетелей и индивидуальной ответственности;

- выявлены особенности чувственно-эмоционального уровня рефлексии справедливости на основе данных междисциплинарного анализа (эволюционной этики, социобиологии, нейропсихологии), раскрыты гносеологические аспекты данного уровня на примере когнитивных искажений «веры в справедливый мир»;

- обоснована необходимость новых походов к пониманию справедливости в поликультурном социуме; показана эффективность апофатического подхода, позволяющего раскрыть феномен справедливости как «непостижимое»;

- сформулировано определение понятия «образ справедливости», раскрыт фронестический потенциал образа справедливости для работы в сфере социокультурных практик;

- обзор научных исследований по проблеме справедливости в молодежной культуре дополнен данными, полученными на материале фокус-групп, проведенных со студентами гуманитарных специальностей вузов города Красноярск; обоснована необходимость формирования позитивного образа справедливости в молодежной культуре;

- представлены инновационные образовательные практики, позволяющие формировать позитивный образ справедливости: кейс-метод (ситуационный анализ), медиация, делиберация, метод заинтересованных сторон.

Положения, выносимые на защиту:

1. В условиях смены культурных эпох феномен справедливости нуждается во всестороннем междисциплинарном, в том числе, в социокультурном анализе, позволяющем преодолевать смысловую амбивалентность, этическую неоднозначность, аксиологическую неопределенность. Представления о справедливости в современном динамично меняющемся социуме, как и во все

времена, являются основанием для осуществления (не)справедливой оценки, принятия этических решений и выстраивания цивилизованных, гуманистических жизненных стратегий. Теоретико-методологическим основанием для решения этих задач является коммунитаристская «этика ценностей», в модусе практикования добродетелей и индивидуальной ответственности, заложенная Аристотелем.

2. Представления о справедливости, являющиеся фактором адаптации в культуре и к миру в целом, имеют сложную уровневую структуру, «вырастая» от чувственно-эмоционального, через понятийный, к трансцендентному (метафизическому). В эпоху «переоценки ценностей» представления о справедливости вновь проходят проверку на истинность, адекватность изменяющимся условиям, репрезентантом чего является «вера в справедливость».

3. В представлениях о справедливости в культуре меняющихся ценностей большое значение приобретают стратегии «выражения невыразимого», как раскрытие «потаянного». Практика работы в молодежной аудитории показывает широкое применение апофатического подхода в объяснении (не)справедливости.

4. Образ справедливости может быть определен как всеобъемлющий, целокупный феномен, характеризующий бытие человека; изучение этого феномена важно для описания основополагающих, системообразующих глубинных закономерностей практики. Эти глубинные закономерности относятся к различным сферам культуры – от политической до эстетической и религиозной. Образ справедливости как познавательное освоение реальности (гнозис) конструируется в единстве объективного и субъективного, рационального и иррационального, теоретического и эмпирического, явленного и потаянного. В этом синтезе противоположностей становится возможным выход на уровень трансцендентного, т.е. понимания справедливости как метафизической сущности, «универсального регулятива», позволяющего отличать «культуру» от «варварства».

5. Образ справедливости является важным элементом в системе ценностей молодежной культуры. В нынешней социокультурной ситуации, когда молодежь

склонна характеризовать общество как «несправедливое», крайне важной становится задача формирования позитивного образа справедливости.

6. В системе социокультурных практик необходимо использовать потенциал как традиционных, так и инновационных образовательных практик, эффективных для конструирования позитивного образа справедливости. Представляется плодотворным подход конструирования образа справедливости в свете аристотелевского «фронезиса» – знания, объединяющего теорию и практику. Необходима подготовка кадров, обладающих соответствующей квалификацией.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Проведенное исследование углубляет представления о динамике базовых ценностей человеческой культуры, одной из которых является справедливость. Выявлена специфика понимания феномена справедливости в современной культуре. Обоснована эффективность опоры на «образ справедливости» в образовательных практиках, позволяющих конструировать позитивный образ справедливости для разрешения спорных и конфликтных ситуаций в современном поликультурном мире.

Результаты апробированы, внедрены и используются:

- в ходе преподавательской работы в Красноярском государственном педагогическом университете имени В.П. Астафьева;

- в работе и проблематике научно-практических конференций различного уровня: зарубежных, международных, всероссийских, региональных и так далее, затрагивающих проблемы и тематику правового, этического и социально-культурного регулирования, социокультурных практик, ориентированных на формирование общечеловеческих фундаментальных ценностей молодежи, в том числе в ходе работы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Этика меняющегося мира: теория, практики, технологии».

- в ходе работы «Лаборатории прикладной и практической этики» на кафедре философии, социологии и религиоведения КГПУ им. В.П. Астафьева при подготовке и проведении фокус-групп, экспертных опросов, анкетирования; семинаров-практикумов.

Результаты и основные положения проведенного исследования могут быть использованы в преподавании дисциплин социально-гуманитарного модуля, а также для подготовки специалистов, владеющих современными образовательными практиками и технологиями.

Апробация результатов исследования. Текст диссертации прошел обсуждение на кафедре философии, экономики и права КГПУ им. В.П. Астафьева. Основные результаты исследования были представлены на XI Всероссийской (национальной) научно-практической конференции «Этика меняющегося мира: теория, практика, технологии» (г. Красноярск, 30 ноября 2023 г., КГПУ им. В.П. Астафьева); XXIV Международном научно-практическом форуме студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века» (г. Красноярск, 7 апреля – 30 мая 2023 г. КГПУ им. В.П. Астафьева); X Всероссийской научно-практической конференции «Этика меняющегося мира: теория, практика, технологии» (Красноярск, 24 ноября 2022 г. КГПУ им. В.П. Астафьева), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы педагогики и психологии» (2019, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (ф) РГГПУ); VI Международном научно-образовательном форуме «Человек, семья и общество: история и перспективы развития» (г. Красноярск, 27 октября – 09 ноября 2017 г., КГПУ им. В.П. Астафьева), X Международной научной конференции, посвященной памяти выдающегося ученого-педагога, доктора педагогических наук, профессора, члена-корреспондента Российской академии образования Марии Ивановны Шиловой (1933–2015) (г. Красноярск, 9-11 июня 2016 г., КГПУ им. В.П. Астафьева), IX Международной научно-практической конференции молодых ученых «Инновационные тенденции развития российской науки» (г. Красноярск, 22-23 марта 2015 г., КрасГАУ), Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения основателя башкортостанской этической мысли Дамира Жаватовича Валеева (2015, Башкирский государственный университет), VII Российского философского конгресса (г. Москва, 2015), Всероссийской научно-практической конференции в

рамках III Международного научно-образовательного форума, Красноярск, 20 ноября 2014 года.

Основные положения работы отражены в публикациях автора, выполненных по теме исследования. По теме исследования диссертантом были опубликованы 17 научных работ, среди них 7 в рецензируемых научных журналах.

Глава 1. Феномен справедливости как предмет социокультурной рефлексии

Социокультурное исследование феномена справедливости предполагает историческое рассмотрение идеи справедливости в различных культурах на разных этапах развития общества. Понимание динамики представлений о справедливости от «эпохи к эпохе», отличающихся закономерностями в истолковании отношений человека и государства, человека и природы, человека и сообщества, в конце концов, отношения человека к самому себе, становится основанием для понимания современного социокультурного «заказа» к практическому применению этого образа в современном сложном мире. В первой главе, раскрывая этапы осмысления феномена справедливости, автор опирается на социокультурный подход, основанный П. Сорокиным⁴⁵ и раскрываемый современными учеными⁴⁶.

Анализируя справедливость как системообразующий, социокультурный феномен, следует учитывать формы культуры, выделяемые специалистами по ряду критериев: по характеру удовлетворяемых потребностей (материальная и духовная); по уровню мастерства и типу аудитории (элитарная, народная, массовая); по сфере общества или виду деятельности (культура производственная, политическая, экономическая, педагогическая, экологическая, художественная); по национальному признаку; по связи с религией (религиозная и светская); по принадлежности к историческому типу общества (культура традиционного, индустриального, постиндустриального общества; по региональному признаку (культура Востока, Запада). Все перечисленные критерии будут учтены и раскрыты в ходе диссертационного исследования.

Выполненный в этом разделе диссертации лингвокультурный и историко-философский обзор станет основанием для следующих глав, где будут

---

⁴⁵ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: «Академический проект», 2017. 968 с.

⁴⁶ Карчагин Е.В. Указ. соч. 47 с.

рассмотрены перспективные направления в исследовании справедливости как системообразующего социокультурного феномена: описание новых походов к изучению феномена справедливости и раскрытие «образа справедливости» в качестве инструмента социокультурных практик.

1.1. Формирование представлений о справедливости в истории культуры

Справедливость – одна из базовых ценностей, оформляющих бытие человека как существа культуры, поэтому идея справедливости была в центре внимания мыслителей прошлых эпох со времени зарождения цивилизации. Для данного исследования важно понимание культуры в следующих аспектах: как системы традиций, ценностей, моральных и этических принципов и идеалов; как совокупности результатов человеческой деятельности во всех её духовных и материальных проявлениях, которые являются отличительными признаками конкретного общества или социальной группы; как разновидность практики по изменению мира, которая противоположна «естественному», природному; как исторически обусловленного динамического комплекса постоянно обновляющихся форм, принципов, способов и результатов активной творческой деятельности людей; как уровня воспитания и образования отдельно человека, группы, сообщества и даже общества в целом.

Историко-культурный подход к феномену справедливости опирается на лингвокультурный анализ, важность которого подчеркивают специалисты, поскольку язык как важнейший фактор культуры фиксирует глубинные смысловые основания ценностей⁴⁷. В ходе обобщения знаний о культурах времен архаики, специалисты в области лингвистики приходят к выводу «что слово

---

⁴⁷ Карчагин Е.В. Указ. соч. С. 22.

«справедливость» изначально обозначало существенные связи внутри миропорядка и функцию оценки упорядоченности бытия»⁴⁸. Рефлексии справедливости, как способу соотнесения Добра и Зла, отводится центральное место в «общей мудрости высоких культур Востока», при этом в общем (синкретичном) образе конкретизируются ее основные формы: социальная справедливость, политическая справедливость, религиозная справедливость⁴⁹.

В древних культурах Востока слово «справедливость» обозначало миропорядок и «сочетало натурфилософское и социально-этическое содержание, и было наполнено онтологическим, гносеологическим, теологическим, антропологическим содержанием»⁵⁰. Это понятие носит синкретичный характер. В нем сливаются естественные фазы окружающего мира и социальность, проявляемая в ее иерархичности, стратификации, добросовестности соглашений.⁵¹ Таким образом, представления о справедливости, как и о других этико-моральных феноменах, формируются путем противопоставлений «должного и сущего», стабильного безопасного мира и угрожающего мира потенциальных изменений. Справедливость в этой социокультурной динамике видится как механизм поддержания равновесия.

Особенностью мифосознания является восприятие мира как пространства борьбы Добра со Злом, представляемых как субъективные силы. При этом отражение феномена справедливости в мифопоэтическом сознании древних культур сопровождалось их практической регуляцией посредством специально назначаемых людей. Как пишет Карчагин, ссылаясь на Я. Ассмана: «Носителями мудрости как идеологии справедливости (то есть «умения усмотреть связь между действием и претерпеванием») на Древнем Востоке были грамотные чиновники из «домов табличек» (Вавилон), «домов жизни» (Египет) и «мудрые писцы» Израиля»⁵². Усилиями этих мудрых людей, стало возможно оформление идеи

---

⁴⁸ Карчагин Е.В. Указ. соч. С. 16

⁴⁹ Карчагин Е.В. Указ. соч. С. 29-30.

⁵⁰ Карчагин Е.В. Указ. соч. С. 32-33.

⁵¹ Карчагин Е.В. Указ. соч.

⁵² Карчагин Е.В. Справедливость как социокультурный феномен: дис. ... д-ра философ. наук: 24.00.01. Волгоград, 2016. С. 31.

справедливости, что особенно четко прослеживается при переходе от мифа к Логосу, то есть в первых философских системах Востока и Запада. Задача обучения профессионалов (профессиональных групп) навыкам социокультурной регуляции на основании справедливости актуальна во все времена, но в условиях современного социума навык «правосудности» (Аристотель) или умение выносить справедливую оценку и принимать решения становится вызовом гуманитарного образования. Это навык, которым должны владеть и руководители различных уровней, и отдельные граждане в целях поддержания социальной стабильности, сохранения культуры как противоположности хаосу и деструктивным процессам (варваризации).

В учениях Древней Индии, уже в Ведах и в ранних философско-правовых системах, подробно анализируются принципы добра и справедливости как высших законов мироустройства, фундирующих всеобщий порядок и гармонию справедливости⁵³. Онтологический и этический смысл справедливости отражен в учениях различных школ (как ортодоксальных, так и неортодоксальных)⁵⁴ с понятиями дхармы и кармы⁵⁵. Дхарма – понятие, отражающее весь круг обязанностей и ответственности человека. Право, закон, распоряжение определяются понятием дхармы. Закон кармы предполагает не только воздаяние, но и ответственность⁵⁶. Как указывает Карчагин: «В индивидуальной и социальной жизни dharma есть система правил для выбора между правильным и неправильным»⁵⁷. «Эти правила затрагивают все аспекты принятия решений, включая идеи, интенции, мысли, речь, действие, реакции, ситуации, эффекты и т.д.»⁵⁸. Представленные здесь определения важны для понимания особенностей формирования образа справедливости, регулятивная и мировоззренческая

⁵³ Лукьянов А.Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия). М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 1989. 188 с.

⁵⁴ Радхакришнан С. Индийская философия. М.: Академический проект, 2008.

⁵⁵ Шохин В.К. Нравственное и этическое в индийских мировоззренческих текстах // Этическая мысль | Ethical Thought. 2019. Т. № 1. С. 32-45.

⁵⁶ Чаттерджи С. Введение в индийскую философию. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 376 с.

⁵⁷ Карчагин Е.В. Справедливость как социокультурный феномен: дис. ... д-ра философ. наук: 24.00.01. Волгоград, 2016. С. 37.

⁵⁸ Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь: около 30 000 слов с приложением "Грамматического очерка санскрита" А.А. Зализняка. М.: Издательство "Академический проект", 2005. 943 с.

актуальность которого столь же высока в современной культуре, как и тысячи лет назад.

В философии древнего Китая представления о справедливости отражены во всех базовых категориях (категориях «пятичастного креста»), определяющих бытие мира и человека, и которые задают облик подлинно человеческого в модусе долженствования. Это категория человеколюбия (*жэнь*), связанная с понятием ритуала как благопристойности (*ли*). Человеколюбие – душа социума, ритуал – его плоть⁵⁹. Категория *И* является репрезентацией идей справедливости в конфуцианской традиции, актуальной и в современной культуре стран Юго-Восточной Азии. В ней соединяются долженствование, гражданское и человеческое достоинство, правдивость. Это перекликается с аристотелевским истолкованием справедливости, что будет подробно рассмотрено далее. «"И" – одно из «пяти постоянств» бытия человека, находящегося между «небом и землей» наряду с «гуманностью, человеколюбием» (*жэнь*), «благопристойностью, ритуальной стороной жизни» (*ли*), «разумностью» (*чжи*) и «благонадежностью, доверием» (*синь*). Космологический смысл этих категорий дополняется социально-этическим и отражает нормы отношений между пятью парами социальных ролей: отца и сына, старшего и младшего братьев, мужа и жены, старшего и младшего, государя и подданного, а в более узком – принцип поведения мужа, правителя или харизматического лидера»⁶⁰. В трудах Аристотеля также можно встретить рассуждения о благе и справедливости, выстраиваемые в рамках патерналистских социальных ролей: хозяин – раб, начальник – подчиненный, глава – члены семьи. Для конфуцианства характерно рассматривать справедливость в двух основных направлениях – этическом и политическом, что мы видим и в учении Аристотеля. Параллели в осмыслении важнейших оснований человека как существа культуры аристотелевской и конфуцианской традиции с неизбежностью формулируют «золотое правило нравственности», в

⁵⁹ Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители: Нравственные учения от Моисея до наших дней. М.: Вече, 2009. С. 34.

⁶⁰ Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература, 2002. 606 с.

значительной мере совпадающее как с высшей, так и с социальной справедливостью.

Обзор представлений о справедливости, сложившихся на уровне мифосознания на примере первых систем Востока (Египет, Вавилон), а также в первых философских системах Древней Индии и Древнего Китая, позволяет выявить общее в ее понимании: «это истинный и правильный порядок, пронизывающий и связывающий мироздание (космос), социальный мир и душевный строй отдельного человека».⁶¹

Переход «от мифа к Логосу» в осмыслении справедливости как идеи, принципа, категории, инструмента социокультурной и политической регуляции осуществляется в культуре древнегреческого полиса. Путь к осознанному (рефлексивному) видению справедливости и применение принципа справедливости на практике (оценка и принятие решений) становится возможным благодаря письменности и распространению специальных образовательных практик, что хорошо прослеживается в деятельности философских школ Древней Греции. В философии досократиков предметом дискуссий становится справедливость, часто персонифицированная в образах Дике и Фемиды – мифологических богинь с весами в руках, олицетворяющих право, правду, единый закон мироустройства. Беседы о справедливости ведет Сократ, разрабатывая идею Блага, которая станет основанием для понимания справедливости в учении Платона. В диалоге «Государство»⁶² этому посвящен специальный раздел «О справедливости», но детальный анализ справедливости будет выполнен Аристотелем. Для нашего исследования, как и для последующих теорий справедливости, важен вклад Стагирита, поскольку Платон рассматривает справедливость как эйдос (идею) и формирует теоретический модус интерпретации справедливости. Аристотель же выполняет анализ справедливости в единстве теории и практики, при этом именно прикладной статус

---

⁶¹ Карчагин Е.В. Справедливость как социокультурный феномен: дис. ... д-ра философ. наук: 24.00.01. Волгоград, 2016. С. 43.

⁶² Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. 798 с.

справедливости, фронтестический, анализируется в его основных трудах: «Никомаховой этике» и «Политике».

Идеал справедливости в античной культуре. Генезис справедливости, как и других базовых социальных ценностей, в культурно-философском толковании связывают, прежде всего, с этикой, наукой о морали, основоположником которой является Аристотель. Именно он, изучая феномен справедливости, впервые провел его категориальный анализ. В вопросе о трактовках справедливости исследователи и переводчики Аристотеля неоднозначны, но, обобщая разные позиции отечественных и зарубежных авторов, выделяются следующие подходы, основывающиеся на переводах Книги V «Никомаховой этики». Часть исследователей фиксируют уравнивающую и распределяющую справедливость. Другая часть ученых отмечает четыре ее разновидности, выделяя общую справедливость и частную. Частную они членят на распределяющую и уравнивающую. Третий подход выделяет пять видов справедливости, добавляя к предыдущим четырем еще и коммутативную.

Общую справедливость Аристотель отождествляет с законом, которым пронизан полис и который является его неотъемлемой частью. Только живя в полисе и имея по отношению к нему обязанности, человек может быть носителем нравственной добродетели, одной ипостасью которой является справедливость (правосудность). Общая справедливость – это сфера законности и права. Частная справедливость касается хозяйственных и социальных коммуникаций. При этом рефлексивный анализ, который Аристотель проводит на примере конкретных ситуаций (кейсов), предполагает еще и взвешивание «справедливости на справедливость», истинность. «В самом деле, что определено законодательным [искусством], законно, а каждое из этих [определений] мы признаем справедливым. Законы говорят обо всем вместе, причем имеют в виду либо пользу всех, либо лучших, либо имеющих власть {по добродетели} или как-то еще иначе, так что в одном из значений, [а именно в широком], мы называем правосудным то, что для взаимоотношений в государстве (politike koinonia)

создает и сохраняет счастье, и все, что его составляет»⁶³. Таким образом, общая справедливость, по мнению Аристотеля, легитимирует общественные институты, указывая на их высшее моральное значение. Характеризуя общую справедливость, Аристотель указывает на ее всеобъемлющий характер – смыслообразующей ценности: «И так, правосудность сия есть полная добродетель, [взятая], однако, не безотносительно, но в отношении к другому [лицу]. Поэтому правосудность часто кажется величайшей из добродетелей, и ей дивятся больше, чем "свету вечерней и утренней звезды". И даже пословица говорит: "В справедливости заключаются все добродетели"»⁶⁴. По выражению классика отечественной этики А.А. Гусейнова: «Не отдельная добродетель, а некий срез добродетельности вообще»⁶⁵. Частная справедливость, в отличие от общей, имеет не ценностный, а нормативный модус, смысл которого заключается в интеграции общества посредством установления адекватных форм взаимодействия между членами полиса, и связан он с распределением, воздаянием и обменом.

В образовательной практике мы сталкиваемся с тем, что неотрефлексированные взгляды современных студентов на справедливость ассоциируются в основном с тем видом, который связан с распределением благ и почестей и назван Аристотелем дистрибутивной справедливостью. «Один вид ее проявляется в распределении почестей, или денег, или вообще всего того, что может быть разделено между людьми, участвующими в известном обществе (здесь-то и может быть равное или неравное наделение одного перед другим)»⁶⁶. При этом распределение может быть как равным (уравнивающим), так и пропорциональным. Характеризуя пропорциональную (разделительную) распределительную справедливость, Аристотель делает акцент на необходимости выделения какого-либо критерия, при котором «уравнивание» является справедливым. Аристотель указывает на данный критерий, а именно «по

---

⁶³ Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С.88.

⁶⁴ Аристотель Указ. соч. С.89.

⁶⁵ Гусейнов А.А. Античная этика. М: Гардарики, 2003. С.175.

⁶⁶ Аристотель. Указ. соч. С. 92.

достоинству». Основопологающим моментом распределительной справедливости является тот факт, что она призвана обеспечить равенство различных субъектов полисной жизни. Только в случае с уравнивающей справедливостью мы можем говорить о фундаментальном равенстве, а в случае пропорционального распределения благ оно должно производиться с учетом свойств субъектов (пола, возраста, происхождения, социального положения и т.д.).

Современные принципы либерального понимания дистрибутивной справедливости и равенства во многом базируются на положениях, сформулированных Аристотелем. Например, Р. Дворкин, американско-британский ученый, много лет исследовавший и сделавший существенный научный вклад в изучение проблем либерализма, в своих работах отталкивается от исходного постулата «право каждого на равную заботу и уважение»⁶⁷. Распределение благ по Дворкину должно быть максимально приближено к равному, чтобы избежать негативного влияния рыночной экономики на людей. Достичь этого возможно через перераспределение доходов, как это происходит, например, при взимании налога на наследство. Построение системы прав на социальное обеспечение, по мнению Дворкина, способно в большой степени помочь законодателю достичь справедливости.⁶⁸

Воздающая справедливость связана с возмездием за проступки или наградой за заслуги⁶⁹ и не предполагает договорных или обменных отношений. Этот вид справедливости достаточно часто в неотрефлексированном виде характерен для рассуждений молодых людей при решении социокультурных дилемм и коллизий. Наиболее очевидным ее социокультурным воплощением является правосудие, начиная с древнейших первобытных форм разрешения споров, существовавших в догосударственную эпоху и пришедших на смену отношениям «кто сильнее, тот и прав». Кроме этого, идея воздаяния –

---

⁶⁷ Дворкин Р. О правах всерьез. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2004. С. 366.

⁶⁸ Шестакова Н.Н. Справедливость в эпоху пострациональной морали // Материалы Всероссийской научной конференции. Уфа, 24 апреля 2015 года. Уфа: Башкирский государственный университет, 2015. С. 442-449.

⁶⁹ Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. М: Мультимедиа, 2003. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

неотъемлемая часть религиозных представлений различных культур о загробном мире⁷⁰.

Общественный аспект воздающей справедливости особо выделяется Аристотелем: «... общество держится тем, что каждому воздается пропорционально его деятельности: при этом или стараются воздать за зло злом, и если подобное воздаяние невозможно, то такое состояние считается рабством, или же за добро добром, если же нет, то, значит, за услугу не воздается равной услугой, а государство именно и держится подобными взаимными услугами; поэтому-то храмы харит ставятся на рынках, чтоб услуга была оплачиваема услугой; в том и состоит специальное свойство благодарности, чтобы получивший одолжение не только отвечал услугой, но и сам начал с одолжения»⁷¹. Социальность воздаяния состоит не только в том, что оно существует исключительно в рамках отношений между людьми, но и в том, что оно может при необходимости обеспечиваться принудительной силой государства, общественным отношениям которого причиняется несправедливость в момент причинения несправедливости члену сообщества. Присущее большинству людей иррациональное (интуитивное) понимание воздающей справедливости становится основанием одного из видов когнитивных искажений – «веры в справедливый мир», которое будет рассмотрено в параграфе 1.2.

Еще один вид справедливости, анализируемый Аристотелем – коммутативная – также нуждается в осмыслении и понимании сферы его применения. Современный мир – пространство различных часто несоизмеримых видов деятельности, задаваемых разными технологическими укладами: от простой и неквалифицированной работы до высокотехнологичных и креативных индустрий. Коммутативная справедливость складывается в области обмена и предполагает наличие эквивалента и соответствующей пропорции. «Поэтому все подлежащее обмену должно быть известным образом сравнимо; для этого-то и

---

⁷⁰ Демичев А.В. Философские и культурологические основания современной танатологии: дис. ...д-ра философ. наук: 09.00.13. СПб., 1997. 280 с.

⁷¹ Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С.97.

введена монета, ставшая в известном смысле посредником»⁷². Что касается отношений, в которых может присутствовать обмен, то Аристотель выделяет две их разновидности: произвольные и непроизвольные. К произвольным относятся частноправовые сделки, базирующиеся на идее добровольности: «...купля и продажа, заем, ручательство, вклад, наемная плата»⁷³. Непроизвольные отношения могут носить характер противоправности⁷⁴ или осуществляться по неведению либо по принуждению⁷⁵.

Аристотелевский подход к определению справедливости как добродетели представляет собой синтез концептуального осмысления проблемы: этической, социальной и политической прикладной направленности. Идея практикования добродетели проистекает из понимания особого вида знания, соединяющего в себе знание теоретическое (эпистеме) и деятельностное (технэ). Это особое знание Аристотель именует практическим (фронезис), представляющим собой сплав знаний и умений, отличающийся от бесполезного, предельно общего тем, что является знанием прагматическим (праксисом) об особенном, частном⁷⁶. «Различие блага и зла в теоретическом мышлении, а не в деятельности и в творчестве, состоит в различении истины ото лжи, ибо в этом вообще заключается задача теоретического мышления; задача же практического и теоретического вместе – в истине, приведенной в согласие с правильным стремлением»⁷⁷.

Задачей данного исследования является анализ феномена справедливости в обществе, культура которого характеризуется системной динамикой ценностей. Исследователи фиксируют, что такая динамика была присуща как эпохе становления полисной демократии Древней Греции, так и наблюдается в наше время культуры постмодерна. Периодичность «постмодернистской» ситуации,

⁷² Аристотель. Указ.соч. С.98.

⁷³ Аристотель. Указ соч. С.93.

⁷⁴ Аристотель. Указ соч. С. 93.

⁷⁵ Аристотель. Указ соч. С. 105.

⁷⁶ Викторук Е.Н., Викторук Е.А. Инновационные технологии этического образования. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2014. С.150.

⁷⁷ Аристотель. Указ соч. С.115.

которая возникает в различные культурные эпохи»⁷⁸, отмечается авторами, исследующими различные области гуманитарного знания, и эти исследования позволяют присоединиться к точке зрения о том, что постмодернизм – это особое состояние духа, которое возникало в самые различные эпохи на их завершающей или переходной стадии, и рассматривать это явление как трансисторическое, проходящее через многие исторические эпохи, которое нельзя выделять в отдельный период⁷⁹. Основными мировоззренческими постмодерными установками являются «стремление к независимости, свобода выбора, ориентация на максимальную плюральность, качественное образование, саморазвитие, безлимитный доступ к информации из любой точки и т.д.»⁸⁰. Одновременно с этим постматериализму присуща массовая культура, низвержение нормативности, отсутствие ориентации на правила и симуляционные процессы⁸¹. В подобном противоречии возникают разные формы культурной идентичности, что характеризует переход к «идеалу интерпретативного разума⁸²», к господству бессознательного в культуре⁸³. Неустойчивость культурного бытия требует от морального субъекта постоянного этического регулирования своих поступков, вызванного невозможностью исходить из нормативов поведения, существовавших в традиционном обществе, и обуславливает востребованность в современной культуре глоболизирующегося мира философии Аристотеля как в теории, так и на практике. Наше исследование (прежде всего данные, полученные в ходе фокус-групп) подтверждает эту особенность в понимании справедливости у молодых людей. Студенты на чувственно-эмоциональном уровне осознают

⁷⁸ Киреева Н.В. Постмодернизм в зарубежной литературе: учебный комплекс для студентов-филологов: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям: 032900 – Русский язык и литература, 033000 – Родной язык и литература, 033200 – Иностранный язык. М.: «Флинта», 2004. С. 8.

⁷⁹ Введение в философию: учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Культурная революция, 2007. С. 367.

⁸⁰ Воскресенский А.А., Рабош В.А., Сунягина А.Г. Постматериальные ценности поколения Z на пути к обществу знаний к постановке проблемы // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 1(46). С. 84-87.

⁸¹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «Постум», 2015. 240 с.

⁸² Горбунова Л.И. Постмодерн как тенденция развития культуры XX века // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2011. Т. 14, № 2. С. 265-271.

⁸³ Соболев Д. Введение в аналитику дуальности «Культура и бессознательное» [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2008. №12. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-v-analitiku-dualnosti-kultura-i-bessoznatelnoe>; Стрельник О.Н. Деформация языка и мифологизация сознания в культуре постмодерна // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2006. №2. С.63-72.

несправедливое соотношение добра и зла, а также роль справедливости как механизма поддержания равновесия. Культурный релятивизм – характерная черта мировоззрения человека высокого модерна, не имеющего твердой культурно-идеологической опоры и пребывающего в состоянии постоянной изменчивости действительности.

Исследователи творчества Аристотеля противоречивы в его оценке: одни полагают, что учение об этике и политике не систематизировано и представляет собой, скорее, конспекты лекций, другие дают высокую оценку именно системности в раскрытии философом важнейших социокультурных проблем⁸⁴. Но взгляды ученых совпадают полностью в том, что этика и политика – центральные области знания о человеке и обществе, эти области взаимосвязаны и практикоориентированы, что делает учение о справедливости актуальным для современного гуманитарного знания. Общеизвестно высказывание Аристотеля о том, что этику изучают не для того, чтобы знать, а для того, чтобы правильно действовать. Это касается справедливости, в первую очередь. Традиционные культурные структуры, отражающие образ справедливости социального пространства традиционного общества, в большей мере основаны на личном опыте и личных контактах. В ходе становления культуры модерна система взаимоотношений видоизменяется – происходит институциональное усложнение, и социокультурные контакты начинают выстраиваться по образу формального взаимодействия, при этом источником этической оценки все еще остается общество, а наполнение понимания справедливости происходит за счет ужесточения процедурного аспекта. В постмодерном обществе формирование нового социокультурного бытия сопровождается дроблением общественных структур, культурной автономизацией взаимодействия внутри социума, в связи с чем акты человеческого общения превращаются в индивидуальные кейсы, не имеющие единого решения. Существование универсальных ценностей, таких как Справедливость, Любовь, Красота, не означает того, что принимаемые людьми

---

⁸⁴ Минак В.С. Аристотель в России: основные черты отечественного восприятия аристотелевского наследия // *Vita Cogitans: Альманах молодых философов*. 2020. № 12. С. 6-29; Чумакова Т.В. Рецепции Аристотеля в древнерусской культуре // *Человек*. 2005. № 2. С. 58-69.

решения в конкретных ситуациях тоже должны быть универсальными. Функциональность фронезиса аристотелевской этики добродетели заключается в формировании у индивида образа справедливости, обуславливающего поступки человека, и основанного на универсальных базовых ценностных категориях Добра и Зла.

Учение Аристотеля – это особая, практическая наука о добродетели – этика, цель которой – научить как стать добродетельным, то есть счастливым. Сущностью этического фронезиса является не догматическое знание о том, что справедливо, а способность контекстуально оценивать и отличать плохое от хорошего в конкретных жизненных ситуациях. Эта способность и является аристотелевской добродетелью, суть – в ее двойственном содержании: дианоэтической (приобретаемой в ходе обучения) и этической (складываемой путем привычек) частях⁸⁵, что в свою очередь отражает ее культурную обусловленность и обособление от естественного состояния человека как биологического существа. При этом человек именно благодаря своей человеческой природе, которая имеет не только биологическую, но когнитивно-мыслительную основу, способен постичь добродетель⁸⁶. «...Добродетели не даются нам от природы и не возникают помимо природы, но мы от природы имеем возможность приобрести их, путем привычек же приобретаем их в совершенстве»⁸⁷. Платон полагает культуру как отражение мира идей (эйдосов), Аристотель же мыслит культуру как продукт рефлексии, разумной деятельности человека, в первую очередь, исходя из понимания его общественной сущности, которая в полной мере может быть выражена только в такой форме совместной жизни как государство. Именно в государстве человек может обрести свое культурное совершенство (завершение), обладая добродетелью – «умственной» и «нравственной» силой. «Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общения: оно является

---

⁸⁵ Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С.24.

⁸⁶ Энском Э. Современная философия морали // Логос. 2008. № 1(64). С. 70-91.

⁸⁷ Аристотель. Указ соч. С. 24.

завершением их, в завершении же сказывается природа»⁸⁸. При этом справедливость является главной государственной добродетелью, регулирующей политическое общение, посредством такого инструмента человеческой культуры, как право.

Различие между цивилизацией (культурой) и варварством видится Аристотелем в обладании добродетелью, постижение которой отличает цивилизованного человека от человека, не обладающего добродетелью, – варваром – «существом самым нечестивым и диким...»⁸⁹. Как уже указывалось выше, Аристотель, описывая сущность добродетели, наделял ее двойкой природой (дианоэтической и этической), которая обнаруживается и в соответствующих способах ее приобретения – через обучение (воспитание) и привычку. Таким образом, культурный человек определяется Аристотелем, как тот, у которого воспитаны добродетели, основной из которых является справедливость, и который их практикует для усвоения навыка добродетельной жизни.

Итак, добродетели, то есть нравственные устои и складки души, произвольны (зависят от человека) и действуют по предписанию верных суждений.⁹⁰ При этом определение середины между крайностями определяется в каждой конкретной ситуации. Эту трактовку справедливости как добродетели особого знания следует выделить, поскольку она приобретает актуальность в коммунитаризме, современной теории справедливости, на что будет указано в завершающей части данного параграфа. Конструирование образа справедливости (предмет данной диссертации) наглядно представлено в аристотелевском подходе, гармонично сочетающем развитый и разносторонний логический анализ, структурно завершенное единство метода рационального осмысления и познания проблем и их эвристического и эмпирического подтверждения, разнообразную социальную ориентированность моральной и этической рефлексии (взаимосвязь

---

⁸⁸ Аристотель. Политика. М.: АСТ, 2010. С. 5.

⁸⁹ Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С.24.

⁹⁰ Добропорядочный человек правильно судит в каждом отдельном случае, и в каждом отдельном случае благом ему представляется истинное Благо: Аристотель. Указ. соч. С.25.

этики и политики), инструментальную установку на прикладное, утилитарное, практическое значение и регулятивность теории морали. «Одно мышление не в состоянии привести что-либо в движение, а лишь практическое мышление в связи с известной целью»⁹¹.

Дискурс о справедливости в новоевропейской мысли. Историко-культурное развитие идеи и понятия справедливости основательно представлено в научной литературе и не является задачей данной диссертации, однако для раскрытия гипотезы исследования об эффективности и образовательных практиках поэтапного выстраивания (конструирования) позитивного образа справедливости, необходимо выделить наиболее значительные «вехи» и достижения отдельных авторов. Предваряя краткий историко-философский обзор, обозначим основные мировоззренческие позиции по вопросу о природе справедливости. Первая исторически сформировавшаяся модель – религиозно-мифологическая, в соответствии с ней, справедливость – проявление божественного промысла, установления сверхчеловеческого, сверхъестественного характера. Вторая по порядку, но не значимости, натуралистическая, включающая в себя биологизаторскую, эволюционистскую, психосоматическую модели, где справедливость (и мораль в целом) – форма адаптационного поведения. Она будет рассмотрена в следующем параграфе. Третья – социальная, характеризует большинство теорий справедливости в европейской мысли от Гоббса и Локка до Маркса и Ролза. Отдельное место занимает автономная (кантианская) модель, суть которой в том, что источником морали является сама мораль, а значит такие феномены как справедливость, благо, совесть, имеют трансцендентную природу, но явлены нам как феномены.

Историко-философский анализ основных подходов к пониманию справедливости позволяет раскрыть этапы рефлексии этого сложного социокультурного феномена. Метафора о единстве процессов онтогенеза и филогенеза, применяемая в культурно-антропологическом аспекте, демонстрирует этапы становления и условия воспитания Человека

---

⁹¹ Аристотель. Указ. соч. С.115.

Справедливого. Во все времена, и в современном поликультурном глобальном информационном обществе, это – переход «от мифа к Логосу» на пути формирования гуманистических ценностей и гуманитарных практик. Осознанное освоение добродетелей как их практикование позволяет выполнить этот переход.

Вклад средневековых мыслителей в осмысление проблемы справедливости связан не столько с представлением о ее божественной природе (источнике), сколько с развитием идеи свободы воли⁹² (Августин Аврелий) и с переосмыслением справедливости в качестве мудрого начала человеческого разума (Фома Аквинский)⁹³. Так, Августин, говоря о Боге, называет его «источником блага, поэтому справедливость – это не благо, а наоборот, благо есть справедливость, то есть добрая воля Бога»⁹⁴. Понимание справедливости в праве того времени было тесно связано с теологическими представлениями о мире. Закон выступал отражением Божественной Воли. Нарушить закон означало не только противопоставить себя обществу, но и отринуть Бога, а значит и справедливость.⁹⁵

Эпоха рационально-философского осмысления справедливости начинается в Новое время, когда «теологический» приоритет заменяется «юридическим»⁹⁶. Традиционно выделяют такие этапы эволюции представлений о справедливости, как либертарианство, утилитаризм, роулсианство, коммунитаризм.

Утилитаризм – теория справедливости, основоположником которой является Иеремия Бентам, опирается на идею пользы (*Utilitas*), максимального блага для максимального числа людей. Утилитаризм опирается на учение Томаса Гоббса о государстве. Новое время было периодом переосмысления категории справедливости. Теория общественного договора явилась основой либеральной

⁹² Августин А. Исповедь. СПб.: Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 2013. 376 с.

⁹³ Фома А. Сумма теологии = *Summa theologiae*. Изд. 2-е, испр. М.: Либроком, 2013 688 с.

⁹⁴ Августин А. Указ. Соч. С.115.

⁹⁵ Голиков А.К. Философско-политические и правовые основы учения Фомы Аквинского // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2008. Т. 180. С. 57-63.

⁹⁶ Булгаков В.В., Булгакова Д.В. Понятие "справедливость" на исторических этапах развития общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 5(109). С. 327.

традиции понимания справедливости⁹⁷. Гоббс определяет ее, отталкиваясь от суждений о том, что «человек человеку волк», и в обществе идет «война всех против всех», целью которой является выживание.⁹⁸ Единственный социальный институт, сложившийся в обществе, который обладает потенцией и способностью предотвратить эти реинтегрирующие процессы, остановить всеобщее противостояние – государство. Гоббс утверждает фундаментальный тезис: «Справедливость и собственность начинаются с основания государства»⁹⁹. Дж. Локк, присоединяясь к позиции Гоббса, также подчеркивает обусловленность справедливости существованием этого политического образования¹⁰⁰.

Философия Бентама создавалась им в противовес идее естественных прав, которая вызывала в мыслителе активное неприятие¹⁰¹. Основной идеей доктрины Бентама, имевшей широкое признание современников, является положение максимизации счастья: справедливо то, что служит приумножению этого счастья и обеспечивает его превосходство над страданием. Именно превосходство счастья, удовольствия, пользы над всем, что приносит неудовлетворение, является сутью нравственной и политической жизни общества и основополагающим принципом морали и справедливости¹⁰².

По мнению Бентама, страдание и удовольствие – два полюса, определяющие жизнь каждого человека, и смысл состоит в том, чтобы минимизировать первый и максимально расширить второй. При этом данный принцип должен являться моральной основой не только частной жизни человека, но и на государственном уровне при принятии законов, определяющих общественное устройство. Общество представляет собой сумму индивидуумов, его населяющих, и законы должны служить максимальному увеличению общественного счастья, состоящего, в свою очередь, из счастья конкретных

---

⁹⁷ Исмаилов Н.О. Проблема справедливости в философии Гоббса // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 3(181). С. 5-11.

⁹⁸ Гоббс Т. Сочинения (в 2-х т.). Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 94.

⁹⁹ Гоббс Т. Указ. соч. С. 110.

¹⁰⁰ Локк Дж. Два трактата о правлении. М.; Челябинск: Социум, 2014. С. 368

¹⁰¹ Прокофьев А.В. Утилитаризм // Философская антропология. 2019. Т. 5, № 2. С. 192-215.

¹⁰² Сушенцова М.С. Утилитаризм И. Бентама и Дж. С. Милля: от добродетели к рациональности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2017. Т. 33, № 1. С. 17-35.

индивидуумов¹⁰³. Процесс принятия решений законодателями должен сводиться к математическому подсчету всех выгод и пользы, которые в своем количестве должны перевешивать неудовольствия, приносимые принимаемым законом. Концепция Бентама, несмотря на ее широкий успех и влияние на умы политиков и в настоящее время, не может не вызывать критики.

По мнению многих ученых – сторонников естественных прав – слабым местом утилитарного подхода является тот факт, что его применение отказывает в уважении правам человека и человеческой личности и в том случае, если это необходимо, они могут быть принесены в жертву коллективным интересам¹⁰⁴. Человеческие личности рассматриваются утилитаристами как единицы, сумма которых и составляет общество, и интересы конкретного индивидуума могут быть приняты во внимание не более, чем интересы других лиц, и только тогда, когда они приносят свой вклад в копилку всеобщего счастья. Утилитаристская логика, если применять ее последовательно, может одобрять такие способы обращения с людьми, которые нарушают фундаментальные нормы приличий и уважения¹⁰⁵. А это значит, возможно моральное одобрение существования пыток, смертной казни и рабского труда как таковых. И если те, в свою очередь, принесут больше выгод обществу или обеспечат коллективную безопасность, то применение их вполне справедливо и оправдано, но если по какой-то причине ни пытки, ни рабский труд, ни смертная казнь не приносят необходимой пользы социуму, отказ от них производится не в связи с тем, что подобные действия являются унижающими достоинство и нарушающими фундаментальные права человека, а только потому, что совокупная выгода от этих действий оказывается ниже тех потерь, которые общество несет, их применяя.

Вторая проблема применения утилитаристского подхода – это невозможность определения единого эквивалента коллективных и частных страданий и пользы. Без этого довольно затруднительно определить удельный вес

---

¹⁰³ Бентам И. Основные начала гражданского кодекса // Избр. соч. в 3-х т. Т.1. СПб.: Изд. "Русской книжной торговли", 1867. С. 321.

¹⁰⁴ Асташов Д.С., Петров А.В. Принцип полезности в воззрениях И. Бентама // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16, № 1. С. 8.

¹⁰⁵ Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013 С.51.

пользы и ее преимущество перед издержками, которые несет в себе то или иное решение. Для того чтобы привести все издержки и выгоды каждого человека к единому знаменателю, необходимо согласиться с их равноценностью, и таким образом уравнивать моральные блага, нравственные и физические страдания и потери каждого, переводя их в денежный или иной эквивалент.

Впоследствии идеи философии утилитаризма Бентама были смягчены более поздними представителями (Джон Стюарт Милль), ставшими, в свою очередь, менее радикальными и однозначными в своих утверждениях приоритета коллективной пользы над правами человека. Дж. Милль в известном труде «О свободе» отстаивает идею прав человека и индивидуальной свободы.¹⁰⁶ Он определяет границы свободы, считая ее безусловной, пока отсутствует вред другому человеку. И как бы парадоксально это не звучало, Милль считает это утверждение совершенно в духе утилитаризма, по его мнению, идея индивидуальной свободы не отрицает справедливости принципа приоритета коллективной пользы, а напротив, соответствует ему, но только в самом широком смысле этого слова, когда польза рассматривается не на кратковременной, а на долгосрочной основе. Уважение человеческого достоинства и прав человека, в конце концов, сказывается благотворно и приносит пользу всему сообществу. Что касается равноценности всех видов пользы, удовольствий, страданий и издержек, на которой настаивает Бентам, Милль предлагает все-таки проводить различия и отделять «зерна от плевел».

Бентам, как уже указывалось выше, отрицает качественную разницу между различными видами пользы и страданий, приводя все к единому знаменателю. По его мнению, нет особенных различий между детской игрой и стихами и все виды удовольствий и страданий – суть одно – удовольствия и страдания, различны только их интенсивность.¹⁰⁷ Милль же, в свою очередь, выделяет качественную разницу, считая, что удовольствия более высокого уровня – те, которые являются более предпочтительными и желаемыми людьми. При этом человек, по мнению

---

¹⁰⁶ Милль Дж. С. О свободе [Электронный ресурс] // Rusneb.ru: национальная электронная библиотека. Лейпциг: В. Гергард, 1861. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003574808/ .

¹⁰⁷ Милль Дж. С. Указ. соч.

Милля, интуитивно желает возвышенных удовольствий, отдавая предпочтение им, а не сомнительным и низменным. Причем предпочтения более возвышенных удовольствий делают нас самих лучше и возвышенней.¹⁰⁸

Недостаток утилитаристского подхода в том, что это теории, ориентированные на абстрактную универсальность, где закладывается оправданность «жертв» во имя всеобщей справедливости: «Лес рубят – щепки летят». Само понятие блага здесь максимально абстрактно. Это сползает в ницшеанскую волю к власти, иллюзию всезнания и математический расчет. Смена социально-политических эпох трансформирует утилитаристскую парадигму, слабые стороны которой стали очевидны.

Новое время стало периодом переосмысления справедливости, и теперь на первый план этого сложного феномена выходит его социально-правовой аспект. Таким образом, философия этого периода представляет собой теоретико-методологический фундамент для возникших позднее либерально-правовых теорий справедливости.

Роберт Нозик, американский философ, идеолог либертаризма, изучая социальную справедливость, опирается на работы Локка – представителя классического либерализма. Идея безусловности и приоритета индивидуальных прав – центральная в работах Нозика. Даже безопасность общества или его благосостояние не являются теми целями, которым следует отдать предпочтение, если идет речь о личных правах. Нозик не считает, что позиции государства должны выходить за пределы защиты прав личности и воздаяния за такие нарушения через установление соответствующих методик и процедур. Такая форма государства разумна и не противоречит интересам кого бы то ни было, и в этом заключается ее справедливость¹⁰⁹.

Ф.А. фон Хайек в работах «Пагубная самонадеянность»¹¹⁰ и «Право, законодательство и свобода» решительно отвергает идею существования дистрибутивной справедливости в экономической сфере жизни общества.

---

¹⁰⁸ Миль Дж. С. Указ. соч.

¹⁰⁹ Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: Ирисэн, 2008. 424 с.

¹¹⁰ Хайек Ф. А. в. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М.: Новости, 1992. 302 с.

Экономика – саморегулируемый феномен, а, следовательно, в ее основе лежит не идея справедливости, а способность к адаптации к любым изменениям социальной действительности, независимо от того насколько они нравственны или нет. При этом, как утверждает Хайек: «существование материального блага и его объем обусловлены нравственно нейтральным способом его распределения»¹¹¹.

Роулсианство. В своих прошлых работах¹¹² автор настоящего исследования отмечала то обстоятельство, что роулсианство получило свое значительное признание в политической либеральной сфере. Свою теорию Джон Ролз разрабатывал в начале 70-х годов XX века, в период происходящего в обществе переосмысления в оценках либеральных взглядов. Связано это с тем, что классический либерализм больше не был в состоянии адекватно ответить на назревшие вопросы соответствия сложившегося порядка представлениям о должном. Американское общество того времени было отмечено ярко выраженным расслоением и неравенством, что вызвало потребность в обновлении подходов оценки справедливого общества. В основу своего понимания справедливости Ролз помещает идею честности¹¹³, придавая наибольшее значение честной процедуре распределения общественного блага. Честная процедура при этом заключается в том, что выработка справедливых принципов возможна в исходном положении, когда отброшены представления о собственном социальном положении или иных фактах, позволяющих определить собственные выгоды и нужды – так называемый занавес неведения.¹¹⁴

Как было отмечено Кашниковым Б.Н.: «... теория справедливости Ролза являет собой наиболее совершенную и практически осуществимую теорию справедливости для современных обществ...»¹¹⁵. Между тем справедливость, а

---

¹¹¹ Хайек Ф.Ав.ван. Указ. соч. С. 203.

¹¹² Шестакова Н.Н. Либеральные теории справедливости // Инновационные тенденции развития российской науки: Материалы VIII Международной научно-практической конференции молодых ученых. Красноярск, 2015. С. 404-409.

¹¹³ Ролз Дж. Справедливость как честность // Логос. 2006. Т. 52. №. 1. С. 35.

¹¹⁴ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. С. 89.

¹¹⁵ Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2004. С.93-94.

которой говорит Ролз, как теория применима только в рамках конкретных политико-культурных сообществ, и ее трудно приспособить к гибким и разнородным сообществам. Проблемы, вызываемые глобализационными и эмиграционными процессами, невозможно решить или объяснить теорией Ролза, поскольку внутри этих процессов происходит столкновение разных культурных логик, приведение которых к единому знаменателю «под вуалью неведения» невозможно.

Коммунитаризм. Все описанные системы справедливости (утилитаризм, либертарианство, роулсианство) «субъективны» в том смысле, что опираются на субъект в лице философа, государства, иного коллективного субъекта, который определяет, в чем заключается Благо и справедливость. Коммунитаризм, в качестве представителей которого называют А. Сена, Ю. Хабермаса, О. Хёффе А. Макинтайра, Ч. Тейлора, М. Волцера, М. Сэндела, отрицает идеологию либерализма и его «абстрактный универсализм в трактовке ценностей»¹¹⁶, и предлагает рассматривать человека с точки зрения культурной и исторической обусловленности, постоянно включенного в различные социальные практики¹¹⁷. В качестве альтернативы предлагается «этика ценностей», в которой справедливость, красота, Добро – объективные ценности, не зависящие от человека. Зло – это плохо само по себе, а не потому, что так предопределил человек или государство. Все универсальные ценности мы можем рассматривать через призму индивидуального благоусмотрения, когда нет готовых ответов о том, что справедливо, а что нет, а каждый случай коммуникации становится своеобразным кейсом. Эта позиция – своеобразное продолжение Аристотелевской этики ценностей с ее представлениями о добродетели как личной ответственности. Эта теория предполагает большую степень автономности сообщества и субсидиарности.

Дискуссия об объективном характере ценностей актуализировалась в философии в конце XX века, ее предметом стало рассмотрение уровней

¹¹⁶ Макеева Л.Б., Савельева О.О. Коммунитаризм [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2086056?ysclid=llayt67opd885859091#>.

¹¹⁷ Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.С. 120.

субъектов-носителей ценностей: индивидуальный, локальный, универсальный. Суть сформировавшегося в этой дискуссии видения справедливости таково, что в современном обществе неэффективно апеллировать к групповым интересам или интересам больших сообществ, нет смысла говорить о мировой несправедливости. В постмодерном социуме нет универсальных ответов, ответы на все человеческие беды, несправедливости и проблемы разного масштаба должны решаться на том уровне, которому они соответствуют: семьи, локального сообщества, города, и только самые большие – на принципиальном (кантовском) уровне. Эта теория «требует» субъекта и субъектности, она предполагает индивида, владеющего навыками самоанализа и пониманием уровня своей ответственности.

Вывод по параграфу. Выполненный обзор раскрывает корреляцию между развитием культур и уровнями рефлексивного отражения справедливости в развитии от «Мифа к Логосу»: от чувственно-эмоционального к рационально-понятийному и трансцендентному.

1.2. Уровни концептуализации справедливости: структура и динамика

Выявленный чувственно-эмоциональный уровень рефлексии феномена справедливости наиболее полно раскрывается в данном параграфе, опираясь на представления о естественном происхождении морали и культуры в целом. Для исследования феномена справедливости в целом, и образа справедливости в частности, важно комплексное понимание культуры и формулировка соответствующего определения. Рассмотрение феномена справедливости в широком спектре понимания культуры предполагает опору на общепринятые в науке трактовки. Во-первых, понимание культуры как системы традиций,

ценностей, моральных и этических принципов и идеалов, позволяющих раскрыть образ справедливости в его аксиологическом аспекте, и прежде всего, как моральную ценность. Во-вторых, важно понимание культуры как совокупности результатов человеческой деятельности во всех её духовных и материальных проявлениях, и как разновидность практики по изменению мира, которая противоположна «естественному», природному, о чем частично говорилось выше. Этот аспект будет раскрыт в описании справедливости как способа «практикования добродетелей» (Аристотель) и на примере фронестических технологий, направленных на конструирование позитивного образа справедливости.

В-третьих, следует рассмотреть социокультурную динамику справедливости как исторически обусловленного комплекса постоянно обновляющихся форм, принципов, способов и результатов активной творческой деятельности людей. Исследователи отчетливо фиксируют специфику моральных форм на этапах традиционного, индустриального и постиндустриального (информационного) общества. Справедливость как феномен пострациональной морали, связанный с понятиями моральной агентности, моральной идентичности, представлена в широком спектре социокультурных проблем от «новой этики» и «культуры отмены» до цифровой этики, которые были обозначены в разделе актуальности диссертации, и будут рассмотрены далее. Эта интерпретация культуры перекликается с концепцией В.С. Степина о культуре как системе надбиологических программ, и в соответствии с которой, образ справедливости, динамически меняющийся от эпохи к эпохе, выполняет важнейшую функцию сохранения цивилизации¹¹⁸.

В-четвертых, часто культуру понимают как уровень воспитания и образования отдельно человека, группы, сообщества и даже общества в целом. Этот «модус» культуры будет подробно представлен в главе третьей, как обобщение опыта работы со студенческой молодежью, на примере актуальных

---

¹¹⁸ Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2011. С. 43.

образовательных практик. Комплексное осмысление социокультурных феноменов, и справедливости в том числе, продуктивно с учетом современных теорий, среди которых «синтетическая теория культуры» Д.В. Пивоварова¹¹⁹. Основываясь на критике редуцирующих сущность культуры подходов, философ, настаивая на религиозно-хозяйственной природе культуры, формирует ее базовую модель, включающую твердое ядро¹²⁰ и защитный слой – светские идеалы. При всей оригинальности этой концепции, важно то, что философ в ряде работ рассматривает подробно механизм идеалообразования и его роль в образовании¹²¹.

Для всестороннего культурологического анализа феномена справедливости следует учитывать и так называемые определения «от противного». Такое определение есть в работе М.К. Мамардашвили «Мысль в культуре»¹²², вклад этого мыслителя в понимание культуры «на переломе» эпох и цивилизаций для отечественной социально-гуманитарной мысли трудно переоценить. Культура определяется философом как способность деяния и поведения «в ситуациях неполного знания». «Исторический опыт показывает, что культура не есть совокупность высоких понятий или высоких ценностей.... С любых высот культуры всегда можно сорваться в бездну»¹²³. Хаос и бескультурье окружают любую историческую точку, поэтому гуманистические ценности сами по себе не имеют цены, если не становятся предметом живого сознательного акта, волевого выбора в данный конкретный момент бытия и времени. Такое определение эффективно для понимания образа справедливости как социокультурного феномена, поскольку акцентирует, во-первых, не ставший (застывший), а всегда становящийся характер культуры между состояниями «бескультурья», а, во-вторых, определяет культуру через «состояния мысли», «состояния сознания». Образовательные практики по формированию позитивного образа справедливости

¹¹⁹ Пивоваров Д.В. Культура и религия. Сакрализация базовых идеалов: монография. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2013. 247 с.

¹²⁰ Пивоваров Д.В. Культура и религия: три модели базиса культуры // Религиоведение. 2011. № 2. С. 137-148.

¹²¹ Беляев И.А. Концепция культуры Д.В. Пивоварова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 10. С. 14-17.

¹²² Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация // Природа. 1988. № 11. С. 57-65.

¹²³ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс: Культура, 1992. С. 144.

как состояния принятия осознанных этико-моральных оценок и решений, будут рассмотрены в параграфе 2.3.

Исследования показывают, что определений культуры насчитывается более пятисот¹²⁴. При этом, в соответствии с логикой, наиболее простое определение – это определение через свою противоположность. Противоположностью культуры как возделывания (искусственного) является природа (естественность). В этом смысле естественное поведение человека обусловлено инстинктами, чувствами (ощущениями), эмоциями, а культурное – рациональностью, логикой, формированием привычек в ходе воспитания, просвещения и обучения.

Социокультурный анализ справедливости, основанный на таком противопоставлении, достаточно продуктивен, поскольку исследователи данной проблемы традиционно пытаются искать основания чувства (инстинкта, и даже гена) справедливости в природе животных, основанием чего становятся наблюдения за поведением высших животных¹²⁵. Философы разных эпох и направлений говорят о заимствовании справедливости как опыта адаптационного поведения у животных (А. Смит, Д. Юм, П.А. Кропоткин, М. Шелер). В современной науке этот подход также широко распространен: популярны взгляды Ф. де Вааля, исследования Марка Хаузера, а также представителей эволюционной этики и социобиологии Майкла Рьюза¹²⁶, Дэниэла Гоулмена¹²⁷, Роберта Сапольски¹²⁸. Такие исследования обосновывают эволюционный характер развития морали в целом, и справедливости, как одной из важнейших ее составляющих, наряду с представлениями о совести, чести, свободе и благе. По мнению А.В. Разина «в моральном смысле можно говорить о специфических нервных реакциях, эмоциях сочувствия, негодования, возмущения и даже

¹²⁴ Кузнецова Е.В. Определение культуры: разнообразие подходов // Перспективы науки и образования. 2013. № 5(5). С. 49-55.

¹²⁵ Разин А.В. Специфика процесса образования моральных понятий // Философия и общество. 2021. № 2(99). С. 77.

¹²⁶ Рьюз М. Эволюционная этика: здоровая перспектива или окончательное одряхление? // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 34-52.

¹²⁷ Гоулман Д. Эмоциональный интеллект: ценное практическое руководство по развитию и совершенствованию эмоций человека. М.: АСТ, 2009. 478 с.

¹²⁸ Сапольски Р.М. Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 765 с.

отвращения».¹²⁹ Все эти эволюционные механизмы развиваются «на базе колебания» и проявляются как нарушение и восстановление равновесия, как в индивидуальном, так и в групповом поведении, поскольку группа зачастую действует как единый организм в едином психо-эмоциональном состоянии. Механизм поддержания справедливости как колебательного движения отчасти ассоциируется с мифологическими представлениями о справедливости, рассмотренными в предыдущем параграфе.

Человеческая культура в высших ее проявлениях творчества и морали, благодаря современным исследованиям нейробиологов, позволяет осознать ее хрупкость, сложность, уникальность. Как творческое воображение (игра образами), так и стремление избавить другого от боли имеют общую природу – активность зеркальных нейронов. Подобное явление обусловлено «петлевыми процессами в нейродинамических связях головного мозга, ...что и составляет основу его произвольной... модельной активности»¹³⁰. Человек воспринимает окружающую действительность под воздействием такой активности. Как утверждает А.В. Разин: «Это делает ощущение всегда элементом фантазии, оно одновременно феноменальное и трансцендентальное».¹³¹

Франс де Вааль в известной работе «Истоки морали. В поисках человеческого у приматов» выдвинул гипотезу, что те качества, которые делают человека человеком, в том числе самоконтроль, неприятие несправедливости и нечестности присущи людям изначально как мощная инстинктивная реакция. Развивая свою позицию, автор утверждает, что мораль является продуктом не только рациональной рефлексии человека, а основывается, в том числе, на его биологической составляющей. При этом ученый не абсолютизирует «животную мораль», отмечая то, что приматов нельзя назвать «моральными существами» в полном смысле этого слова, поскольку их когнитивные способности, в отличие от человеческих, не позволяют осмысливать, обобщать, осуществлять

---

¹²⁹ Разин А.В. Специфика процесса образования моральных понятий // Философия и общество. 2021. № 2(99). С. 62.

¹³⁰ Разин А.В. Указ.соч.

¹³¹ Разин А.В. Указ.соч.

категоризацию представлений о жизни. Только человек имеет познавательные возможности постижения Добра и Зла, намного более глубокого, чем инстинктивное «неприятие неравенства» или забота о потомстве. Таким образом, человеческая мораль все-таки в большой степени опирается именно на рациональность, получая свое начало в животной просоциальности. Автор предполагает двухуровневую конструкцию морали, в которой один уровень лежит в межличностной плоскости и являет понимание того, как наши действия влияют на окружающих. Второй уровень регулирует интересы социума. Именно первый уровень, по мнению ученого, является общим у человека и остальных социальных животных¹³². Что касается второго уровня, то та степень общественного интереса – «вчувствования», которая присуща человеку, является уникальной для его вида, и может встречаться у других социальных живых существ только в рудиментарном виде.

Высший, более сложный и разноплановый уровень вчувствования – «перспективно-целевая помощь, основанная на способности осознанно ставить себя в позицию Другого»¹³³. Эта способность животных, древнего человека, современных людей, в особенности детей, есть удивительная способность «преодолевать собственную субъективность (свое эго) во имя успешной ориентации в нестандартных ситуациях действия»¹³⁴. Реакции и состояния подобного рода – предел для существ, не обладающих понятийным мышлением или имеющим когнитивные ограничения, нарушения. Антонио Дамасио, исследуя мотивацию человеческих поступков, говорит о том, что люди с повреждениями прифронтальной коры головного мозга испытывают трудности в принятии решений и часто эти решения неоптимальны¹³⁵. По мнению Сапольски Р.М.: «Они плохо выбирают друзей и партнеров, не могут изменить поведение в случае отрицательного результата».¹³⁶ Исследования эмоционально-психической

¹³² Вааль Ф. де. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. М.: АНФ, 2018. С. 249.

¹³³ Разин А. В. Специфика процесса образования моральных понятий // Философия и общество. 2021. № 2(99). С. 77.

¹³⁴ Разин А. В. Указ.соч.

¹³⁵ Дамасио А. Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера Пресс, 2018. 383 с.

¹³⁶ Сапольски Р.М. Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. С. 57.

составляющей животных соотносятся с междисциплинарными исследованиями поведения людей с органическими поражениями мозга и людей с ограниченными возможностями здоровья¹³⁷.

В стремлении найти самые глубинные истоки этико-моральной составляющей культуры, философы различных эпох направляли внимание именно на естественную (в том числе биологическую) природу человека, что вполне обосновано, поскольку позволяет раскрыть многоступенчатый характер формирования человека как существа культуры. Так, Д. Юм¹³⁸ рассматривает этические и моральные феномены и справедливость, в том числе, в системе различных человеческих аффектов, которые, будучи вариативными, все же имеют общие основания. Именно эмоции, говорит философ, запускают моральный поиск. При этом как утверждает А.В. Разин «одни аффекты усиливают другие, и между ними происходит эмоциональный резонанс».¹³⁹ Подробно механизм «запуска» моральных эмоций описывает основатель философской антропологии Макс Шелер¹⁴⁰, обосновывая существенное различие между психическими способностями человека и животных.¹⁴¹ На начальном уровне предметом осознания становятся «свои желания и сознание непосредственных условий их удовлетворения (осознание своего непосредственного положения в мире)»¹⁴². Следующий уровень Шелер характеризует как более совершенный процесс осознания и понимания возникающих обратных связей между сознанием и организмом человека.¹⁴³ Затем наступает этап, в котором определяются

¹³⁷ Гох А.Ф., Шестакова Н.Н. Юрков Д.В. Инклюзивная культура: от образовательного к социокультурному контексту // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2019. № 2(48). С. 189-198.

¹³⁸ Юм Д. Исследование о принципах морали. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1996. 800 с.

¹³⁹ Разин А. В. Специфика процесса образования моральных понятий // Философия и общество. 2021. № 2(99). С. 78

¹⁴⁰ Шелер М. О сущности философии: работы разных лет. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 352 с.

¹⁴¹ Рефлексивные отношения, которые выделяет М. Шелер, соответствуют тем, что мы наблюдаем у студентов, рассуждающих о справедливости (опыт проведения более 10 фокус-групп будет описан далее).

¹⁴² Шелер М. Положение человека в космосе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/sheler-m/polozhenie-cheloveka-v-kosmose>.

¹⁴³ Шелер М. Указ. соч.

способности увидеть себя со стороны, опредметить и придать направленность своим психическим состояниям.¹⁴⁴

Исследование «эмоциональной динамики» в учении М. Шелера приводит к обнаружению человеком «пустоты собственной души как “бесконечной пустоты” пространства и времени, как будто бы она существовала, даже если бы не было никаких вещей»¹⁴⁵. А.В. Разин утверждает, что эта «исходная мыслимая пустота пространства и абсолютность времени делают человека способным к исследованию мира и к его преобразованию, осуществляемому ради поиска новых способов удовлетворения своих желаний»¹⁴⁶. Таким образом, человек заявляет не только то, что он часть окружающего мира, но и «свое особое положение» в этом мире, отражающее его человеческое превосходство над ним¹⁴⁷. Это задает своеобразную позицию развертывания, вне предельности по отношению к миру, позицию наблюдателя и исследователя.¹⁴⁸ А.В. Разин, исследуя современную культуру, сравнивает понятие «коллективный разум» и шелеровский божественный «Космический дух». Коллективный разум Разин определяет как совершенную форму консолидации людей. Именно в таком человеческом единстве Разин усматривает источник фундаментальных моральных понятий, которые являются отправной точкой видения человеком мира в его целостности.¹⁴⁹ Таким образом, воспитание как формирование добродетелей и их практикование (Аристотель) и в философии XX века видится как поэтапный рефлексивный процесс преодоления: от наполненности эгоистического к пустоте всеобщего, в процессе чего и формируется навык «переоценки ценностей».

---

¹⁴⁴ Шелеровский разбор «положения человека в космосе» актуален в современной деловой культуре, культуре менеджмента и предпринимательства. Сегодня предметом обучения управленческой культуре, не столько в теории, сколько на практике (тренингах и практикумах) стал «эмоциональный интеллект». Существует множество определений эмоционального интеллекта; детально разработана его структура (способность идентифицировать эмоции – способность эмоционально мыслить – способность понять эмоции – способность к управлению эмоциональными состояниями); выявлены функции (эмоционально окрашивает когнитивные процессы, защитная функция, воспроизведение эмоций на когнитивном уровне...). Шелер М. Указ.соч.; Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R., Sitarenios G. Measuring emotional intelligence with the MSCEIT v 2.0. // Emotion. 2003. vol. 3. P. 97-105.

¹⁴⁵ Шелер М. Указ.соч.

¹⁴⁶ Разин А. В. Указ. соч.

¹⁴⁷ Разин А.В. Указ. соч.

¹⁴⁸ Разин А.В. Указ. соч. С. 67.

¹⁴⁹ Разин А.В. Указ. соч.

Психо-эмоциональную и интуитивно-иррациональную специфику феномена справедливости как составляющей человеческой культуры необходимо рассмотреть еще в одном аспекте – гносеологическом. Как уже говорилось, понимание справедливости связано, во-первых, с проблемой истины, а во-вторых, так или иначе выходит на проблему творчества в самом широком смысле. Здесь, раскрывая сильные и слабые стороны творческой сущности человеческого мышления, можно указать на особый феномен когнитивных искажений. Вера в справедливость рассматривается как когнитивное искажение¹⁵⁰ (иначе говоря, заблуждение) во всех соответствующих экзистенциальных проявлениях: и как надежда, выводящая к свету, и как самое жестокое разочарование в жизни в целом. «Когнитивные искажения – это шаблонные отклонения и систематические ошибки в восприятии, мышлении и поведении, возникающие на основе дисфункциональных убеждений, внедрённых в когнитивные схемы. Вера в справедливость, как одно из социальных когнитивных искажений, обусловлена субъективными убеждениями, предубеждениями и стереотипами, социальными, моральными и эмоциональными причинами, сбоями в обработке и анализе информации, а также физическими ограничениями и особенностями строения человеческого мозга»¹⁵¹. Как утверждают специалисты, они легко обнаруживаются при анализе автоматических мыслей, большая их часть связана с поведением и принятием решений¹⁵².

Вера в справедливый мир классифицируется как когнитивное искажение, обусловленное культурными паттернами, которые задаются религией, кино, литературой. Вера в справедливость, как мы уже рассматривали это на примере мифосознания, выполняет функции гарантии стабильности и предсказуемости мира, соразмерности воздаяний. Терапевтическая функция веры в справедливость состоит в том, что она помогает переносить повседневные трудности за счет иллюзии воздаяния; создает ощущение контроля над ситуацией; повышает

---

¹⁵⁰ Lerner M.J. The belief in a just world: A fundamental delusion. New York, 1980.

¹⁵¹ Боброва Л.А. Когнитивные искажения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 2021. № 2. С. 69.

¹⁵² Zick Rubin, Letitia Anne Peplau. Who Believes in a Just World? (англ.) // Journal of Social Issues. 1975. Vol. 31, no. 3. <https://pspsi.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1540-4560.1975.tb00997>

чувство удовлетворенности жизнью. Выделяют ряд негативных, и даже опасных последствий «веры в справедливость» – это поощрение обвинения жертв, которые вместо сочувствия получают критику и осуждение; самобичевание жертв, они объясняют все ударами судьбы (прямое насилие, буллинг, дискриминация), терпят настоящую несправедливость и получают проблемы с самооценкой и психикой, а виновные при этом избегают ответственности; гражданская пассивность (люди закрывают глаза на несправедливость, полагая, что правосудие свершится позже само по себе); ложное чувство безопасности, игнорирование рискованных поступков.

В следующем разделе диссертации, говоря о формировании позитивного образа справедливости, будут акцентированы этико-образовательные технологии, позволяющие корректировать такого рода искажения. В ходе рефлексивных практик человек может принять то, что никакие сверхъестественные силы не гарантируют справедливости, свою ответственность за «справедливый мир» человек несет сам, персонально. Это хорошо отражается в современной неоаристотелевской парадигме справедливости.

Перечисленные в этом разделе психофизиологические особенности необходимо учитывать в обосновании эффективности игровых и фронестических подходов к формированию позитивного образа справедливости. Ученые, рассматривающие интуицию как источник творчества, дают ей высокую оценку, указывают на ее фундаментальную значимость: это логические процедуры, выведенные из-под контроля сознания. В этом смысле поиск моральных ценностей – есть выход к миру трансцендентного. При этом следует учитывать, что, как интуитивные, так и понятийные открытия человека могут быть не только истинными, но и ошибочными. Понятийное мышление – необходимое условие для формирования представлений о справедливом/несправедливом, но это только возможность, потенция, которая еще должна быть переведена в действительность. Здесь вновь актуализируется учение Аристотеля о фронезисе. Понятийное мышление не означает автоматический перевод эмоций жалости, сострадания на уровень этичности, нравственности, поскольку понятийное мышление

предполагает разграничение анализа и действий на основании чувств, эмоций, нервных реакций. Важно то, что подчеркивается не чисто генетическая или инстинктивная обусловленность, а именно «научение». Попытки исследовать генетическую, биологическую и чисто психическую природу справедливости имеют как научную, медицинскую, психолого-педагогическую, так и социокультурную значимость, однако верными представляются суждения специалистов о сознательной, волевой и рациональной обусловленности справедливости, всестороннее рассмотрение этого вопроса начинается с Аристотеля (см. параграф 1.1).

Возвращаясь к предмету нашего исследования, становится очевидным, что формирование образа справедливости следует предложенному Де Ваалем единству природного аспекта, основанного на способности мозга, присущей человеческому виду, интуитивно узнавать несправедливость, и культурного, позволяющего исключительно рациональным образом постигать сущность справедливости как социокультурного регулятора. Говорить об эффективности формирования навыков «справедливой оценки», принятия «справедливых решений», выстраивания «справедливой политики» вне понимания этих знаний о моральной мотивации невозможно в современном мире с тем перечнем проблем, о котором говорилось во Введении: от экономических до биоэтических, от социально-политических до этнокультурных, расовых, гендерных. Инстинктивные, интуитивные, возрастные, психоэмоциональные факторы оценки «справедливо/несправедливо» следует учитывать в образовательной, просветительской, воспитательной деятельности, несмотря на главенствующую роль сознательно-волевой и рациональной деятельности.

Подводя итоги данного раздела диссертации необходимо отметить, что исследовать справедливость на различных уровнях рефлексии (аффективном, генетическом, инстинктивном, интуитивном) вполне оправдано. При этом следует учитывать, что даже определения культуры «от противного» раскрывают единство, взаимосвязь и взаимопереходы от чувственно-эмоционального восприятия справедливости – к трансцендентному.

Вывод по первой главе. Выполненный синтез лингвокультурного, историко-философского, генеалогического (исследующего архаику), гносеологического аспектов анализа феномена справедливости, позволил, во-первых, выявить основные уровни рефлексии феномена справедливости: чувственно-эмоциональный, образный, понятийный, трансцендентный. Во-вторых, показал необходимость уточнения понятий «феномен справедливости» и «образ справедливости» для обоснования выбора образа справедливости в качестве эффективного инструмента образовательных практик. Русское слово «образ» аналогично таким категориям древнегреческой философии как идея, эйдос, форма или гештальт в немецкой традиции, и содержательно локализуется в сфере символического. В отличие от образа феномен интегрирует справедливость как чувственное представление, образ, габитус, категорию, понятие, концепт, принцип, идею.

Глава 2. Конструирование образа справедливости: проблемы и основные подходы

Проведенный в первой главе обзор историко-культурных подходов к справедливости как одной из базовых социокультурных ценностей позволяет раскрыть сложную ситуацию с применением справедливости в ее оценочно-регулятивном аспекте в реальной практике культуры динамично меняющегося социума. Выявление уровней рефлексии феномена справедливости (чувственно-эмоциональный, образный, понятийный, трансцендентный) требует в рамках нашего исследования выбора наиболее эффективного из них для формирования позитивного образа справедливости, в том числе, как образовательной и воспитательной практики. Сложность этой актуальной задачи во многом обусловлена неоднозначностью самого термина «справедливость», его эволюции в различных социально-культурных контекстах. Несмотря на все усилия прояснить понятие «справедливость» аналитическим путем, оно не перестает быть «неизречаемой тайной», сохраняя существенные элементы глубинного иррационального чувства и интуитивного прозрения. Актуализируется необходимость разработки новых методологических подходов в рефлексивном анализе образа справедливости, трансформирующегося в процессе социальных изменений.

2.1. Справедливость как непостижимое: апофатика и катафатика

В соответствии с принципом справедливости выстраиваются определенные социально-культурные механизмы адаптации, сложившиеся в традиционном, а также в индустриальном обществе. Изначально они направлены на регулирование общественной жизни в рамках незыблемых социальных ролей¹⁵³. Напротив, в сложном глобализирующемся обществе в условиях фрагментации и хаотизации ценностей, смещения социальных и гендерных ролей, сверхактивной цифровизации общественной жизни и усиления симуляционных процессов, традиционные представления о справедливости, несмотря на их очевидность, теряют силу незыблемого регулятива. Возможно, поэтому на первый план выходят «негативные» стратегии выстраивания образа справедливости. Иными словами, справедливость конструируется через ее противоположность. Такой способ определения (описания) сложных для восприятия феноменов называется апофатическим. Богословская традиция (являющаяся наиболее известной) апофатики или апофатизма заключается в выражении Божественной quintessence через отрицание всего, что может Его определить. По выражению Г.Л. Тульчинского: «Бог постигается как сущность "бесконечная", "бессмертная", "безгрешная, фактически, не как "нечто", а как "ничто"»¹⁵⁴.

Перечисленные особенности (сложности), характеризующие практико-прикладной аспект справедливости, связанные во многом с поддержанием социальной стабильности, следует учитывать и в образовательной и воспитательной сфере, в преподавании. Преобладание «негативных» дефиниций справедливости, то есть апофатические стратегии выстраивания ее образа, были выявлены нами в ходе преподавания социально-гуманитарных дисциплин, когда

¹⁵³ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социологические исследования. 2003. № 5(229). С. 13.

¹⁵⁴ Тульчинский Г.Л. Апофатика и институционализация: прагмасемантический анализ // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2022. № 3. С. 33.

темой аудиторных занятий становится справедливость в разных аспектах (философском, социальном, политологическом, этическом). Как показал наш опыт, в рассуждениях о справедливости у молодых людей возникают затруднения с использованием традиционных методов понимания ее существа, которые мы обозначили как катафатические, и преобладают рассуждения «от противного». Это стало побуждающим мотивом для рассмотрения соотношения апофатической и катафатической познавательных стратегий в трактовках справедливости у студентов, чья будущая профессия предполагает четкое понимание сущности и функций справедливости: будущие юристы, психологи, социальные работники.

Изучение студентами первоисточников от Аристотеля до Ролза и владение терминологией, что в целом соответствует катафатической стратегии, к сожалению, не коррелируют с жизненным опытом опрашиваемых студентов и задачами социальной практики. Эти представления о справедливости можно охарактеризовать как «размытые», абстрактные, схоластичные и малопригодные для анализа реальных социальных противоречий, для решения проблем и преодоления ситуаций, классифицируемых как несправедливые. Были сформулированы вопросы о том, какими критериями пользуются молодые люди, оценивая социальные события как справедливые или лишенные этого качества, как формируются, выстраиваются, какими факторами задаются стандарты справедливости в динамично меняющемся мире. В результате проведения фокус-групп, о которых пойдет речь далее, было выявлено, что в оценке и принятии решений, и шире – в процессах социокультурной, этической регуляции – молодые люди руководствуются тем, что можно обозначить как образ справедливости, и этот образ чаще всего выстраивается апофатически.

Отвечая на вопрос о том, как они понимают справедливость, студенты перечисляли все то, чем, по их мнению, справедливость не является. На вопрос о том, как они понимают справедливость, студенты описывали конкретные случаи несправедливого обхождения с ними самим и с кем-либо другим. Более того, вербализуя своё видение (образ) справедливости, респонденты начинали рассуждения с объяснения того, что такое несправедливость. Несправедливость

не в каком-то конкретном случае, а несправедливость вообще. Позитивные атрибуты в определении справедливости появлялись лишь тогда, когда модератор задавал вопросы, позволяющие назвать конкретные характеристики справедливости. Таким образом, у студентов 2-4 курсов было обнаружено применение апофатической стратегии в процессе конструирования образа справедливости и его экспликации. Определение справедливости через несправедливость объясняется не трудностями артикулирования студентами характеристик справедливости, а в первую очередь тем, что примеры несправедливости выступают отправной точкой постижения сути справедливости. Иными словами, чувство несправедливости зачастую служит сигналом, который движет людьми. Конечно, сигнал пробуждает критическую рефлексию, требует осмысления ситуации¹⁵⁵.

Понятие «апофатичность» в его инструментально-методологическом смысле берет свое начало в древности и понимается как принцип отрицания свойств, относящихся к предмету – «всех предикатов как неточных или ложных»¹⁵⁶. Апофатика как познавательная практика имеет широкое поле применения, наиболее привычен ее теологический аспект¹⁵⁷. Под апофатической теологией понимается стремление выразить Бога путем устранения («отрицания») всех относящихся к Нему познавательных образов как несоизмеримых с Его природой. Поскольку Полнота Бытия (Бог) беспредельна, неправомерно представлять ее в форме какого-либо определенного бытия, качества и тем самым ограничивать Бога. Это понимание апофатичности заложено в «Ареопагитиках» Псевдо-Дионисия Ареопагита, в трудах Григория Нисского, Иоанна Дамаскина.

Апофатический подход познания окружающего мира встречается не только в христианской религиозной культуре. Во всех мировых религиях мы можем обнаружить применение апофатической стратегии в познании Абсолюта. В индуизме в Упанишадах содержатся, как считается, самые ранние апофатические

¹⁵⁵ Сен А. Идея справедливости. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. С.45.

¹⁵⁶ Дударева М.А. Апофатика русской словесной культуры конца Нового времени: образы смерти: дис. ...д-ра культур.: 24.00.01. Иваново, 2021. С.14

¹⁵⁷ Грицанов А.А. Всемирная энциклопедия. Философия. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2001. 1312 с.

определения Абсолюта – Брахмана, описываемого как «не то и не то»¹⁵⁸. В буддийской традиции апофатический логоцентризм, трактуемый как «громоподобное молчание Будды», является важной характеристикой постижения. Он задает равновесие в диапазоне между трансцендентным Абсолютом и относительным, актуально переживаемым синкретическим единством, что позволило буддизму развернуться в целостную и самодостаточную локальную культурную систему¹⁵⁹.

Иудейская культура исходит из невозможности катафатического постижения сущности Творца, так как человеческое восприятие, его понятия, представления, возможности тела ограничены, тогда как истинная сущность Бога не ограничена ничем: «... Непостижимый из всех непостижимых, мысль неспособна постичь Тебя»¹⁶⁰. Еще один пример – разработанное в даосизме учение о недеянии, которое не является синонимом бездействия, а лишь отказом от действия, несоответствующего Дао, которое, в свою очередь, само не имеет ни имени, ни формы¹⁶¹.

Апофазис присущ не только религиозной культуре, но человеческой культуре вообще. Например, в литературной традиции апофатика встречается в разных жанрах фольклора и достигается не только посредством языка, но и через художественный образ, имеющий мифологическое и символическое начало в мировоззрении первобытного человека, смыслы которого изменяются и получают новое осмысление с течением времени. Исследователи в области литературы (В.В. Дудкин) отмечают особенные «апофатические состояния», которые были восприняты писателями и поэтами в религиозных, фольклорных и философских

¹⁵⁸ Предтеченская Ю.В. Определение Брахмана в Упанишадах: апофатический и катафатический подходы (по комментарию Шанкары к "Тайттирия упанишаде") // Историко-философский ежегодник. 2010. № 2009. С. 272.

¹⁵⁹ Пелипенко А.А. Избранные работы по теории культуры. М.: Издательство «Согласие»; Издательство «Артем». 2014. С. 475-476.

¹⁶⁰ Хлебников Г.В. Концепция Бога в иудаизме // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 2021. № 1. С. 116.

¹⁶¹ Хао Ц. О религиозном и философском даосизме // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 6-1. С. 79.

источниках. Так творчество Ф.М. Достоевского наполнено особым языком – молчанием, через которое герой получает знание о высшем¹⁶².

Апофатический метод как способ постижения неизъяснимого применяется в различных областях культурной деятельности, в частности, в кино, где апофазис в попытке постичь пределы кинематографического нарратива передает «сакральное содержание, по определению не доступное профанной эстетической обработке»¹⁶³. В основе кино лежит ориентация на вербальность, которая заключается не только в голосовом представлении, но и визуальной демонстрации, аудиальном сопровождении. И в этом смысле кино никогда не будет только апофатичным, а всегда в большей степени катафатическим, когнитивная стратегия которого направлена на смысловую наглядность – «вербальный знак». Апофазис же направлен на обнаружение предшествующего знаку образа, понимаемого как нарративность и «доязыковой феномен»¹⁶⁴. Киномедиальное выражение «невыразимого» достигается инструментальными средствами и воплощается через различные фотогенические элементы: покой и молчание¹⁶⁵, выход киноизображения в музыку¹⁶⁶, замедление или остановку сюжетного развития, создающих нарративную лауну¹⁶⁷, временная перипетия, отражающая безвременье, ускорение или остановку времени¹⁶⁸ и так далее.

В предыдущем параграфе, рассматривая феномен «веры в справедливость, в справедливый мир», мы отмечали, что такое «когнитивное искажение» сегодня ярко выражено в литературе и кино. Современную массовую культуру характеризуют как «визуальную», поэтому анализ «киноапофатики» вносит новизну в понимание темы данного исследования – специфики

¹⁶² Дударева М.А. Апофатическое в русской культуре: постановка вопроса. От фольклора к литературе // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 2-1. С. 54.

¹⁶³ Бугаева Л.Д. От редактора: киноапофатика // Киноапофатика. СПб.: Издательский дом "Петрополис", 2018. С. 3.

¹⁶⁴ Бугаева, Л.Д. Указ.соч. С. 4.

¹⁶⁵ Смирнов И. Апофазис и эволюция киноискусства // Киноапофатика. СПб.: Издательский дом "Петрополис", 2018. С. 17.

¹⁶⁶ Григорьева Н. Кино на грани литургии: «Иван грозный» Эйзенштейна и торжественная сценическая мистерия (bühnenweihfestspiel) Вагнера // Киноапофатика. СПб.: Издательский дом "Петрополис", 2018. С. 60.

¹⁶⁷ Бугаева Л.Д. Нарративные лауны и вопросы киностилистики // Киноапофатика. СПб.: Издательский дом "Петрополис", 2018. С. 113.

¹⁶⁸ Мариевская Н. Современный кинематограф: границы визуального // Киноапофатика. СПб.: Издательский дом "Петрополис", 2018. С. 141.

функционирования образа справедливости в молодежной культуре. Авторы отмечают авторефлексивный характер киноискусства¹⁶⁹, это задает познавательное направление, в том числе и апофатическому модусу, который находясь на границе рациональности, наряду с катафатическим нацелен на самопознание и идентичность, являющихся элементами становления личности, осознания ею своей целостности. Именно в этом обнаруживается тесная связь развития личности и культуры, в основе которой лежит, с одной стороны, рациональный дискурс – длительное совершенствование самого себя¹⁷⁰, а с другой стороны – непостижимость Бытия и его осмысление через образы.

Не менее важная сфера применения апофатики – философия. Изучая истоки и смысл апофатической традиции, исследователи (Оплетаева О.Н.) выявляют, в первую очередь, ее философский генезис и обозначают её общий философский смысл. Подчеркивается, что в христианском богословии негативная теология становится одним из ведущих направлений после того, как христианская мысль усвоила философскую апофатику неоплатонизма¹⁷¹. Апофатика как принцип познания окружающего мира через отрицание соотносится с наукой, образованием, воспитанием, и даже претендует на статус «основного метода науки XXI» века (В. Тросников). Это обосновывается тем, что современная наука в своем длительном изучении материи добралась до таких рубежей, где автономия материи явно заканчивается и начинает ощущаться присутствие ее Творца, создавшего ее для определенных целей и имеющего какие-то планы относительно ее будущей судьбы. Науке, для того чтобы продвинуться дальше в исследованиях материального мира, «необходимо сконцентрировать свой взор не на том, что существующие теории могут объяснить, а на том, чего объяснить они принципиально не способны»¹⁷². П. Гуревич и Э. Спирова, рассматривая

¹⁶⁹ Смирнов И. Апофазис и эволюция киноискусства // Киноапофатика. СПб.: Издательский дом "Петрополис", 2018. С. 24.

¹⁷⁰ Кант И. Собрание сочинений: в 8 т.: юбилейное издание 1794-1994. М.: Чоро, 1994.

¹⁷¹ Оплетаева О.Н. Истоки и смысл апофатической традиции. Философия и теология // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 4. С. 30-36.

¹⁷² Тросников В. Апофатика – основной метод науки XXI века [Электронный ресурс] / Православие.Ru (pravoslavie.ru). Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/736.html>.

апофатизм как научный метод, ссылаются на Ф. Бэкона, по мнению которого наука начинается с отрицания, с критики собственных оснований, очищения разума от заблуждений и идолов¹⁷³.

Постмодернистский философско-антропологический подход основывается на том, что изменение бытия человека, происходящее с ним на различных уровнях: ментальном, биологическом, этическом, цифровом, не позволяет больше рассматривать его как цельную сущность. Катафатический подход больше не в силах комплексно осмыслить эту фрагментарность¹⁷⁴. Требуются иные способы постижения человеческого бытия – одним из которых, как раз, и может стать апофатический подход.

Эвристический потенциал апофатического подхода заключается в том, что он позволяет выявлять знаниевые лакуны и определять направление познавательного процесса, на том основании, что апофатичность является неотъемлемой составной мышления. Это важно и для наук о человеке и обществе. Говоря об осмыслении знания и его границ, исследователи подчеркивают, что понимание как мыслительная деятельность субъекта должно одновременно осознавать и отрицать знание. «Научить незнанию» для того, чтобы обучающийся мог самостоятельно определять пределы своего знания и двигаться вперед, оказываясь на его границе. Именно этим определяется практический (в отличие от теоретического) характер апофатического метода познания в образовании¹⁷⁵.

Истоки апофатического модуса сознания лежат в условиях существования человека. Люди действуют и принимают решения в реалиях знаниевого недостатка о предметах, явлениях, событиях. Формирование у человека знаний о мире кроме непосредственного эмпирического опыта идет путем создания мифов – включения мыслительных конструкций и предположений о сущностях и явлениях. Такая когнитивная деятельность позволяет консистировать в сознании представления об окружающем мире в единую картину. Характеристика

---

¹⁷³ Гуревич П., Спирина Э. Наука в горизонте апофатики // Философская антропология. 2019. Т. 5. № 1. С. 13.

¹⁷⁴ Хоружий С.С. Человек: сущее, трояко размыкающее себя // Человек.RU. 2006. № 2. С. 31-56.

¹⁷⁵ Бакеева Е.В. Апофатическое мышление как «метод» понимания // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 29. С. 39.

введенных в представление о мире умозрительных моделей, как правило, происходит через отрицание уже известных свойств, что позволяет сделать «достаточно наглядными коннотационные характеристики образов действительности»¹⁷⁶. В философско-культурном аспекте апофатическое знание исходит из невозможности рационально постичь Начало и Безначальность. Непостижение и его итоги служат завершению картины мира исследователя, позволяя принять в нее то, что лежит за пределами катафатического познания, рационализируя тем самым невыразимое¹⁷⁷. Таким образом, логично присоединиться к позиции Г.Л. Тульчинского, согласно которой апофатический модус познания «не ориентируется на конкретику, логику и рациональность. Это путь сверхсознания и над-рациональности»¹⁷⁸. Апофатический подход к пониманию справедливости еще раз отсылает к генеалогии этого феномена, рассмотренного в первом параграфе диссертации. Мифологическое мировоззрение можно отнести к самой ранней форме социально-культурного сознания, возникшей в период архаики и представляющей собой особое «образное и чувственное мироощущение»¹⁷⁹. Мифологическое мышление создает объясняющую картину мира, в которой «что бы ни случилось, все понятно и имеет смысл»¹⁸⁰. На основе древнего мифологизма зародились античная философская, религиозная и другие формы мышления, которые однако не пришли ему на смену, а надстроились над ним, приобретая свои собственные способы совместного культурного бытия. Так, Ролан Барт в своей книге «Мифологии», исследуя массовую культуру французского общества, указывает на социальную неотъемлемость мифа, подчеркивая, что мифологизация присутствует и в иных

¹⁷⁶ Тульчинский Г.Л. Перспективы метафизики: Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков [Электронный ресурс] // Российский гуманитарный научный фонд Международная Кафедра (ЮНЕСКО) по философии и этике СПб Научного центра РАН. Режим доступа: http://read.newlibrary.ru/read/red_g_1_tulchinski/page0/perspektivy_metafiziki.html.

¹⁷⁷ Дробышев В.Н. Апофатическая рациональность и ее трансформация в современной западной философии: автореф. дис. ...д-ра философ.наук: 09.00.03. СПб., 2016. С. 4.

¹⁷⁸ Тульчинский Г.Л. Метафизика, свобода и самосознание // Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков: Материалы международной конференции, Санкт-Петербург, 28–29 октября 1997 года. СПб.: Санкт-Петербургское отделение Института человека РАН, 1997. С. 94-98.

¹⁷⁹ Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб.: Алетейя, 2003. С. 41.

¹⁸⁰ Мамардашвили М.К. Введение в философию [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://read.newlibrary.ru/read/mamardashvili_merab/page0/trudy.html

формах мировоззрения, и является признаком всех социумов¹⁸¹. Т.М. Алпеева называет миф «атрибутивным свойством сознания»¹⁸². Таким образом, мышление человека не может преодолеть мифическую нарративность, а напротив, «придает онтологии рационализма новую форму»¹⁸³, характерную, в том числе для современного социума.

Образная, символическая форма отражения действительности является специфическим свойством мифа, а образ и символ «апофатическим инструментом», позволяющим косвенным образом постичь непостижимое¹⁸⁴. Для постмодерного общества характерен нарастающий «кризис рациональности»¹⁸⁵, препятствующий катафатическому осмыслению справедливости и выводящий востребованность апофатических познавательных стратегий, сочетающих в себе образность мифа и символизм, на новый уровень.

Использование апофатического подхода в единстве с катафатическим в понимании справедливости можно найти у античных мыслителей. Так, справедливость как базовая добродетель, подробно анализируется Аристотелем, при этом, как и другие добродетели, она определяется через свою противоположность (порок), несправедливость, при этом мера (навык, чувство, искусство) создает баланс между этими крайностями. Справедливость – это воздаяние по заслугам, а несправедливость – неравномерное и противозаконное¹⁸⁶. Апофатичность в истолковании справедливости обнаруживается и у Т. Гоббса, который, описывая концепцию общественного договора как атрибута государственности, определил, что изначально человек и общество несправедливы, и в своем естественном состоянии – «человек человеку волк». В обществе идет «война всех против всех», целью которой является

¹⁸¹ Барг Р. Мифологии. М.: РГБ, 2008. 351 с.

¹⁸² Алпеева Т.М. Теоретико-методологический анализ проблемы социального мифа: дис. ... д-ра философ. наук: 09.00.11. Минск, 1992. С. 41.

¹⁸³ Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. С. 220-222.

¹⁸⁴ Бибахин В. Абсолютный миф А.Ф. Лосева [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eng.bibikhin.ru/absolutny_mif

¹⁸⁵ Веревичев И.И. Кризисы рациональности: причины и следствия // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 4-4. С. 964.

¹⁸⁶ Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. 1112 с.

выживание. Справедливость и собственность начинаются с основания государства¹⁸⁷.

Дж. Ролз в своей теории рассматривает справедливость как методологическую платформу структурирования различных форм социальных институтов. При этом он также использует апофатический метод в исследовании процедурного аспекта справедливости, выявляя невозможность использования любых форм общественной жизни, если они несправедливы¹⁸⁸. Честная процедура заключается в выработке справедливых принципов в состоянии исходного положения, когда отброшены представления о собственном социальном положении или иных фактах, позволяющих определить собственные выгоды и нужды – так называемый занавес неведения. Если этого не сделать, выработанные принципы нельзя назвать справедливыми. А. Сен в своей теории справедливости¹⁸⁹ делает центральной идею выявления устранимой несправедливости. Именно это, по мнению А. Сена, побуждает нас задуматься о справедливости и несправедливости. Констатация несправедливости выступает начальной точкой его рассуждения.

Применительно к справедливости философско-методологическая рефлексия этой понятия также не может основываться только на катафатических подходах. На уровне методологических интуиций можно наблюдать применение учеными и апофатического инструментария. Понятие справедливости требует соответствия между практической ролью различных индивидов (социальных групп) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием, а также эквивалентности взаимного обмена деятельностью и ее продуктами. Несоответствие в этих отношениях оценивается как несправедливость¹⁹⁰. Здесь

---

¹⁸⁷ Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 735 с.

¹⁸⁸ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. С.89.

¹⁸⁹ Сен А. Идея справедливости. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 520 с.

¹⁹⁰ Дробницкий О.Г. Селиванов Ф.А. Справедливость // Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 119.

ученые в попытке более точно определить понятие справедливость прибегают к апофатическому способу оценки.

Как история вопроса, так и современные подходы подтверждают, что исследование справедливости исключительно катафатическими методами не справляется со своей задачей комплексного описания феномена и его всестороннего обоснования. В условиях ценностной фрагментации, множества представлений и противоположных мнений о справедливости прекращают работать привычные модели мышления, «разум теряет опору на устоявшиеся образы и понятия»¹⁹¹. Становится невозможным осмыслить все аспекты справедливости исключительно традиционными методами. Именно в этих условиях апофатический дискурс, действующий на пределе рациональности, может помочь науке выявить нередуцируемое в архитектонике Новой справедливости.

Результаты проведенного исследования (опрос студентов с использованием метода фокус-групп¹⁹²) позволяют предположить, что использование апофатического метода связано с проблемностью рационального постижения феномена справедливости в современном обществе. Справедливость в этих реалиях теряет свой методологический потенциал и свойство парадигмы, как силы, структурирующей бытие. Молодое поколение при определении сущности справедливости использует апофатические характеристики, в первую очередь, выявляя ситуации, которые представляются несправедливыми.

Таким образом, ценность апофатической стратегии заключается не в дефинировании объекта, а в трансцендировании эмпирической данности, в формировании первичного образа справедливости, в «указании на объект, к которому можно лишь «прикоснуться». Можно определить, что такое предел, а что за пределом, – нельзя»¹⁹³. Анализ апофатической стратегии в отношении

¹⁹¹ Михайлова М.В. Апофатика в постмодернизме [Электронный ресурс] // Интернет-проект Философская Самара. Режим доступа: <http://www.phil63.ru/apofatika-v-postmodernizme>.

¹⁹² Черняева А.С., Шестакова Н.Н., Юрков Д.В. Понимание справедливости: анализ результатов фокус-групп на примере студенческой молодежи // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2020. Т. 9, № 4. С. 51-56.

¹⁹³ Лаврухина И.М. Постигание Абсолюта: религиозно-философские версии осмысления идеи трансцендентного в культуре // Инновационные научные исследования: теория, методология, Практика: сборник статей победителей III

рефлексии феномена справедливости в его многоуровневости, а также для рассмотрения возможностей конструирования позитивного образа справедливости в процессе образовательных практик требует более полно раскрыть понятие «образ справедливости». Эта задача будет выполнена в следующем параграфе.

2.2. Образ справедливости как социокультурный феномен и основание для конструирования позитивного образа справедливости

Комплексное исследование феномена справедливости в данной работе открывает «возможность конструирования целостного представления о нем и анализ образа справедливости как особого конструкта»¹⁹⁴. Термин «образ», имеющий широкое применение в социально-гуманитарном знании и в науках о культуре в особенности, становится предметом философской рефлексии в философии античности, и основные традиции его толкования закладываются Платоном и Аристотелем. У Платона «эйдос», будучи центральным понятием всей философской системы, обозначает «как внешний, так и внутренний способ бытия объекта, не только представление о вещи, но и ее причину, а также цель её существования»¹⁹⁵. Образ (эйдос) – это идеальный эталон, формирующий материальные объекты, которые являются лишь копиями, «теньями»,

---

международной научно-практической конференции, Пенза, 15 ноября 2016 года. Пенза: «Наука и Просвещение», 2016. С. 259.

¹⁹⁴ Полякова В.В. Специфика использования категории "образ" в социокультурном анализе // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: XV Международная конференция памяти проф. Л.Н. Логана, Екатеринбург, 22–23 марта 2012 года. Екатеринбург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2012. С. 386-391.

¹⁹⁵ Гончарова Н.Ю. Общетеоретические основы изучения понятия «образ» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3-2. С. 33.

производными от мира идей¹⁹⁶. Эта традиция воспроизводилась позднее в философских системах неоплатоников и в средневековой онтологии. В рамках гносеологического подхода образ выступает в качестве вторичного воплощения «оригинала». В то же время эта вторичность не препятствует пониманию образа как сложного и комплексного феномена, конструируемого в практической деятельности, позволяющей ему приблизиться пусть и к релятивному (относительному), но более адекватному соответствию объекту отражения.¹⁹⁷

Вторая традиция, развиваемая Аристотелем, в большей степени отвечает задаче данного исследования и позволяет объяснить механизм формирования образа справедливости и условия его конструирования. Анализ сущности образов проводится философом в его масштабном, исследующим целостность и свойства души, трактате «О душе»¹⁹⁸, в котором он указывает на то, что образ помещен «внутри человека, а источником образа служит не идеальный, а материальный мир. То есть, образы, по Аристотелю, – это посредники между чувствами и разумом, мост между внутренним миром сознания и внешним миром материальной реальности».¹⁹⁹ Принятие аристотелевского осмысления образа позволяет сопрячь образ с воображением – особой творческой мыслительной практикой: «Воображение есть то, благодаря чему у нас возникает образ. Воображение не есть ощущение... Воображение не принадлежит ни к одной из тех способностей, каковы познание и ум... Воображение есть движение, возникающее от ощущения в действии...»²⁰⁰. Далее в ходе исследования, когда речь пойдет о конструировании позитивного образа справедливости, уместно будет вспомнить о «видах подражания», выделяемых выдающимся Стагиритом, которые «синтезируются в образе: адекватное отображение действительности

¹⁹⁶ Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. 798 с.

¹⁹⁷ Полякова В.В. Специфика использования категории "образ" в социокультурном анализе // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: XV Международная конференция памяти проф. Л.Н. Логана, Екатеринбург, 22–23 марта 2012 года. Екатеринбург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2012. С. 387.

¹⁹⁸ Аристотель. О душе. СПб.: Питер, 2002. 220 с.

¹⁹⁹ Осинская С. А. Категория "образ" в системе психологического знания // Актуальные вопросы современной науки. 2012. № 22. С. 70.

²⁰⁰ Аристотель. Сочинения: В 4-х томах. Т.1. М.: Издательство Мысль, 1981. С.428.

(изображение вещей такими, "как они были или есть"); деятельность творческого воображения ("как о них говорят и думают"); идеализация действительности ("какими они должны быть")»²⁰¹. Течение этой линии, признающей за образом творческой, трансформирующей силы, действующей внутри человеческой природы, связано с рядом мыслителей средневековой и возрожденческой философской мысли (Парацельс, Фичино и Бруно)²⁰².

Существенная теоретическая работа (доработка) в понимании образа происходит в новоевропейской философии, начиная с теории мыслящего субъекта Р. Декарта, в которой источником смыслов, творчества и истины является человеческая субъективность, что во многом определит и понимание образа в психологии. Дэвид Юм, развивая учение Декарта, в «Трактате о человеческой природе»²⁰³, выдающемся труде 1739 года, описывает творческую, уникальную по своей природе конструирующую ипостась образов: «Наш внутренний музей искусств – вот вся реальность, с которой мы имеем дело» и, утверждая безусловность субъективного образа, постулирует его исключительную истинность, которая только нам и доступна²⁰⁴. По мнению Канта, выдающегося продолжателя картезианско-юмовской линии, формирование образа представляет собой «неотъемлемое условие любого знания»²⁰⁵. Формирование образов Кант характеризует как взаимообусловленное единство «воспроизводящих и производящих» процессов, в ходе которых образуются «синтетические категории», определяющие «создание образов трансцендентных по отношению к разуму»²⁰⁶. И, конечно же, вопрос формирования образа как самостоятельная тема стала предметом анализа Г.В. Гегеля. О гегелевской традиции в лице ее

²⁰¹ Энциклопедии: Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rulibs.com/ru_zar/ref_encyc/kollektiv/0/j0.html.

²⁰² Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье (1-2). СПб.: «Издательство Пневма». 2003. 688с.

²⁰³ Юм Д. Трактат о человеческой природе. М.: АСТ, 2022. 799 с.

²⁰⁴ Серикова Т. Ю. История формирования понятия "образ" в гуманитарном знании // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4-1(23). С. 54.

²⁰⁵ Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 204.

²⁰⁶ Антисери Д., Реале Дж. Указ.соч.

современных отечественных мыслителей будет сказано далее, поскольку благодаря ей раскрывается «идеальный образ» в теории и практике культуры²⁰⁷.

Далее взгляды на «синкретичную», синтетическую, целостную природу образа развиваются в экзистенциализме и философии жизни, в работах Кьеркегора и Ницше. Так, С. Кьеркегор, разрабатывая теорию «этапов отчаяния», во-первых, обосновывает существование личности (Я) с процессом воображения (формирования образов), а во-вторых, показывает, как в несправедливом мире можно достичь равновесия, переходя с эстетического этапа на этический и далее²⁰⁸ – на религиозный. Можно сказать, что философ в работе «Болезнь к смерти» говорит о роли чувств, разума и веры в процессе конструирования позитивного образа справедливости на единственно возможном пути преодоления отчаяния. Чувство несправедливости – один из модусов отчаяния. А ведь позитивный образ справедливости конструируется именно как преодоление отчаяния, основы человеческой личности (философ называет его «ласковым убийцей») на последовательно проходящих этапах: отчаяние слабости (эстетический); отчаяние мужества (этический), абсолютное отчаяние (религиозный). Это этапы не просто спасения, но жизнеутверждения, суть которых пре-образование, т.е. переформатирование образа себя и мира.

В философии XX века проблема образа активно анализируется в направлениях, которые, с одной стороны, противоположны друг другу, а с другой – взаимодополняемы: структурализм и экзистенциализм, феноменология и неомарксизм. Один из примеров, приводит В.В Полякова, описывая рассуждения Ж.-П. Сартра в его вышедшей в свет в 1940 году работе «Воображаемое»: «Согласно традиционной точке зрения, воображение наполняет сознание «образами объектов». Пока сознание остается неизменным, можно описать объект посредством «образа», но нельзя определить образ как таковой, самостоятельную субстанцию. Чтобы определить характерные черты собственно образа как

²⁰⁷ Ильенков Э.В. Проблема идеала в философии: Гегель и герменевтика. М.: URSS, 2011.; Пивоваров Д.В. Г.В.Ф. Гегель: философия религии // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. № 1(30). С. 40-51.

²⁰⁸ Кьеркегор С. Болезнь к смерти: изложение христианской психологии ради наставления и пробуждения: написано Анти-Климакусом, издано С. Кьеркегором. М.: Академический проект, 2012. 157 с.

такового, нужно прибегнуть к новому акту сознания: к рефлексии. Именно рефлексивный акт делает возможным суждение "у меня есть образ чего-либо"²⁰⁹. Следовательно, акт рефлексии обладает непосредственным достоверным содержанием, которое позволяет определить сущность образа».²¹⁰

Социокультурные особенности образа справедливости раскрываются как в теоретических, так и в эмпирических исследованиях социологов, где «образ понимается как мыслительный или вещественный конструкт, представляющий какой-либо объект. Целостное, но неполное представление о каком-либо объекте или классе объектов...»²¹¹. Это определение, как отмечают специалисты (В.В. Полякова), хорошо репрезентирует понятие «образ жизни», достаточно широко используемое в социальной философии. Оформление образа в сознании человека обусловлено происходящими с ним событиями, лежащими в основу его жизненного опыта в различных областях деятельности. Этот опыт может быть предметным, и связан с конкретными умениями и навыками, а может быть символическим, сложившимся в форме концептуальных и теоретических познаний. По этой причине существование образа находится в постоянной динамике, его содержание непрерывно уточняется и наполняется новыми смыслами по мере того, как человек познает самого себя и вступает во взаимодействие с окружающим его миром. Но, не смотря на это, важным элементом в составе образа является габитус, включающий стереотипизированные социальные установки.²¹² При этом специалисты

---

²⁰⁹ Сартр Ж.П. Воображаемое: Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001. С. 35.

²¹⁰ Полякова В.В. Специфика использования категории "образ" в социокультурном анализе // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования.: XV Международная конференция памяти проф. Л.Н.Когана, Екатеринбург, 22-23 марта 2012 года. Екатеринбург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2012. С. 386-387.

²¹¹ Российская социологическая энциклопедия. М.: Издательский Дом "Инфра-М", 1998. С. 327.

²¹² Полякова В.В. Специфика использования категории "образ" в социокультурном анализе // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования.: XV Международная конференция памяти проф. Л.Н.Когана, Екатеринбург, 22-23 марта 2012 года. Екатеринбург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2012. С. 388.

подчеркивают существенное отличие социального образа от социального стереотипа²¹³.

Социологический подход вносит существенные дополнения для понимания образа справедливости благодаря разработанной системе характеристик, таких, как типичность, целокупность, устойчивость. Первая характеристика выражается в том, что образ «характеризуется максимальной распространенностью в однородной социальной группе»²¹⁴. Целокупность позволяет выстраивать совместность, основываясь на единообразных и однородных представлениях о реалиях. Стабильность образа обуславливается «способностью субъекта в определенный промежуток времени сохранять приблизительно одинаковую структуру доминант в восприятии и оценке явлений социальной действительности»²¹⁵. Эти особенности следует учитывать при работе по конструированию позитивного образа справедливости, что отмечают специалисты по конструированию различного рода идентичностей (этнической, национальной, профессиональной). Социологи подчеркивают, что сформированному образу какого-либо явления (в данном случае – проявлений справедливости) соответствуют устойчивые характеристики, структура которых воспроизводится в течение времени. Это является несомненным достоинством использования позитивного образа справедливости при решении конкретных ситуаций (кейсов), поскольку позволяет действовать, используя определенный набор «целокупных характеристик». В этой связи можно сказать, что признак всеобщности не является определяющим для типичного образа, отражающего разнообразные факты социальной жизни, а напротив происходит его различение, как указывает В.В. Полякова: «по социальным характеристикам, по уровню восприятия явления, по степени близости к явлению».²¹⁶

Отличительной чертой «образа» выступает и то, что личностное или групповое знание о явлении помимо непосредственного и фактического

---

²¹³ Сильнова Е.И. Концептуализация понятия "социальный образ" в социальной философии // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 688.

²¹⁴ Полякова В.В. Указ.соч.

²¹⁵ Полякова В.В. Указ.соч.

²¹⁶ Полякова В.В. Указ.соч.

охватывает также чувственно-эмоциональное. Благодаря этому образ индивидуализируется, включая в себя важные для личности и группы свойства и характеристики, становится ценностно-ориентированным²¹⁷, и это необходимо учитывать при конструировании позитивного образа справедливости.

Понимание механизмов конструирования образа справедливости невозможно вне открытий психологической науки, начиная с В. Вундта и Э. Титченера, когда исследуется не только сущность и условия формирования образов, но и техники работы с ними. Теоретико-методологической базой психологии в изучении данной проблемы вне всяких сомнений являются названные выше философские теории, новизна же связана с практико-прикладным характером работы по анализу субъективных образов, основания которой закладывает Зигмунд Фрейд. Автор знаменитой работы «Неудовлетворенность культурой»²¹⁸ помещает образы в область между психическими системами сознательного и бессознательного, при этом образ выполняет функцию трансляции деформированной реальности, явленной в человеческом бессознательном.²¹⁹ Разработанная З. Фрейдом методология психоанализа в описании природы и специфики образа позволяет его ученикам творчески дополнять концепцию образа как психического феномена. В своем учении Карл Густав Юнг интегрирует понятия образ и архетип. Образ он наполняет созидательным началом, представляющим собой по выражению Юнга «автономную активность души», функциональная цель которой заключается в рефлексии первичного опыта²²⁰. Архетип как категория «коллективного бессознательного» являясь предпосылкой образа, имеет мифологическое наполнение, содержащее первичные символы, когнитивные образцы и шаблоны. То есть, по сути, является неким фундаментом, на котором в результате осознания формируется образ²²¹. Для понимания сущности образа

²¹⁷ Полякова В.В. Указ.соч.

²¹⁸ Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения. Я и Оно; Неудовлетворенность культурой. СПб.: Алетейя, 1998. 251 с.

²¹⁹ Курьшева О.В. Категория образа в традиции современной психологии [Электронный ресурс] // Философская теория и практика. Волгоград, 2005. Режим доступа: <https://textarchive.ru>.

²²⁰ Кембриджское руководство по аналитической психологии. М.: Добросвет, 2007. С. 126.

²²¹ Курьшева О.В. Указ.соч.

справедливости в юнгианском анализе есть понятия символического образа и коллективного бессознательного. Образ справедливости, таким образом, является архетипичным по своей природе. У отдельного человека и у сообществ может быть несколько архетипов справедливости, что обязательно должно учитываться в образовательных практиках при работе с образами справедливости.

Поскольку образ справедливости – главное понятие нашего исследования – еще раз обратим внимание на символическую, мифологическую и иррациональную сущность образа, которая основательно исследуется как в зарубежной, так и в отечественной психологии XX века. Лишь коротко отметим, что значительный вклад в теоретико-практическое обоснование образа в отечественной психологии и педагогике внесли такие ученые как Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, С.Д. Смирнов. Образ, являющийся многоуровневой категорией, имеет как чувственно-эмоциональную природу, развивающуюся во времени и обладающую своей пространственной организацией, так и рациональную. Масштабность образа беспредельна, и способна вместить в себя симультанно какое угодно содержание.²²² Весьма значимыми в спектре психологических исследований проблемы образа считаются разработки гештальт-психологии. Понятие «гештальт» определяется как «целостное объединение элементов психической жизни, несводимое к сумме составляющих его частей»²²³. Технологии работы с образом, разработанные и активно внедряемые сегодня в различных сферах (психотерапии, менеджменте и так далее), опираются на конструктивную созидательную природу человека, фиксирующую «негэнтропийную направленность условий бытия»²²⁴. В этом и заключается исходная идея, являющаяся отправной точкой, всех нравственных абсолютов. Сверхсознание и сознание являются опорой для подсознания в восприятии окружающих условий бытия в виде законченных интегральных

---

²²² Большой психологический словарь. М.: Издательство АСТ, 2009. С. 318.

²²³ Шестаков В.П. Вступительная статья // Вступительная статья к книге Р.Арнхейма «Искусство и визуальное восприятие». М.1974. С.13.

²²⁴ Разин А.В. Специфика процесса образования моральных понятий // Философия и общество. 2021. № 2(99). С.75.

образов.²²⁵ Этот многоступенчатый процесс, в котором происходит формирование, в том числе и нравственных понятий, подробно описан А.В. Разиным. Результатом этого процесса становятся возникающие в сознании человека представления о чудесном происхождении фундаментальных моральных категорий. В качестве примера такого мыслительного построения А.В. Разин приводит концепцию всеединства Вл. Соловьева.²²⁶

Можно говорить о том, что современные педагогические технологии, медиация, стейкхолдеранализ, делиберация, о которых речь пойдет в третьей главе диссертации, так или иначе опираются на техники работы с образами, разработанные в гештальт-терапии, арт-терапии и других видах психоаналитических практик, позволяющих переводить образы субъекта из тревожного, болезненного бессознательного в статус осознанности и ответственной взрослости, только так возможен позитивный образ справедливости.

В XX веке, одновременно с философией и психологией, образ как социокультурный феномен активно изучается семиотикой (семиологией) наукой о знаковых системах, основоположниками которой по праву считаются Ч. Пирс и Ф. де Соссюр. В современной семиотике, сформировавшейся в 50-е годы XX века, образ глубоко изучается как средство смысловой коммуникации²²⁷. Исследуется знаковая природа образа (художественного, литературного)²²⁸, который становится «мысленным кодом обобщенных человеческих переживаний»²²⁹. Знаково-символический подход в исследованиях образа важен для понимания образа справедливости и возможностей его конструирования, так как еще раз обращает внимание на сложность работы с ним, поскольку образ справедливости

²²⁵ Разин А.В. Происхождение морали: свобода воли и нравственность // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8(93). С. 16-26.

²²⁶ При большой роли эмоционального момента в работе подсознания следует отметить, что в этой сфере могут происходить и логические операции. Это как раз подтверждается интеллектуальной интуицией: Разин А.В. Специфика процесса образования моральных понятий // Философия и общество. 2021. № 2(99). С. 57-80.

²²⁷ Овсянников М.Ф. Генезис и бытие художественного образа // Марксистско-ленинская эстетика. М.: Изд-во Москов. ун-та. 1973. С. 134.

²²⁸ Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 117.

²²⁹ Бранский В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художеств. произведения на примере истории живописи. М.: РГБ, 2003. С. 451.

охватывает не только рациональную область, но и нечто неявное, лежащее за его пределами.²³⁰

Специфика работы по конструированию образа справедливости становится более понятной, когда классические подходы, начиная с античности до гуманитарных наук XX века, дополняются наработками отечественных исследователей, где обозначенные в начале параграфа традиции Платона и Аристотеля объединяются в концепциях идеалообразования. Обращение к этой традиции важно тем, что объединяет тему образа и образования как конструирования идеала. Так, в концепции идеального Э.В. Ильенкова²³¹ проблема идеального и проблема идеала не только связаны с проблемой истины, ее анализом в отношении психики индивида, но и акцентировано то, что культура в большей степени представляет собой организационно-нормативное явление, а идеал (закрывающий в себе истину) в его любом проявлении является опредмеченным, деятельностным отражением пути человека к своей сущности, того пути, который наиболее актуален в конкретную историческую эпоху²³².

В концепции Ильенкова, значение которой в гуманитаристике XX века сравнимо по значимости с теориями Лакана, Фуко, Делёза, Деррида, Хабермаса, подчеркивается, что в идеале, представляющем собой олицетворение образа человеческих отношений, на эстетическом уровне, нравственном и понятийном «ухватывается» как предметно-практическая активность человека, так и ее динамика, обусловленные социокультурными изменениями. Идеальность образа справедливости, в этом смысле, как любого состояния, может быть достигнута исключительно в общезначимых формах – действия, психологической, предметной, символической, языковой.²³³ Философом выполнен глубокий анализ идеального как бесконечного, а отдельных сущностей как результата «сборки», при этом делается акцент на общественном характере идеального, возникающем из познавательной и трудовой деятельности человеческого общества.

---

²³⁰ Гончарова Н.Ю. Указ.соч. С. 35.

²³¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: УРСС, 2010. С.140.

²³² Ильенков Э.В. Проблема идеала в философии: Гегель и герменевтика. М.: URSS, 2011.

²³³ Ильенков Э.В. Указ.соч.

О роли идеалообразования в культуре пишет Д.В. Пивоваров.²³⁴ Культура определяется философом как идеалообразующая сторона человеческой жизни, первоосновой которой он считает сакрализованные идеалы, а выражением – взаимосвязанные множества светских идеалов.²³⁵ Процесс идеалообразования у Д.В. Пивоварова заключается во взаимной репрезентации субъекта и объекта. На первом этапе этого процесса происходит обособление объекта, воспринимаемого как наиболее подлинная единица бытия, постигаемого на чувственно-эмоциональном уровне. На втором этапе субъект принимает этот объект как образец и распространяет его качества на сверхчувственную действительность. Философом акцентуируется многогранность идеалообразования и отмечаются в его содержании духовные, мыслительные и предметно-деятельностные элементы. Идеал в рамках теории Д.В. Пивоварова выступает центральной идеей, являющейся предельной целью человеческих побуждений, недостижимой и до конца неосуществимой. Представляется, что это в полной мере относится к характеристикам образа справедливости, как и других этических идеалов, фундирующих человеческую культуру. Роль идеалообразования в культуре у Пивоварова заключается в процессе сохранения идеалов, их изменения в жизни общества и прощания с ними.²³⁶

Проблема конструирования образа (прежде всего, художественного образа) в системе культуры в целом является предметом изучения специалистов в области философско-искусствоведческого анализа произведений изобразительного искусства и культуры. Здесь необходимо обратить внимание на разработки школы В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой²³⁷, связанных с теорией Д.В. Пивоварова, это ряд работ, раскрывающих сущность и особенности визуального мышления, где

²³⁴ Пивоваров Д.В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 15.

²³⁵ Алексеев П.В. Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. М.: «Академический проект», 1999. С. 750-751.

²³⁶ Буртасова Н.С. Социальное управление массовым сознанием: автореф. дис. ... канд. философ. наук; 09.00.11. Красноярск, 2004. 23 с.

²³⁷ Копцева Н.П., Жуковский В.И., Сузукей В.Ю. Проблема истины в философии культуры: концептуальное единство и многообразие. Красноярск: Красноярская региональная общественная организация «Содружество просветителей Красноярья», 2020. 185 с.

анализируются художественный процесс, художественное творчество, художественный образ.

Обращение к данным авторским концепциям и наработкам важно для данного исследования, поскольку делает предметом детального анализа связь культурного и образовательного пространства, а также механизмы формирования и функционирования идеалов и идеальных образов, имеющих трансцендентную природу, но реализуемых на социальном и личностном уровнях. Н.П. Копцевой и В.И. Жуковским сформулирована авторская концепция образовательного пространства. Ученые выявляют его функциональную связь с общественной и естественной сферами. Именно в рамках образовательного пространства происходит передача молодежи культурных образцов, необходимых для становления личности. В этом пространстве педагогика, отмечает Жуковский, особую роль уделяет сотворчеству и диалогу (особо выделяется диалог-игра)²³⁸. Для формирования образа справедливости, учитывая коммунитаристский подход, о котором мы говорили в первом параграфе, это полностью справедливо, поскольку диалогичность открывает путь к познанию и пониманию человека, который в полной мере отражает сущность человеческой личности, характер отношений человека к окружающему миру и к себе самому. Диалог как принцип образовательной и педагогической деятельности предполагает, что общение может осуществляться не только с реальным собеседником, но и с воображаемым, именно это делает и произведение искусства определенным кейсом для интерпретации, как и «проблемные», неоднозначные ситуации моральных дилемм.

В этом смысле образ справедливости, как и художественный образ, представляет собой новое качество, рождающееся в диалоге, возникающем в процессе рефлексии морально-этической ситуации, в ходе которого именно наглядность образа становится инструментом формирования представлений о совершенной духовной связи человека и окружающего мира. Рассматривая

---

²³⁸ Жуковский В.И. Художественный образ и образовательное пространство // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 5-1. С. 105-106.

художественный образа в качестве образовательного инструмента²³⁹, автор подчеркивает, своеобразие образовательного пространства, особенностью развития которого является постоянная детализация диалога наблюдающего и произведения искусства. Этот диалог преобразует и обновляет человека. Так и в решении этических кейсов обучающийся (конкретный человек или группа) вырабатывает собственный опыт оценки «справедливо /несправедливо», подвижный, динамический образ. Выстраивание образа в соответствии с пошаговой технологией приводит к результату, в котором «взвешивание» на предмет «степени справедливости» в отношении конкретной социокультурной дилеммы, и еще раз подтверждает актуальность аристотелевской идеи о ситуативном (а не шаблонном) определении «меры» как середины между избытком и недостатком. Отработанные техники разбора образа позволяют анализировать ситуации материального мира, образы предметных вещей, соотнося их с эталоном (идеальным образом), имеющим метафизическую природу.

Подведем итоги параграфа. Понятие «образ» давно уже зарекомендовал себя как эффективный инструмент социокультурного познания, частности культурологического. Потенциал «образа» в его теоретическом и методологическом аспектах обусловлен прежде всего его универсальностью. Эту универсальность характеризует дополнение катафатических познавательных стратегий апофатическими. Кроме этого, потенции «образа» позволяют исследовать наиболее стабилизированные структуры, как духовной культуры, так и культуры в более широком понимании, постичь трансформацию этих структур, их репрезентации через устойчивые и изменяющиеся образы первостепенных социокультурных феноменов. «Образ справедливости» может быть определен как всеобъемлющий, целокупный феномен, характеризующий бытие человека; изучение этого феномена важно для описания основополагающих, системообразующих глубинных закономерностей практики. Эти глубинные

---

²³⁹ Жуковский В.И. Моделирование образовательного пространства в процессе взаимодействия зрителя с произведением искусства // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 3. С. 43-45.

закономерности относятся к различным сферам – от политической до эстетической и религиозной. Образ справедливости связан с освоением реальности и возникает на границе субъективного и объективного, (психического) и (трансцендентного), теоретического и эмпирического, явленного и потаенного, рационального и иррационального.

Вывод по параграфу. Представляется, что в условиях общества, находящемся в условиях перемен, как в истории, так и на современном этапе, образ как промежуточная стадия рефлексии феномена справедливости, является пространством конструирования на основе новых понятий и смыслов, соответствующих нынешним социокультурным реалиям. При этом общество заинтересовано, чтобы вновь конструируемый образ был позитивным. Такая глобальная задача по силам системе социокультурных практик, и прежде всего, образовательным практикам.

Глава 3. Значение позитивного образа справедливости для современной культуры

Вопрос о справедливости актуализируется сегодня не столько в связи с распределением благ, сколько в контексте дискуссий по гражданской, религиозной, этнической, национальной, гендерной, расовой идентичности. Конструирование образа справедливости в своем мировоззренческом, образовательном, воспитательном и практико-прикладном аспектах связано с проблемой социокультурной идентичности. Поиск социокультурной идентичности и ее оправданности вызывают множественные противоречия, конфликты, в которых заинтересованные стороны ощущают несправедливость. Спекуляции и крайности в анализе такого рода проблем получили название «культура жертвы», что демонстрирует неготовность традиционного и индустриального общества признать на глубинном уровне наличие проблем неравенства, нарушающего принципы справедливости. Возникающие при этом эксцессы характеризуются как «безумие толпы», и в такого рода ситуациях достижение справедливости больше не является целью социальной коммуникации, а сводится к нагнетанию конфронтации, разобщения, гнева и насилия²⁴⁰. Одним из примеров, когда образ справедливости конструируется «деструктивно» или далёк от позитивного сценария, является дискуссия по проблеме расово-этнической идентичности и ее пределов. Х.М. Бриджес, автор учебника по критической расовой теории для начинающих, раскрывает ее суть через такие понятия, как институциональный и структурный расизм, имплицитная предвзятость, микроагрессия, расовые привилегии, отношения между расой и классом, интерсекциональность. В связи с этим специалисты делают вывод, что «внедряя в систему обучения теорию, делающую ключевым аспектом расовые различия, общество формирует новую ось социального напряжения, создавая

---

²⁴⁰ Дуглас М. Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем. М. 2021. С. 189.

предпосылки для еще большей социальной поляризации»²⁴¹. Эти и другие факты деструктивных трактовок справедливости делают важнейшей социокультурной задачей поиски путей конструирования позитивного образа справедливости.

Вопрос о механизмах урегулирования ситуаций с явной несправедливостью возникает в разнообразных контекстах (миграционные потоки, проблемы «малочисленных народов», проблемы экологии и биоэтики, отстаивание прав «нейроотличных» людей). Особенно остро эти проблемы переживаются молодыми людьми. В связи с этим встает проблема поиска, разработки и адаптации уже имеющихся социокультурных практик и методов по урегулированию широкого спектра несправедливостей, актуализируется также вопрос о подготовке специалистов, владеющих теорией и практикой работы в этой сфере.

3.1. Функционирование образа справедливости в молодежной культуре

Справедливость обладает особым значением для самоопределения молодых людей, которые в процессе воспитания усваивали транслируемые ценности индустриального общества, но именно сейчас происходят социокультурные изменения морали, ценностных установок, системы идеалов и норм. Молодежи, которой необходимо вырабатывать собственные жизненные стратегии, необходимы устойчивые основания, стабилизирующие мировоззрение²⁴².

В обществе, в котором традиционные формы управления стремительно

---

²⁴¹ Демина Н.А. Парадоксы толерантности: критическая расовая теория в образовании и «нормальность расизма» // Медиация в образовании: социокультурный контекст: материалы IV Международной конференции, Красноярск, 14–15 октября 2022 года. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2022. С. 14.

²⁴² Silic, I., Dulcic, Z. and Visic, M. (2013) Values and the value system of the youth, using the example of student population: Comparison of Germany and Croatia, *Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy*, Vol. 7 No. 1, pp. 50-59. <https://doi.org/10.1108/17506201311315608>.

исчерпывают себя, особенно тяжело отражаются факторы политико-экономической и социокультурной нестабильности на подрастающем поколении. Трансформация прежних институтов социализации и образования, криминализация детской и молодежной среды, кризис системы ценностей, падение престижа педагогической профессии усиливают актуальность, как отмечают исследователи²⁴³, философского анализа социально значимых этических категорий.

Кризисное состояние современного общества, отмечаемое различными авторами, выражается в комплексе различных социокультурных проблем. Одна из них – это проблема самоидентификации личности в результате размывания ценностных установок, когда ни одна парадигма не может претендовать на истинность, а радикализированный принцип плюрализма фактически легитимирует радикальные идеологии, предельной из которых является современный терроризм²⁴⁴. Устойчивые социально-культурные структуры и связи фрагментируются, распадаясь на множество микросвязей, никак не объединенных общей целью, и для которых становится характерна временность, мозаичность и неустойчивость. Отсутствие прочных общественных коммуникаций не позволяет человеку в полной мере осмыслить себя социальным существом. В этой ситуации размывания ценностных социокультурных ориентиров изучение представлений о справедливости имеет большое методологическое значение, так как является своеобразным индексом сформированности «жизненных установок, направленных на консолидацию»²⁴⁵. Справедливость занимает особое место в существующем единстве идей и представлений о наилучшем и гармоничном социальном устройстве, что позволяет считать ее фундаментом и движущей силой общественно-политических институтов и процессов. Ведь в соответствии с современными социологическими теориями: «без идей невозможны ни

---

²⁴³ Викторук Е.Н., Минеев В.В., Артемьева С.И. Моральное лидерство как инструмент преодоления социального конфликта в молодежной среде // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2019. Т. 8, № 3. С. 11-18.

²⁴⁴ Емелин В.А. Кризис постмодернизма и потеря устойчивой идентичности // Национальный психологический журнал. 2017. № 2(26). С. 5-15.

²⁴⁵ Редя Г.П., Барсукова С.А. Представления о справедливости в современном российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2(34). С. 129.

социокультурные изменения, ни само функционирование общества»²⁴⁶. П.Бергер и Н.Лукман называют такие идеи «коллективными представлениями». Ученые считают, что эти идеи фундируют социальное конструирование реальности²⁴⁷.

Научные исследования в области психологии и права указывают на то, что социальные представления о справедливости являются важной составляющей правосознания российских граждан, связаны с коллективистическими ценностями, такими, как избегание межличностных конфликтов, сохранение позитивных отношений, следование общезначимым нормам и социально-ролевым предписаниям²⁴⁸.

Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи активно изучается социологами, что вполне обосновано, поскольку эти представления входят в число ключевых мировоззренческих и социокультурных установок, способных оказывать существенное влияние на поведение молодых людей в длительной перспективе. Разрешая вопрос о будущем, молодые люди, в первую очередь обозначают проблему условий и выбора стратегий кумуляции материальных и духовных ресурсов, которые могли бы наполнить их частную и общественную жизнь, помочь им обрести автономность в системе общественно-государственных экономических, политико-правовых и культурных коммуникаций²⁴⁹.

Прикладные социологические исследования показывают, что в условиях непростой социокультурной обстановки усиливается состояние антиномии и неопределенности социальных коммуникаций. Это выражается в противоречиях между возможностью самовыражения молодых людей и непредсказуемостью своего жизненного пути; демократизацией общественных норм и новыми

---

²⁴⁶ Вилков А.А. Ценность социальной справедливости в политической культуре России // Межрегиональные Пименовские чтения. 2010. № 7-1. С. 252-259.

²⁴⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социол. знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 323 с.

²⁴⁸ Голынчик Е.О. Социальные представления о справедливости как составляющая правосознания: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.05. М., 2004. 28 с.

²⁴⁹ Шестов Н.И. Представления молодежи о будущем России: провинциальное измерение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 111.

зависимостями; между тенденциями адаптации и инновации в процессе развития молодого поколения²⁵⁰.

Трансформация институтов социализации делает затруднительным преемственность жизненных установок и ценностных ориентиров для молодежи. Те знания о социальных коммуникациях, которые сейчас способно транслировать старшее поколение, постепенно исчерпывают себя. Модели социального взаимодействия и коммуникационных практик все сильнее изменяются на фоне развития новых форм общения, компьютерных и цифровых технологий, усиления средств массовой информации. Для традиционного понимания справедливости характерна интерпретация этого понятия как регулятора человеческого поведения, характеризующегося строгостью соблюдения моральных принципов в поведении. Индустриальному обществу присуща индивидуально ориентированная рациональная мораль, продуктом которой является идея социальной справедливости с ее пониманием формального равенства. Ценностные системы постиндустриального общества, в отличие от ценностных систем традиционного и индустриального обществ, построенных на иерархии, не имеют четкой структуры, они становятся гибкими, способными быстро реагировать и адаптироваться к новым социокультурным вызовам, формировать разнообразные общественные практики. В исследовании «Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития» Р. Инглхарт и К. Вельцель обозначают ценностные системы постиндустриального общества как секулярно-рациональные ценности и ценности самовыражения²⁵¹. В своем труде они установили, что в развитых странах молодое поколение придает секулярно-рациональным ценностям и ценностям самовыражения куда большее значение, чем их соотечественники старшего возраста²⁵². В новой действительности старшее поколение уже не в

---

²⁵⁰ Дулина Н.В., Каргаполова Е.В., Стризое А.Л. Молодежь в процессах модернизации: оценка состояния (на примере регионов Южного федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 2. С. 143.

²⁵¹ Инглхарт Р. Постмодерн: Меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 8.

²⁵² Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. Москва: Новое изд-во, 2011. С.142.

силах обеспечить преемственность жизненного опыта, вследствие чего у молодых людей возникает социокультурный разрыв, заполнение которого становится задачей самих молодых людей без опоры на родителей. В родительских установках преобладает ориентация на конформистские ценности (умение вести себя на людях, честность, аккуратность, послушание родителям, хорошие отметки и поведение в школе)²⁵³. Восприятие этих установок не отвечает внутреннему запросу современной молодежи, который все больше направлен в прагматичное русло свободы от навязанных обязательств. Антрополог Маргарет Мид в своей концепции описывает это явление, выделяя три типа культур: постфигуративную, кофигуративную и префигуративную²⁵⁴.

Отличительной чертой социализации современной российской молодежи, как отмечают исследователи, является детерминированность глобализацией социокультурного пространства²⁵⁵. Изменения молодежных ценностных категорий в условиях новой информационной реальности носят мировоззренческий характер, они не отбрасывают ценностей традиционного и индустриального общества, а моделируют их так, что «подлинное стремление к прогрессу (как социокультурному явлению) подменяется в современной молодежной культуре стремлением всего лишь к новому приобретению очередного технологического новшества (как технологического явления)»²⁵⁶. Прежние социально-культурные ценности, признаваемые обществом, трансформируются и приобретают характер конвенциональности, распадаясь и вновь складываясь в новую систему постоянно меняющихся коммуникационных практик.

Возвращаясь к социологическим исследованиям по вопросу отношения молодых людей к справедливости, необходимо отметить, что эти исследования

---

²⁵³ Волкова С.А., Комин А.О. Жизненные стратегии современной молодежи // Молодой исследователь: от идеи к проекту: Материалы VI студенческой научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 26–29 апреля 2022 года. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2022. С. 114.

²⁵⁴ Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.

²⁵⁵ Фролова Н.А., Браницкий В.В. Современная молодежь: взгляд изнутри // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 167-170.

²⁵⁶ Мясоутов О.В. Политический миф в российской молодежной культуре: к вопросу о смыслах // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 149.

показывают достаточно тревожные результаты²⁵⁷. Так, выясняется, что большинство молодежи склоняется к оценке российского общества как в целом несправедливого²⁵⁸, а в молодежном сознании присутствует идея возвращения общества к тотальной уравнительности, как один из вариантов восстановления справедливости. Это подтверждается и другими авторами. Исследования понимания справедливости молодыми людьми указывают на то, что в первую очередь справедливость в обществе, по мнению опрошенных, должна проявляться в одинаковом уровне жизни всех граждан (41%)²⁵⁹.

В ходе всероссийского репрезентативного опроса, проводимого в 2020 году, учеными было установлено, что справедливость представляет собой самую неоднозначную ценность, ключевыми представлениями о которой являются пять характеристик – «соответствие», «законность», «ответственность», «равенство» и «правда»²⁶⁰.

Кроме приведенных результатов социологических исследований авторами было установлено, что у молодых людей преобладает «патерналистская модель» представлений о справедливости, т.е. рассмотрение государства в качестве «ключевого игрока», способного обеспечить справедливое общественное устройство. Это подтверждают исследования А.В.Селезневой²⁶¹. На уровне повседневных речевых практик представления молодежи о справедливости существуют в трех измерениях: историческом, внешнеполитическом и внутривнутриполитическом²⁶². Исследования, проводившиеся диссертантом, показывают, что «новое» понимание справедливости у молодых людей связано с

²⁵⁷ Балабанов А.С., Балабанова Е.С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации // Социологические исследования. 2003. № 7(231). С. 34-42.

²⁵⁸ Черныш М.Ф. Студенческая молодежь и проблема справедливости в современном российском обществе // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 348.

²⁵⁹ Чебиняева И.Л. Влияние новых глобальных и национальных вызовов на представления молодых россиян о социальной справедливости // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 6(57). С. 98.

²⁶⁰ Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 3. С. 20-32.

²⁶¹ Система политических ценностей молодежи отражает традиционную для нашей политической культуры государственническую ориентацию. С одной стороны, в сознании молодежи присутствует запрос на сильное государство, которое должно обеспечить безопасность, справедливость, реализацию прав и свобод. С другой стороны, государство и представляющая его власть (чиновники, полиция) выступают фактором неопределенности, внушают страх, вызывают чувство опасности и незащищенности.

²⁶² Касамара В.А., Максименкова М.С., Сорокина А.А. Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 22.

идеей существования условий, обеспечивающих возможность самореализации для каждого, раскрытием внутренних ресурсов человека. Немаловажным в определении справедливости молодые люди считают аспект заботы о людях с ограниченными возможностями, нетрудоспособных, безработных.

Изменения ценностных представлений связывается учеными в первую очередь с изменениями социально-экономического характера (Рональд Инглхарт) в своих исследованиях установил, что в последние 25 лет практически во всех индустриальных обществах произошли существенные культурные изменения, связанные со смещением фокуса внимания с экономической и физической безопасности на самовыражение, субъективное благополучие и проблемы качества жизни. При этом Инглхарт обнаруживает возможность определенного прогнозирования подобных процессов, указывая, что эти социокультурные изменения «идут рука об руку, образуя целостные и даже до некоторой степени предсказуемые паттерны»²⁶³.

Кризисное состояние современного общества, как отмечают авторы, является дестабилизирующим фактором, способствующим размытию идентичности, особенно остро это чувствуется в молодежной среде²⁶⁴. Представители клинической психоаналитики отсутствие у человека связного и стабильного чувства собственной индивидуальной определенности характеризуют как «диффузию самоидентичности», характеризуемую нарушением реализации ценностно-смысловой системы в деятельности²⁶⁵.

Практика преподавания социально-гуманитарных дисциплин, в содержание которых входит анализ проблемы справедливости, позволила выявить образовательные «дефициты» и «мировоззренческие лакуны» в понимании студентами темы, имеющей для них не только теоретическое, но и практическое значение. Это способствовало выдвижению гипотезы об отсутствии ясного

²⁶³ Инглхарт Р. Постмодерн: Меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 3.

²⁶⁴ Сунцов Ю.В Кризис личностной идентичности в кризисной ситуации социума [Электронный ресурс] // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2013. №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-lichnostnoy-identichnosti-v-krizisnoy-situatsii-sotsiuma>.

²⁶⁵ Овчинникова Ю.Г. О конструктивной роли кризиса личностной идентичности в развитии личности // Мир психологии. 2004. № 2(38). С. 125.

понимания этого социокультурного феномена, и затем подтвердилось в практике преподавания различных гуманитарных курсов. Несмотря на различия в направленности подготовки, возрасте, общим для молодых людей при обсуждении кейсов, содержащих проблему и требующих оценки ситуации на предмет (не)справедливости, было стремление решать обсуждаемые проблемные ситуации «по аналогии», опираясь на эмоции и апофатически выстроенные суждения «от противного».

Для выявления специфики представлений о справедливости, то есть выявления ее «образа», и понимания справедливости как социального регулятива, были проведены опросы студентов гуманитарных специальностей красноярских вузов. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: разработка теоретической матрицы и определение инструментов для выявления представлений о справедливости у молодежи г. Красноярска и методах формирования этих представлений; формирование выборки исследования, позволяющей ответить на поставленные вопросы; оценка (стратегий) методов понимания справедливости, применяемых молодыми людьми. Поиск ответов на поставленные вопросы осуществлялся с помощью метода фокус-групп. Выбор университетов проводился посредством невероятностной выборки методом выборки типичных случаев. Выбор модели формирования выборки обосновывается тем, что в условиях высокого уровня централизации системы управления высшим образованием в России образовательные организации высшего образования имеют общие черты²⁶⁶. Исследование проводилось в трех вузах г. Красноярска: КГПУ им. В.П. Астафьева, СибГУ им. М.Ф. Решетнева, Красноярском государственном аграрном университете. Отличия учебных заведений заключаются в уровне финансирования. По своим институциональным условиям отличия нами не выделялись, в связи с тем, что все студенты, принимавшие участие в исследовании, обучались на гуманитарных направлениях: педагогической, юридической, социальной и психолого-социальной

---

²⁶⁶ Лешуков О.В. Модель федерально-региональных отношений в управлении высшим образованием в РФ // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 1. С. 205.

направленности (студенты-бакалавры 2-4 курсов). Участниками стали студенты-политологи (3 курс) и магистранты исторического факультета (программа «Социально-историческое образование в современных условиях»). Выбор студентов этих курсов обусловлен более высоким уровнем их социальной адаптированности для обучения в университете²⁶⁷.

Метод фокус-групп представляется эффективным для изучения образа справедливости, поскольку это один из качественных методов, ориентированных на достижение углубленного понимания исследуемых явлений, анализ причинно-следственных связей с более подробным объяснением исследуемых факторов. Фокус-группа – это исследовательская техника сбора данных посредством группового обсуждения темы, жестко определенной исследователем, в ходе которой происходит внутригрупповое взаимодействие и совместное производство значения²⁶⁸. Кроме того, характерной чертой фокус-групп является то, что участники неизбежно вовлечены в процесс социального взаимодействия. Достоинством фокус-групп является проявление в них плохо осознаваемых установок, которые становятся осознанными и выявляются в процессе общения.

Поскольку результатом применения метода фокус-групп становятся совместно произведенные intersубъективные значения²⁶⁹, самой распространенной критикой метода фокус-групп является невозможность получения объективных сведений о социальных явлениях. Однако не все авторы разделяют это опасение. По мнению специалистов²⁷⁰, информация, собираемая с использованием данного метода, вполне пригодна для обобщений. Таким образом, метод фокус-групп наиболее эффективен для исследования проблем, в которых требуется не столько глубокое изучение некоего сложного вопроса, сколько получение данных о спектре возможных реакций или ситуаций.

---

²⁶⁷ Демидова Н.И. Профессиональная адаптированность – критерий эффективности образования // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, № 3. С. 919.

²⁶⁸ Браймен А., Бэлл Э. Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес. Харьков: Гуманитарный центр, 2012. С.515.

²⁶⁹ Rosanna L. Breen. A Practical Guide to Focus-Group Research, *Journal of Geography in Higher Education*. 2006. 30:3, p. 470.

²⁷⁰ Крюгер Р., Кейси М.Э. Фокус-группы. Практическое руководство. М.: Издательский дом «Вильяме», 2003. 256 с.

На первом этапе работы с использованием метода фокус-групп со студентами-бакалаврами социально-психологического и педагогического направлений подготовки был выявлен ряд особенностей. Молодые люди, отвечая на вопрос о том, как они понимают справедливость, перечисляли то, чем, по их мнению, справедливость не является. Студенты ограничивались описанием конкретных ситуаций того, как с ними несправедливо обошлись в прошлом или эмоционально присоединяясь к другим участникам фокус-группы в их нарративах о НЕ(!)справедливости. Следует отметить ограниченный спектр областей, из которых приводились примеры несправедливых отношений: уровень доходов, распределение социальных льгот – то, что Аристотель относил к дистрибутивной справедливости. При этом не было самостоятельных стремлений выйти на понятийный уровень, сформулировать определение.

На этом этапе были выявлены 1) неотрефлексированность, «размытость» представлений о справедливости как одной из базовых ценностей, ее аксиологическая неопределенность; 2) смысловая амбивалентность, этическая неоднозначность в трактовках справедливости; 3) эмоциональность и стремление «оценивать сердцем»; 4) апофатическая стратегия в истолковании справедливости, когда рассуждения выстраиваются «от противоположного» и складываются из попыток описать, что такое несправедливость. В последующих опросах, участниками которых были студенты исторического факультета (бакалавры-политологи и магистранты), помимо нарративности и эмоциональности в представлениях о справедливости появились попытки рассуждений по аналогии, выполнения обобщений и выстраивание дефиниций. В ходе обсуждения появился запрос на понимание «несправедливости вообще», а не в каком-то конкретном случае. Катафатический образ справедливости появлялся лишь при попытке ведущим фокус-группы уточнить конкретные характеристики справедливости. И этот катафатический образ связывался, в первую очередь, с имущественным и социальным неравенством, распределением в обществе благ, правосудием.

Результаты, полученные на первом этапе проведения фокус-групп,

показали, что у большей части опрошенных рефлексия феномена (не)справедливости – своего рода «слепая зона», образовательный дефицит. Такая ситуация вызывает тревогу, постольку не просто указывает на образовательные лакуны и несформированные компетенции. Справедливость – не просто одно из первых философских понятий, ставшее предметом рефлексии, начиная с античности, это базовая человеко-образующая ценность, экзистенциальное чувство и способ социокультурной адаптации. Современная культура отличается усложнением социальных процессов, под воздействием которых формируются представления о «новой несправедливости», и это может рассматриваться в качестве одной из причин неотрефлексированности феномена (не)справедливости у молодежи.

Фокус-группы, проведенные на втором этапе исследования, показали более высокий уровень рефлексии феномена справедливости, что во многом объясняется уровнем подготовки обучающихся. Это были студенты-бакалавры, обучающимися по юридическим направлениям и студенты-политологи, а также магистранты. В этих фокус-группах студенты не только связывали (не)справедливость с уровнем благосостояния и распределением благ в обществе, но и проводили категоризацию этого понятия. Студенты-правоведы связывали справедливость с правом, обозначая ее как правовую категорию, представляющую собой минимальный уровень правовой культуры; магистранты анализировали ее как общественный регулятор. Позиция студентов правового направления объясняется тем, что обучение праву в высшей школе, его теоретическим основам, исходит из понимания связи справедливости и права – принцип справедливости лежит как в основе любой правовой отрасли, так и в основе права как явления культуры. Магистранты, большинство из которых связаны с образованием и воспитанием детей, отмечают, что справедливость в настоящее время не выполняет регулятивную функцию, уступая место социальной НЕсправедливости, и наиболее ярко эта тенденция прослеживается в системе образования.

Уровень продуктивности социокультурной рефлексии, показанный при

обсуждении проблемы справедливости в современном обществе в группах студентов-политологов, правоведов и магистрантов-историков представляется нам более продуктивным. В этих группах рассуждения о (не)справедливости переводись с нарративного уровня и проблем, связанных с распределением благ в обществе, на понятийный уровень с формулировкой и дискутированием дефиниций. При этом кейсы, приводимые из сферы образования, возрастали по степени универсализации от (не)несправедливости в системе оплаты труда педагогов, распределения учебной нагрузки, до более абстрактных, таких как падение статуса педагога в современном обществе, доступность и качество образования –декларируемые и реальные.

Результаты, полученные в процессе обсуждения «образа справедливости» в студенческой аудитории во многом совпали с положениями, которые выдвигают исследователи этой проблемы – философы, социологи, культурологи. Прежде всего, это указания на то, что молодые люди сегодня вынуждены самостоятельно конструировать адекватный поликультурному миру образ справедливости по ряду причин: поколенческих разрывов, слабой преемственности жизненных установок современных «отцов и детей»; усиливающейся антиномии и неопределенности социальных коммуникаций; противоречий между возможностью самовыражения молодых людей и непредсказуемостью их жизненного пути; между тенденциями адаптации и инновации. В то же время, можно указать на специфику «образа справедливости» у студентов гуманитарных специальностей, связанных с педагогикой. Говоря о молодежной культуре в целом, специалисты отмечают высокий уровень «прагматичности» и внутренний запрос на свободу от навязанных обязательств (что свойственно старшим «ответственным» поколениям), об этом, к примеру, свидетельствуют многочисленные исследования ценностей Р. Инглхарта. В образе справедливости, который пусть даже размыто, формулировался нашими респондентами, отмечалось влияние «родительских» установок с ориентацией на конформистские ценности (умение вести себя на людях, честность, аккуратность, послушание, хорошие отметки и поведение в школе). В целом, результат проведения более десяти фокус-групп не позволяет

определить групповые образы справедливости как позитивные, уровень рефлексии не достигает представления о справедливости как метафизической ценности и универсальном социокультурном регулятиве.

Проблема справедливости в контексте происходящих общественных модификаций становится первостепенной, приобретает новые форматы и на этом фоне очевидна необходимость в методологической рефлексии справедливости как ценности, обретающей новую подлинность в процессе регулирования изменяющихся общественных отношений. Еще одна причина неотрефлексированности феномена (не)справедливости, которая выявлена у современных студентов, находится в сфере образования, и связана с необходимостью совершенствования методики и содержания преподавания социально-гуманитарных дисциплин. Последнее важно не только для уровня индивидуального сознания, но и для сохранения стабильности общества в целом.

3.2. Формирование позитивного образа справедливости как задача образовательных практик

Проблема необходимости конструирования позитивного образа справедливости имеет свое теоретическое обоснование в истории философской мысли начиная с Платона и Аристотеля. Несогласие, противоречия, и социальный конфликт как неизбежную характеристику социального развития в различных областях – экономической, религиозной, национальной, политической – подробно рассматривали представители философии Нового времени, обосновывая это тем, что общности и индивиды внутри социума часто имеют противостоящие представления о справедливом устройстве общества. Томас Гоббс, указывая на эгоистичную суть человека, считает конфликт неотъемлемой частью

человеческого существования, а значит конфликтогенность как явление невозможно преодолеть, но возможно разрешение конкретных конфликтных ситуаций. Согласно теории Ж.-Ж. Руссо, в основе конфликта лежит несправедливость социального устройства, устранение несправедливости ведет к исчерпанию противоречий²⁷¹. В XX веке П. Бурдьё рассматривал конфликт как одну из форм социального взаимодействия. Таким образом, конфликт как осознание несправедливости и разногласий видится как неизбежное условие социокультурного бытия, в котором образ справедливости выполняет функцию урегулирования посредством конструирования позитивного образа справедливости. Благодаря этому в обществе достигается относительное согласие в вопросах социального, экономического, культурного взаимодействия.

Существенные дополнения к этим теориям в понимании вопросов о справедливости как базовом регулятиве вносят теоретическая социология и исторические науки, раскрывая социальную динамику в понятиях традиционного общества, общества индустриального и современного общества. Традиционное и индустриальное общество функционировали в рамках четко очерченных социальных границ, но на пути перехода к современному обществу социальные параметры смещаются, фрагментируются, становятся более гибкими, образуются группы и общности с непредсказуемыми и зачастую противоречивыми позициями. В такой ситуации традиционные социально-культурные механизмы адаптации уже не способны гармонизировать общество и помогать людям формировать успешные жизненные стратегии, цель которых благополучие, т.е. жизнь в соответствии с Благом, как определял это Аристотель. В современной культуре по-новому осознается ценность сократической традиции как единственно верного способа понимания справедливости, когда «гибкий, но устойчивый» образ справедливости вырабатывается в ходе постоянного обсуждения, анализа конкретных ситуаций с разных позиций участников диалога, дискуссий, выражающих различные точки зрения на то, что данной ситуации способствует наибольшему Благу. Этот продуктивный подход назван Дж. Ролзом

---

²⁷¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: трактаты. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 1998. 414 с.

методом «рефлексивного равновесия», в ходе которого и выстраивается образ справедливости, и это возможность для конструирования позитивного образа справедливости. Метод рефлексивного равновесия предполагает в данном случае поиск «золотой середины» для определения справедливости/несправедливости в каждом конкретном случае путем поэтапного рассмотрения на уровнях от чувственно-эмоционального до рационального и соотнесением с универсальными ценностями.

По мере развития теорий справедливости от утилитаризма, к либертарианству, роулсианству и коммунитаризму пересматривается и дополняется спектр методов урегулирования ситуаций несправедливости, прежде всего в отношении распределения благ и «почестей» по разным критериям: по заслугам, на основании естественных прав и свобод, в соответствии с укоренившимися традициями, по принадлежности к определенной социальной группе²⁷². Это вопросы о ценности жизни: допустимо ли (справедливо ли) жертвовать жизнями одних во имя спасения других, малым числом жизней во имя блага большего количества? Вопросы приоритета ценностей, на которых устанавливается справедливость: личности, конкретного сообщества, общества в целом, Универсума? Вопросы справедливой и несправедливой дискриминации. А также вопросы о том, насколько такие процедуры, как договоренности, информирование и добровольное согласие гарантируют справедливость в ситуациях конфликта и принятия решений. Менеджмент, психология, педагогика, прикладная этика и становятся инновационной площадкой, где проблемы урегулирования конфликтов и восстановления справедливости обретают свой практико-прикладной статус, проходят апробацию и проверку эффективности в качестве инструментария для снятия и разрешения широкого спектра противоречий и разногласий. Так или иначе, в решении вопросов о справедливости ученые констатируют необходимость возвращения к сократовскому диалогу, техникам майевтики, освоению риторики, практик аргументации и моральной логики. Востребованность этих практик сегодня не

---

²⁷² Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 352 с.

вызывает сомнения, и ответ на этот запрос выполняет система образования на самых различных уровнях: от базового (начального) до высшего, в том числе всевозможных дополнительных курсов и программ переподготовки кадров.

Образовательные практики занимают значительное место в ряду социокультурных практик наряду с досуговыми, программами творческой реабилитации, активным отдыхом, практиками социально-психологической консолидации общественных групп на основе ценностей культуры. Социокультурные практики в широком смысле определяют как опыт, благодаря которому человек понимает, осваивает и преобразует мир, открываясь миру и расширяя свои возможности. При этом, чем выше уровень социокультурной компетентности, тем шире спектр возможностей человека, социальной группы, сообщества. Социокультурная практика – это творческая, созидательная деятельность, при которой преобразование общественных и духовных условий человеческой жизни совпадает с изменением самих субъектов. Одни социокультурные практики системно и нормативно обусловлены и могут быть реализованы только в установленных формах при наступлении конкретных обстоятельств, другие – не имеют формальных требований и регулируются только законами внутреннего развития. В научной литературе активно анализируются особенности социокультурных практик в условиях вуза²⁷³, поскольку в динамично меняющемся социуме практики данного рода формируют у обучающихся такие качества, как «социальная адаптивность, социально-культурная автономность, интериорезированность ценностей, приверженность гуманистическим нормам, повышение уровня социальной инициативности»²⁷⁴.

Роль социально-культурных практик в образовательной среде вуза высоко оценивается специалистами, поскольку в их реализации задействованы «ценностно-ориентирующий, мотивационно-смысловой, деятельностный, результативный и рефлексивный компоненты на основе принципов гуманистического воспитания, социальной адекватности, индивидуализации,

---

²⁷³ Каминская Н.Д., Эртман Е.В., Кавера В.А. Особенности социокультурных практик в условиях вуза // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2018. № 4. С. 279-289.

²⁷⁴ Каминская Н.Д., Эртман Е.В., Кавера В.А. Указ.соч.

культуросообразности, конструктивного диалогического взаимодействия»²⁷⁵. В научной литературе образовательные практики рассматривают в двух аспектах. Первый – транслирующий, понимается как системная деятельность педагога по передаче культурных компетенций (знаний, умений, навыков, социальных ценностей, культурных образцов) обучающимся. Второй – принимающий – как комплекс осмысленных действий обучающихся по овладению культурными компетенциями²⁷⁶. Первый аспект характеризует образовательные практики как законченный цикл действий «от разработки учебно-методических материалов до проведения занятий в различных формах, контроля выполнения заданий, оценивания знаний, умений и навыков обучающихся, обусловленный ценностно-нормативной структурой личности обучающего, его отношением к профессиональной деятельности»²⁷⁷. Второй предполагает когнитивную и культурную способность обучающихся принять и осознать получаемые навыки. Оба аспекта образовательных практик существуют в единстве и являются взаимообусловленными.

Описывая этапы разработки образовательных практик, ученые указывают на важность фактора целеполагания, в котором заключается идеальное представление о результате образовательной практики²⁷⁸. Целеполагание на прикладном уровне ориентированно «на современные тренды, такие как организация активной деятельности обучающихся, в том числе и с использованием современных инструментов и материалов; использование проектно-исследовательской деятельности, элементов геймификации; организация учебного и воспитательного процесса в информационно-

---

²⁷⁵ Каминская Н.Д., Эртман Е.В., Кавера В.А. Указ.соч. С. 279.

²⁷⁶ Гневашева В.А. Система высшего профессионального образования как агент трудовой социализации молодежи в процессе формирования профессиональных компетенций // Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: материалы семинара для молодых ученых. М.: Московский гуманитарный университет, 2013. С. 45-77.

²⁷⁷ Селиверстова Н.А. К интерпретации понятия "образовательные практики" // Высшее образование для XXI века: Доклады и материалы: в 2-х частях, Москва, 08–10 декабря 2016 года. М.: Московский гуманитарный университет, 2016. С. 90.

²⁷⁸ Иванова Е.О., Осмоловская И.М. О проектировании инновационных образовательных практик // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 1(106). С. 11.

образовательной среде с использованием ее образовательного потенциала»²⁷⁹. В системе социокультурных практик образовательные практики представляют собой феномен, направленный на достижение целей образования, заключающихся в развитии и социализации личности, способной адаптироваться к условиям постоянно меняющегося социума, развивать субъективность и приумножать потенциал мировой цивилизации²⁸⁰.

В системе социокультурных практик необходимо использовать потенциал как традиционных, так и инновационных образовательных практик, эффективных для конструирования позитивного образа справедливости. Традиционные и инновационные образовательные практики могут взаимно дополнять и обогащать друг друга в процессе конструирования образа справедливости реализуя подход аристотелевского «фронезиса» – знания, объединяющего теорию и практику.

Одной из образовательных практик, сочетающих классический и неклассический характер, является чтение, разбор и обсуждение философского текста. Речь идет о практике «медленного чтения» первоисточников, когда проблема справедливости анализируется, начиная с аристотелевских трудов «Никомахова этика» и «Политика» и до современной «Теории справедливости» Дж. Ролза. Погружаясь в сложный философский язык, следуя за логикой рассуждения автора, присоединяясь к аргументации противоречивых позиций по вопросам различных видов справедливости (ретрибутивной, воздающей, карательной) на основе авторских и собственных примеров, студенты переходят с уровня нарративов к категориальному (понятийному), на фоне чего происходит осознание справедливости как метафизической сущности. Эта практика актуализирует, во-первых, поиск новых социально-гуманитарных технологий, способствующих экологичному урегулированию противоречий между представителями различных типов культуры; а во-вторых стимулирует развитие образовательной парадигмы, целью которой является духовное совершенствование, повышение конвенциональности и согласия в обществе

---

²⁷⁹ Иванова Е.О., Осмоловская И.М. Указ.соч.

²⁸⁰ Гореев А.М. Социокультурная практика как инструмент повышения культурного уровня студентов // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2021. Т. 7, № 3. С. 28.

посредством конструирования «позитивного образа справедливости». В ходе освоения сложных философских текстов возможны глубокие интеллектуальные трансформации при условии регулярного практикования. Тема философских практик на основании «медленного чтения», часто именуемая философской медитацией²⁸¹, сегодня активно разрабатывается в междисциплинарном пространстве философии, психологии, лингвистики, психотерапии.

Эта практика не рассчитана на широкий круг пользователей, но студенты, изучающие гуманитарные дисциплины, могут ее осваивать просто в силу того, что это входит в программы некоторых дисциплин. Эффективность практик по медленному чтению обусловлена спецификой философского языка, стимулирующего к «разрыву шаблонов» и повышению осознанности (критичности) анализируемого текста, что, по мнению специалистов²⁸², способствует выходу на уровень трансцендентного. «Трансцендирование доступно не каждому: как минимум, трансцендирующее существо должно быть свободным. Свобода – условие сознания. Поэтому философия еще и техника самоконструирования человека как свободной сознательной личности. Ведь сознание вовсе не является неотъемлемым свойством человека. ... появление человеческого в человеке — неестественно, сверхприродно, не вытекает из эмпирического опыта. Оно требует усилия, «собирая себя»²⁸³. Анализ видов справедливости, основывающийся на внимательном прочтении «Никомаховой этики» и «Политики», показательный пример такого рода философских практик.

Хороший результат конструирования позитивного образа справедливости показали семинарские занятия (традиционная образовательная практика) с использованием обновленного понятийного аппарата²⁸⁴. Мы делились опытом использования «обновления» понятийного аппарата для анализа сложных социальных процессов на примере терминологического аппарата, разработанного

²⁸¹ Пеннер Р.В. Философское партнерство // Язык философской практики: краткий словарь-презентация. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. С. 91.

²⁸² Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 248 с.

²⁸³ Склярченко Е. Мераб Мамардашвили за 90 минут. М.: АСТ, 2006. С. 56.

²⁸⁴ Шестакова Н.Н. Образ справедливости как предмет социально-философской рефлексии (из практики преподавания социально-гуманитарных дисциплин) // Ценности и смыслы. 2023. № 1(83). С. 72-86.

П. Бурдьё в рамках метода «генетического структурализма». Этот метод отличается выраженной практико-ориентированностью и адекватностью образовательной задаче по формированию образа справедливости, поскольку отражает многомерный характер социальных отношений, в котором экономическая составляющая лишь одна из многих. Нами была обоснована эффективность таких понятий как «агент» «поле», «дар» и «символический капитал», общественное признание для конструирования позитивного образа справедливости в ходе решения предложенных обучающимися социальных и моральных дилемм.

Представление студентов о справедливости в системе социальных практик, образ справедливости конструируется в ходе обсуждения произведения П. Бурдьё «Социология социального пространства»²⁸⁵. Использование терминологии генетического структурализма создает своего рода мозговой штурм и трансформирует традиционный семинар в проектную лабораторию. Так, обсуждая понятие агентности, молодые люди с удивлением обнаруживают, что «агент» обладает иными характеристиками, чем субъект или индивид, а выстраивание отношений справедливости, власти осуществляется не в «монолитном» социальном пространстве, а во множестве «социальных полей: поле жилья, поле культуры, искусства, телевидения, журналистики, поле вкусов, моды, стилей (питания, образа жизни), поле образования, поле политики. Поле – это сеть отношений, которые не зависят от субъекта, но регулируются такими механизмами как «дар» и «символический капитал». Понимание вариативности социального пространства определяет интерес к рассмотрению различных видов символического капитала (физического, экономического, культурного, образовательного, социального) и общественное признание их ценности. Молодые люди, будучи активными пользователями интернета и социальных сетей, быстро схватывают сущность символического капитала, его отличие от социального, культурного, экономического. В ходе обсуждения проблемы справедливости с опорой на терминологию «генетического структурализма»

---

²⁸⁵ Бурдьё П. Социология социального пространства. Спб.: Алетейя, 2005. 288 с.

важно показать роль государства как обладателя различных видов капитала.

Таким образом, практика преподавания гуманитарных дисциплин показывает эффективность «традиционных» образовательных практик для конструирования позитивного образа справедливости, если они дополняются «инновационными», что необходимо для сложных социальных процессов обучающимися. Философы отмечают, что познающий субъект, благодаря такого рода образовательным практикам, способен духовно расти, соединяя уровень сознания как такового, уровень общественного сознания и уровень индивидуального (личностного) человеческого сознания²⁸⁶.

Одним из методов, который эффективен в формировании навыка урегулирования конфликтов и в определенной степени выполняет аристотелевскую задачу «практикования добродетелей» посредством сократовской майевтики, является ситуационный анализ, или кейс-метод. В параграфе 2.2 работа по формированию художественного образа рассматривалась как своего рода «разбор кейса», который позволяет обучающемуся выйти на новый уровень социокультурной рефлексии: от чувственно-эмоционального (локального) к рациональному и далее – к трансцендентному (универсальному). Все другие методы работы с образом справедливости, о которых далее пойдет речь, так или иначе, опираются на метод ситуационного анализа. История появления и распространения кейс-метода в образовании берёт своё начало в двадцатых годах прошлого века. Впервые он был разработан и применен в школе бизнеса Гарвардского университета (США), хорошо известной своими инновациями. Кейс-метод успешно применяется в КГПУ им. В.П. Астафьева для изучения тем этического образования (принятие решений в условиях морального выбора)²⁸⁷.

Ценность кейс-метода в конструировании образа справедливости состоит в том, что он формирует у обучающихся навыки систематизации, анализа больших

²⁸⁶ Русаков С.С. Понятийно-категориальный аппарат в социальной философии М.К. Мамардашвили // Философская мысль. 2019. № 1. С. 45.

²⁸⁷ Викторук Е.Н., Ардюкова О.С., Довыденко Л.В. Философия образования и науки. Кейс-метод в этическом образовании. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2014. 100 с.

объемов несистематизированных данных, принятия решений в условиях стресса, поиска альтернативных и оптимальных решений. Основное предназначение кейс-метода – формирование модели мышления, позволяющей идентифицировать ситуации, подобные тем, что встречались ранее в практике работы, и принятие на ее основе наиболее эффективных решений по разрешению рассматриваемых проблем²⁸⁸. Кейс-метод как образовательная технология формировался постепенно: от практики разбора отдельных случаев (казусов) к подбору тщательно подобранных (иногда искусственно спроектированных) казусов, имеющих модельный характер. Специалисты классифицируют такие виды кейсов как «живые», решение которых вариативно и неоднозначно, и «мертвые» – кейсы, решение которых практически «завершенный гештальт». Кейсы второго типа эффективны в образовательных практиках, их обучающие возможности повышаются благодаря формированию «банка кейсов» и сопровождением методик решения, которые четко проработаны²⁸⁹. Примеры таких образовательных практик в разборе ситуаций с несправедливостью будут приведены далее. Эпистемологическая миссия кейсов не просто выходит за традиционные пределы убедительных иллюстраций (статус научных и дидактических примеров), приложимых к универсальным нормам или правилам, а скорее, наоборот, служит прецедентным основанием для конструирования искомым норм и правил²⁹⁰, то есть для конструирования позитивного образа, в нашем случае – позитивного образа справедливости.

Методы и технологии работ по «мирному урегулированию» конфликтов и разногласий, связанных с несправедливостью, все чаще из сферы права переходят в иные области, где аккумулируется позитивный опыт, связанный с этико-моральной оценкой: в бизнесе и менеджменте (стейкхолдеранализ)²⁹¹, в политике и социальной сфере (делиберация), в решении неоднозначных ситуаций

---

²⁸⁸ Чуланова О.Л., Мухамедова М.М. Кейс-метод как эффективный инструмент в системе обучения управленческого персонала организации // Мир науки. 2015. № 1. С. 1-13.

²⁸⁹ Викторук Е.Н. Этика и аксиология науки для аспирантов и соискателей // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21, № 3. С. 95-107.

²⁹⁰ Согомонов А.Ю. Моральная философия и прикладные этики (истоки деонтологического конфликта в современном мире) // Ведомости прикладной этики. 2013. № 43. С. 45.

²⁹¹ Фритцше Д.Дж. Этика бизнеса: Глобальная и управленческая перспектива. М.«Олимп-Бизнес», 2002. 327 с.

исторической несправедливости (техники прощения)²⁹², в сфере образования (медиация)²⁹³. Большой опыт в этой сфере накоплен культурологами в исследованиях по проблемам идентичности, в том числе этнической идентичности²⁹⁴. Особый интерес представляют собой работы по осмыслению сложных идентичностей²⁹⁵ и методов конструирования позитивной идентичности. Одним из таких методов является медиация, применение которой для конструирования позитивного образа справедливости будет рассмотрено в данном параграфе.

Культурология как область междисциплинарного анализа имеет успешный опыт применения уже имеющихся и собственных разработок для урегулирования разного рода социокультурных конфликтов. Как теоретические, так и прикладные исследования здесь часто выходят на проблему идентичности: ее осознания, восстановления, конструирования. Это вполне обосновано, поскольку идентичность определяют как особый ментальный конструкт, который отражает способность субъекта в концентрированном виде определять свою принадлежность к различным группам или сообществам²⁹⁶. Культурная идентичность определяется как осознание принадлежности человека к той или иной культурной общности путём самоотождествления с её культурными образцами. Культурная идентичность формируется в результате наложения разнообразных культурных влияний, которым подвержен отдельный человек. Если культурные влияния не вступают в противоречия, то происходит полная идентификация личности со сложившейся вокруг него культурой²⁹⁷.

Так, проблема справедливости и конструирования ее образа пересекается с изучением «нарративной идентичности». Это новое направление, в котором

²⁹² Govier, T. *Forgiveness and Revenge* / T. Govier. L.–N. Y.: Routledge, 2002. X. – 224 p.

²⁹³ Cohen, R. *The School mediator's field guide* / R. Cohen. Massachusetts. 1999. – 254 p.

²⁹⁴ Кошчева Н.П., Середкина Н.Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2013. 183 с.

²⁹⁵ Замаараева Ю.С. Региональные культурные практики формирования сложных форм идентичности: на материале Красноярского края: автореф. дис.... д-ра культур.: 24.00.01. Красноярск, 2021. 54 с.

²⁹⁶ Пахтусова Н.А., Уварина Н.В. Механизмы становления сетевой идентичности личности // *Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием*, Барнаул, 24–26 сентября 2020 года. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2020. С. 479-482.

²⁹⁷ Кононенко Б.И. *Большой толковый словарь по культурологии*. М.: Вече, 2003. 509 с.

жизнеописания субъектов исследуются и оцениваются по наличию и степени, в которой они содержат различные структурные и тематические компоненты, выполняющие терапевтические, компенсаторные и эвристические функции. Использование нарративных конструкций, как отмечают специалисты²⁹⁸, связано с благополучием: люди, которые включают негативные жизненные события в свои нарративные идентичности в качестве примеров искупления, как правило, имеют более высокие уровни счастья и благополучия. В образовательной практике это метод ассоциируется с ситуационным анализом²⁹⁹. Практики работы в сфере нарративной идентичности могут быть разными, но, по сути, это методы медиации, речь о которой пойдет далее, и что очень важно, это методы формирования желаемых ментальных конструкций, которые можно определить как позитивный образ, позитивную идентичность.

Проблема идентичности хорошо изучена культурологами в аспекте этнической идентичности, где вопросы чувства справедливости и восстановления справедливости имеют практическое отражение. Это работы по конструированию позитивного образа этнической идентичности и анализу сложных идентичностей³⁰⁰. Исследователи подчеркивают, что в ходе разного рода практик, в том числе практик медиации, складывается позитивный образ не только своего сообщества, но и учитываются ценностные установки иных групп. Позитивную этническую идентичность возможно воссоздать в виде ментального конструкта с помощью определенной суммы действий отдельных субъектов социального организма. Это ряд законодательных и культурных практик, моделирующих особое символическое пространство, в котором этничность не только представляется общественности как нечто позитивное, но и конструируется индивидом заново на основе предлагаемых знаково-символических форм,

---

²⁹⁸ Например: Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, № 3. С. 135-166. Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали. М.: Канон-Плюс, 2022. 356 с.; Рикер П. История и истина. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.

²⁹⁹ Викторук Е.Н., Ардюкова О.С., Довыденко Л.В. Философия образования и науки. Кейс-метод в этическом образовании. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2014. 100 с.

³⁰⁰ Замараева Ю.С. Региональные культурные практики формирования сложных форм идентичности: на материале Красноярского края: автореф. дис.... д-ра культур.: 24.00.01. Красноярск, 2021. 54 с.

воплощающих первичные конструкты этнокультурных ценностей. Создаются «открытые площадки» для межэтнического взаимодействия. Формы проявления позитивной этнической идентичности в статусе «нормы» – это патриотизм, уважение своей этнокультурной группы, высокая самооценка, чувство собственного достоинства³⁰¹. Здесь уместно уточнить, что понимается под «позитивным образом справедливости». Несмотря на то, что этот образ выстраивается катафатически, то есть посредством отбрасывания «неприемлемых» вариантов оценки и/или принятия решений. Этот «ментальный конструкт» в знаково-символической форме должен соответствовать требованиям сохранения достоинства и взаимного уважения сторон, занимающих противоположные стороны в конфликте. Одна из социокультурных практик, активно разрабатываемая сегодня – это социокультурная медиация.

В сфере гуманитарного познания понимание медиации давно вышло за рамки узкого понимания как способа урегулирования спора, приобретая функции преодоления разногласий в различных областях социокультурной коммуникации, прежде всего – в образовании (Коновалов А.Ю., Moreschini P., Saltzberg G.). Гуманистический потенциал медиации, по мнению О.Г. Смоляниновой³⁰², проявляется в развитии личности путем обретения ею особого социокультурного опыта участия или ведения медиативной процедуры, а следовательно, дает возможность гармонизировать коммуникацию в образовательной среде. Функциональная особенность медиации хорошо проявляется в реализации регулятивных задач справедливости посредством формирования ее приемлемого образа на разных уровнях социальной коммуникации. Образ справедливости выполняет важную функцию в оценке и принятии решений, и шире – в процессах социальной регуляции. Этот образ сегодня как никогда важен для поддержания социальной стабильности. И в этом смысле медиация позволяет моделировать социальную реальность в действенных образах справедливости. Последнее важно

---

³⁰¹ Замараева Ю.С. Указ. соч.

³⁰² Smolyaninova O.G., Ivanov N.A., Podusova N.S. Humanitarization of university training by means of mediation: problem statement // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14 (9). P. 1308-1321.

не только для уровня индивидуального сознания, но и для сохранения стабильности общества в целом.

В медиации заложен мощный ресурс гармонизации интересов и достижения общественного согласия, в силу чего она призвана стать неотъемлемой частью социально-правовой практики³⁰³. И в этом контексте медиацию можно рассматривать как многоуровневую систему, где объединяются и дополняют друг друга нравственно-культурный, деятельностный и прикладной компоненты. На уровне, обозначенном исследователями как «нравственно-культурологический», медиация трактуется как свойство социокультурного пространства. Е.Н. Яркова исследует формирование медиационной логики культуры, через выделение разных типов нравственной культуры: традиционного, утилитарного, креативного. Традиционный тип культуры антимедиативен по определению. Это связано с тем, что традиционной культуре присущи деонтологические логики мышления, догматизм и отсутствие конвенциональности. Общество утилитарного типа – это поле переходного формирования ценностно-смысловых оснований медиации – автономии морального субъекта, корреляции субъективной и социальной пользы, компромисса интересов социальной группы и индивида. Креативная культура сама является продуктом медиации: моральные нормы креативной культуры медиативны и исходят не из набора предписаний и рекомендаций, а порождены свободным сознанием. Ценностные установки такого общества опираются на принцип диалогизма как основы формирования медиативных практик³⁰⁴. На следующем уровне, деятельностном, медиация рассматривается как опосредствующая деятельность, результаты которой выражаются в формировании доминирующей («срединной») культуры. Здесь медиативная деятельность исполняет роль коннектора разного типа культурных оппозиций в составе срединной культуры, создавая новый тип социальности³⁰⁵.

---

³⁰³ Голуб О.Ю. О взаимосвязи медиации и правовой культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16, № 4. С. 459-464.

³⁰⁴ Яркова Е.Н. Медиация и нравственная культура общества // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18, № 2. С. 40-54.

³⁰⁵ Тюгашев Е.А. Социокультурная медиация и Философия // Евразийский юридический журнал. 2015. № 12(91). С. 376-380.

На прикладном уровне медиация анализируется как инструмент для решения конфликтов различной этимологии. При этом медиативный фронезис может идти двумя путями: первый заключается в достижении справедливого консенсуса при помощи посредничества в лице медиатора, второй – реализуется в характеристике общества и общественных институтов как медиативных, когда уровень социокультурного согласия позволяет приходить к консенсусу до стадии возникновения острых противоречий. Здесь представляются важными исследования роли, места и эффективности различных практик медиации, направленных на восстановление справедливости в поликультурном обществе.

Медиативные технологии – способ формирования толерантности в качестве фактора, влияющего на способность членов социума достигать согласия в проблемных ситуациях³⁰⁶. Толерантность в данном контексте рассматривается в качестве одного из принципов, консолидирующих общество. Индикатором толерантности члена группы исследователи видят специфику поведенческого целеполагания в условиях общегрупповых проблемных ситуаций. Учеными была разработана шкала уровней толерантности, которая прошла апробацию в медиации при разрешении споров между членами групп, включающих представителей разных этносов. Были выделены пять уровней позитивной толерантности, располагающихся в диапазоне от удовлетворения личных нужд до стремления всемерно способствовать окружающим достижению их целей, и одна нулевая, которая отражала индифферентное отношение, не вызывающее разрушение группового взаимодействия, но и не консолидирующее его. Положительное значение подобного подхода заключается в обеспечении оценки позиций спорных сторон по ключевому показателю готовности к переговорам и к достижению согласия. Такая трактовка толерантности позволяет рассматривать ее как один из показателей сформированности образа справедливости в вопросах достижения этнического согласия. Это актуально также для всех типов

---

³⁰⁶ Лаврова Н.М., Лавров Н.В. Миссия этномедиации в преодолении межнациональных разногласий // Медиация в образовании: социокультурный контекст: материалы IV Международной конференции, Красноярск, 14–15 октября 2022 года. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2022. С. 25-28.

социокультурных отношений, развитие которых происходит посредством реализации общих целей, и именно это в конечном итоге помогает индивидам достигать своих индивидуальных целей. Опираясь на показатели «шкалы толерантности», можно говорить и о степени сформированности позитивного образа справедливости.

Образовательный потенциал медиации для формирования образа справедливости раскрывается в работе О.Г. Смоляниновой, посвященной вопросам поликультурной медиации в Европе. Огромное значение в своей работе автор придает образованию, как пространству формирования компетенций достижения согласия и принятия различных типов культур. При этом поликультурная медиация в образовательной среде, как полагает автор, выходит за рамки непосредственно процедуры восстановления справедливости, приобретая различные формы проведения внеурочного времени, развлекательных мероприятий, организации неформального обучения³⁰⁷. Таким образом, медиация становится пространством коммуникации, и образ справедливости, формируемый на принципах миротворчества, конструктивного диалога, социального согласия в рамках такого пространства, помогает стабилизировать ситуацию противоречий, которая является следствием поведенческого и культурного разнообразия.

Еще одним эффективным инструментом формирования позитивного образа справедливости, как показала преподавательская практика, является «stakeholder analysis» (анализ заинтересованных сторон – пер. с англ.) Данный подход преодоления разногласий самого широкого спектра описан Питером Друкером – профессором социологии. Метод, изначально разработанный для экономики, менеджмента и предпринимательства, применим и в социокультурной практике для анализа проблемных ситуаций, требующих восстановления справедливости³⁰⁸. На кафедре философии и социологии КГПУ им. В.П. Астафьева в ходе семинаров-практикумов был сформирован банк кейсов,

---

³⁰⁷ Смолянинова О.Г. Практики поликультурной медиации в Европе (на примере Италии, Португалии, Германии). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. 188 с.

³⁰⁸ Костылев С.В. Мораль как компонент культуры: этическое измерение арт-менеджмента: дис. ...канд. культур.: 24.00.01. Красноярск, 2018. 208 с.

позволяющий отрабатывать данный метод с целью формирования базовых этических и социокультурных компетенций ценностей. Так, навык решения проблемных ситуаций по оценке их справедливости/несправедливости рассматривался на примерах (кейсах): «Комиксы как методика преподавания по истории Холокоста»; «Школа для детей индиго»; «Евгеника», «Крионика», Эти кейсы разработаны аспирантами в ходе изучения этики науки. На практике научных семинаров метод стейкхолдеранализа подтвердил эффективность в вынесении этической оценки по этически-проблемным кейсам: организация фестивалей «Саянское кольцо»; Возврат Исаакиевского собора РПЦ в Санкт-Петербурге; выставка Яна Фабра в Эрмитаже.

Гуманизирующий потенциал использования метода заинтересованных сторон связан с навыком вынесения этико-моральной оценки «неприемлемо», «приемлемо», «желательно» (что можно трактовать как степени справедливости). Практикованные справедливости (если пользоваться риторикой Аристотеля) можно привести к восьмишаговому алгоритму, приведенному на Рисунке 1.

Рисунок 1. Пошаговый алгоритм использования метода заинтересованных сторон для определения степени справедливости принимаемых решений³⁰⁹

³⁰⁹ Викторук Е.Н., Викторук Е.А. Инновационные технологии этического образования. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2014. 234 с.

Ценность стейкхолдеранализа как образовательной практики, заключается в том, что эта методика, характеризующаяся достаточной технологичностью, позволяет придать рационально-логический смысл пониманию справедливости. Образ справедливости как отдельного участника, так и группы обучающихся в целом, в ходе таких занятий становится «техникой», навыком этической оценки, учитывающей все уровни моральной и социокультурной рефлексии – чувственно-эмоциональный, рациональный, трансцендентный.

Делиберация – еще одна социокультурная и политическая практика, которая сегодня осваивается в качестве образовательной. Существенный вклад в исследование делиберации внес немецкий философ и социолог Юрген Хабермас, крупнейший представитель Франкфуртской школы, чьи работы «Теория коммуникативной деятельности»³¹⁰, «Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества»³¹¹, наряду с трудами Дж. Ролза, «Теория справедливости» и «Политический либерализм», заложили основы понимания делиберативной демократии. Делиберация (лат. *deliberatio* – обсуждение, размышление), коммуникативный процесс между гражданами, в ходе которого происходит обсуждение и решение общих политических проблем³¹². Интернет стал полем обсуждения многочисленных политических проблем, что в свою очередь породило исследования в области дизайна онлайн-делиберации³¹³ и нормативности публичного обсуждения³¹⁴.

Из сферы политики делиберация как процесс коммуникации начала успешно распространяться в иные сферы социокультурного взаимодействия. И в настоящее время накопился довольно обширный опыт использования делиберации в образовании, как метода активного обучения, который способствует преодолению функциональной неграмотности обучающихся,

---

³¹⁰ Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Весь мир, 2022. 878 с.

³¹¹ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь Мир, 2016. 342 с.

³¹² Федорченко С.Н. Делиберация [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/deliberatsiia-a48932/?v=5491612>.

³¹³ Грачев М.Н. Онлайн-делиберация: разработки, исследования и практика // Политическая наука. 2013. № 1. С. 280-292.

³¹⁴ Бодрунова С.С. Кумулятивная делиберация: новая нормативность в изучении публичных сфер онлайн // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. № 1. С. 87-122.

выработке у них критического мышления³¹⁵, воспитанию человека с активной гражданской позицией для жизни в гражданском обществе³¹⁶, формированию у обучающихся чувства интеллектуальной состоятельности, созданию базы для работы по решению проблем после того, как обучение закончится³¹⁷.

Делиберативные образовательные технологии, основанные на обсуждении проблемных вопросов в области справедливости, с одной стороны позволяют выявить в ходе занятий индивидуальное понимание справедливости, а с другой стороны – зафиксировать как формируется у студентов понимание справедливости в результате интерактивного обсуждения. Опыт использования этой практики на занятиях по правоведческим дисциплинам выявил, что делиберация может быть рассмотрена как инструмент формирования и осознания социокультурных смыслов, касающихся вопросов справедливости.

Подводя итоги данного параграфа и заключительной главы диссертации, следует отметить, что такого рода методы и практики могут формировать не только сугубо предметные результаты (обучение профессионалов-медиаторов, консультантов), но также метапредметные и надпрофессиональные компетенции (softskills), позволяющие осуществлять контроль, коррекцию и оценку результатов своей деятельности, применять полученные знания и умения в самостоятельной работе и на практике.

---

³¹⁵ Дорофеева М.А. Образовательная технология делиберации как способ преодоления функциональной неграмотности и формирования критического мышления в рамках дисциплины «История государства и права России» // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 124-130.

³¹⁶ Стрижак И.Г. Использование интерактивного метода обучения (делиберация) на уроках и во внеурочное время при обучении английскому языку [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://psihdocs.ru/na-urokah-i-vo-vneurochnoe-vremya-pri-obuchenii-anglijskomu-ya.html>.

³¹⁷ Использование в образовательном процессе современных методов активного и интерактивного обучения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pandia.ru/text/81/503/34773.php?ysclid=llxhydtnwj680564239>.

Заключение

Предпринятые исследование образа справедливости позволило раскрыть его роль в современных социокультурных процессах, в поддержании преемственности общественного развития и в образовательных практиках. Подтвердилась гипотеза об актуальности фронестического подхода к изучению феномена справедливости на различных уровнях рефлексии. Удалось не только обосновать гипотезу теоретически, но и представить примеры образовательных практик, показавших свою эффективность для формирования позитивного образа справедливости у студентов, а значит, и в молодежной культуре в целом.

В ходе исследования был выполнен обзор основных подходов к пониманию справедливости в истории культуры и истории философской мысли; а также обозначены основные уровни рефлексии данного системообразующего, социокультурного феномена. Концептуализированы уровни рефлексии феномена справедливости. Феномен справедливости представлен как способ социокультурной рефлексии на различных уровнях: чувственно-эмоциональном, образном, понятийном, трансцендентном. Обоснована необходимость расширения спектра теоретико-методологических подходов, позволяющих раскрыть феномен справедливости как «непостижимое» в единстве катафатики и апофатики. Раскрыта специфика «образа справедливости» и его роль в условиях меняющейся культуры и динамики ценностей. Проанализированы «образы справедливости» в системе ценностей молодежной культуры в условиях «переоценки ценностей» современной культуры; показаны перспективы работы с образом справедливости в сфере образования как системе социокультурных практик. Описаны образовательные практики, позволяющие формировать позитивный образ справедливости; показана эффективность фронестических технологий для формирования навыка дифференциации (не)справедливой оценки, принятия этических решений и выстраивания жизненных стратегий.

Изучение системообразующего, социокультурного феномена справедливости как образа справедливости и выявление специфики функционирования последнего опирается на его анализ как синтеза «инстинктивного» и «произвольного», понятийного и эмоционального, рационального и интуитивного. Диссертант приходит к ключевым выводам.

Представления о справедливости, являются культурным фактором адаптации к миру, имеют сложную уровневую структуру, «вырастая» от чувственно-эмоционального, через понятийный, к трансцендентному (метафизическому).

В условиях смены культурных эпох феномен справедливости нуждается во всестороннем междисциплинарном анализе. В качестве теоретико-методологического основания для решения этой задачи наиболее релевантной представляется коммунитаристская «этика ценностей», в модусе практикования добродетелей и индивидуальной ответственности.

В этой связи образ справедливости был рассмотрен в качестве важного элемента в системе ценностей молодежной культуры, и было установлено, что задача формирования позитивного образа справедливости становится особенно актуальной в нынешней социокультурной ситуации, когда молодежь склонна характеризовать общество как «несправедливое».

Значимость исследования для теории и практики культуры обусловлено широким спектром причин, лишь часть из которых анализируется в этой диссертации. Методы и технологии работ по «мирному урегулированию» конфликтов и разногласий, связанных с несправедливостью, все чаще из сферы права переходят в иные области, где аккумулируется позитивный опыт, связанный с этико-моральной оценкой: в бизнесе и менеджменте (анализ заинтересованных сторон), в политике и социальной сфере (делиберация), в сфере образования (медиация). В медиации заложен мощный ресурс гармонизации интересов и достижения общественного согласия, в силу чего она призвана стать неотъемлемой частью социально-правовой практики.

Диссертант показал, что актуальность исследуемой темы обусловлена не просто пресловутым кризисом ценностных оснований культуры, поколенческими разрывами, но и тем, что молодежная культура является одной из главных движущих сил исторического прогресса, и поэтому ее протестный характер может быть использован в качестве преобразующего потенциала.

Оттолкнувшись от исходной абстракции справедливости как высшего блага и основной добродетели для обретения счастья, диссертант развил систему понятий: во-первых, сформулировал дефиницию образа справедливости как всеобъемлющего, целокупного феномена, характеризующего бытие человека; изучение этого феномена важно для описания основополагающих, системообразующих глубинных закономерностей практики. Эти глубинные закономерности относятся к различным сферам культуры – от политической до эстетической и религиозной; во-вторых, определил «образ справедливости» как познавательное освоение реальности (гнозис) и особый познавательный конструкт, представляющий собой синтез объективного и субъективного, рационального и иррационального, теоретического и эмпирического, явленного и потаенного; в-третьих, проанализировал концепт апофазиса как познавательной стратегии выстраивания образа справедливости посредством «негативных» дефиниций; разработал концепцию об уровнях рефлексии феномена справедливости, начиная с чувственно-эмоционального через образный, понятийный и трансцендентный. Закономерным результатом этой работы стал анализ образования как системы социокультурных практик для формирования адекватных современной культуре «паттернов» справедливости.

Дальнейшие исследования могут носить компаративистский характер и быть направлены на исследование функционирования образа справедливости в различных социокультурных средах и на способы репрезентации справедливости в политическом дискурсе, правовой культуре, в области литературы и искусства.

Список литературы

1. Августин, А. Исповедь / А. Августин; Российская академия наук. – СПб.: Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 2013. – 376 с.
2. Алексеев, П.В. Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды / П.В. Алексеев. – М.: Издательство «Академический проект», 1999. – 944 с.
3. Алексеева, Т.А. Справедливость как политическая концепция. Очерк современных западных дискуссий / Т.А. Алексеева. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 244 с.
4. Алексеева, Т.А. Справедливость: морально-политическая философия Дж. Роулса / Т.А. Алексеева. – М.: Наука, 1992. – 112 с.
5. Алпеева, Т.М. Теоретико-методологический анализ проблемы социального мифа: дис. ... д-ра философ. наук: 09.00.11 / Алпеева Тамара Михайловна. – Минск, 1992. – 327 с.
6. Антисери, Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье (1-2) / Д. Антисери, Дж. Реале. – СПб.: «Пневма», 2003, – 688 с.
7. Антисери, Д. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / А. Антисери, Дж. Реале. – СПб.: «Пневма», 2002, – 880 с.
8. Апель, К.-О. Трансформация философии / К.-О. Апель. – М., 2001. – 344 с.
9. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 222 с.
10. Аристотель. О душе / Аристотель. – СПб.: Питер, 2002. – 220 с.
11. Аристотель. Политика / Аристотель. – М.: АСТ, 2010.

12. Аристотель. Сочинения: В 4-х томах / Аристотель. – М.: Издательство Мысль, 1981.
13. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск: Лит., 1998. – 1391 с.
14. Арнхейм, Р. Визуальное мышление [Электронный ресурс] / Р. Арнхейм // Хрестоматия по общей психологии. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – с. 97-10. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/librarv /katr/arnheim1. html>.
15. Асташов, Д.С. Принцип полезности в воззрениях И. Бентама / Д.С. Асташов, А.В. Петров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – № 1. – С. 7-11.
16. Бакеева, Е.В. Апофатическое мышление как «метод» понимания / Е.В. Бакеева // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 29. – С. 37-43.
17. Бакштановский, В.И. Гражданское общество: этика публичных арен / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. – Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2004. – 268 с.
18. Бакштановский, В.И. Прикладная этика: инновационный курс для магистрантов и профессоров / В.И. Бакштановский. – Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2011. – 274 с.
19. Бакштановский, В.И. Социология морали: нормативно-ценностные системы / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов // Социологические исследования. – 2003. – № 5(229). – С. 8-20.
20. Балабанов, А.С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации / А.С. Балабанов, Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 2003. – № 7(231). – С. 34-42.
21. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: РГБ, 2008. – 351 с.
22. Беляев, И.А. Концепция культуры Д.В. Пивоварова / И.А. Беляев // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 10. – С. 14-17.
23. Бентам, И. Основные начала гражданского кодекса // Избр. соч. в 3-х т. Т.1. – СПб.: Изд-во «Русской книжной торговли», 1867. – С. 320-380.

24. Бергер, П., Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Моск. филос. фонд, 1995. – 323 с.
25. Бердяев, Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
26. Бибихин, В. Абсолютный миф А.Ф. Лосева [Электронный ресурс] / В. Бибихин. – Режим доступа: http://bibikhin.ru/absolutny_mif?ysclid=lqozuagsnn167956681.
27. Блюмкин, Б.А. Моральные качества личности: их сущность, структура, типология и особенности формирования в социалистическом обществе / Б.А. Блюмкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1974. – 185 с.
28. Боброва, Л. А. Когнитивные искажения / Л. А. Боброва // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. – 2021. – № 2. – С. 69-79.
29. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2006.
30. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – М.: Издательский дом «Постум», 2015. – 240 с.
31. Бодрунова, С.С. Кумулятивная делиберация: новая нормативность в изучении публичных сфер онлайн / С.С. Бодрунова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2023. – № 1. – С. 87-122.
32. Большой психологический словарь / Под редакцией Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 4-е издание, расширенное. – М.: Издательство АСТ, 2009. – 811 с.
33. Браймен, А. Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес / А. Браймен, Э. Белл. – Харьков: Гуманитарный центр, 2012. – 776 с.
34. Бранский, В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи / В.П. Бранский. – М.: РГБ, 2003. – 703 с.
35. Бугаева Л.Д. От редактора: киноапофатика / Л.Д. Бугаева // Киноапофатика. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2018.

36. Бугаева, Л.Д. Нарративные лакуны и вопросы киностилистики / Л.Д. Бугаева // Киноапофатика. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2018. – С. 111-129.
37. Булгаков, В.В. Понятие «справедливость» на исторических этапах развития общества / В.В. Булгаков, Д.В. Булгакова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 5(109). – С. 325-328.
38. Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые. – СПб.: Издательство Алетейя, 2001. – 562 с.
39. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые. – М.: Издательство Алетейя, 2007. – 288 с.
40. Буртасова, Н.С. Социальное управление массовым сознанием: автореф. дис. ...канд. философ. наук: 09.00.11 / Буртасова Наталья Сергеевна. – Красноярск, 2004. – 23 с.
41. Бэкон, Ф. Сочинения: В 2 т. / Ф. Бэкон. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 1977.
42. Введение в философию: учебное пособие для высших учебных заведений / И.Т. Фролов, В.А. Лекторский, Э.А. Араб-Оглы [и др.]. – М.: Культурная революция, 2007. – 623 с.
43. Веревичев, И.И. Кризисы рациональности: причины и следствия / И.И. Веревичев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т. 15, № 4-4. – С. 963-968.
44. Викторук, Е.Н. Инновационные технологии этического образования / Е.Н. Викторук, Е.А. Викторук. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2014. – 234 с.
45. Викторук, Е.Н. Кейс-метод. Возможность его использования в подготовке военнослужащих / Е.Н. Викторук, М.С. Ефремов, Н.Н. Шестакова // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2020. – Т. 9, № 4. – С. 26-30.
46. Викторук, Е.Н. Моральное лидерство как инструмент преодоления социального конфликта в молодежной среде / Е.Н. Викторук, В.В. Минеев,

С.И. Артемьева // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2019. – Т. 8, № 3. – С. 11-18.

47. Викторук, Е.Н. Философия образования и науки. Кейс-метод в этическом образовании / Е.Н. Викторук, О.С. Ардюкова, Л.В. Довыденко. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2014. – 100 с.

48. Волкова, С.А. Жизненные стратегии современной молодежи / С.А. Волкова, А.О. Комин // Молодой исследователь: от идеи к проекту: Материалы VI студенческой научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 26–29 апреля 2022 года. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2022. – С. 113-115.

49. Вольтер. Философские тракты и диалоги / Вольтер. – М.: Эксмо, 2005. – 432 с.

50. Воскресенский, А.А. Постматериальные ценности поколения Z на пути к обществу знаний – к постановке проблемы / А.А. Воскресенский, В.А. Рабош, А.Г. Сунягина // Общество. Среда. Развитие. – 2018. – № 1(46). – С. 84-87.

51. Всемирная энциклопедия. Философия. – М.-Минск: АСТ; Харвест: Современный литератор, 2001. – 1311 с.

52. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман. – СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль. 2002. – 707 с.

53. Гневашева, В.А. Система высшего профессионального образования как агент трудовой социализации молодежи в процессе формирования профессиональных компетенций / В.А. Гневашева // Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: материалы семинара для молодых ученых. – М.: Московский гуманитарный университет, – 2013. – С. 45-77.

54. Гоббс, Т. Сочинения: в 2 т. / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1989–1991. – Т. 1. – 1989. – 622 с.; Т. 2. – 1991. – 731 с.

55. Голиков, А.К. Философско-политические и правовые основы учения Фомы Аквинского / А.К. Голиков // Труды Санкт-Петербургского

- государственного университета культуры и искусств. – 2008. – Т. 180. – С. 57-63.
56. Голуб, О.Ю. О взаимосвязи медиации и правовой культуры / О.Ю. Голуб // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 459-464.
57. Голынчик, Е.О. Социальные представления о справедливости как составляющая правосознания: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.05 / Голынчик Елена Олеговна. – М., 2004. – 28 с.
58. Гончарова, Н.Ю. Общетеоретические основы изучения понятия "образ" / Н.Ю. Гончарова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 3-2. – С. 33-37.
59. Горбунова, Л.И. Постмодерн как тенденция развития культуры XX века / Л.И. Горбунова // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. – 2011. – Т. 14, № 2. – С. 265-271.
60. Гореев, А.М. Социокультурная практика как инструмент повышения культурного уровня студентов / А.М. Гореев // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 25-39.
61. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект: ценное практическое руководство по развитию и совершенствованию эмоций человека / Д. Гоулман. – М.: АСТ, 2009. – 478 с.
62. Гох, А.Ф. Инклюзивная культура: от образовательного к социокультурному контексту / А.Ф. Гох, Н.Н. Шестакова, Д.В. Юрков // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2019. – № 2(48). – С. 189-198.
63. Грачев, М.Н. Онлайн-делиберация: разработки, исследования и практика / М.Н. Грачев // Политическая наука. – 2013. – № 1. – С. 280-292.
64. Григорьева, Н. Кино на грани литургии: «Иван грозный» Эйзенштейна и торжественная сценическая мистерия (bühnenweihfestspiel) Вагнера / Н. Григорьева // Киноапофатика. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2018. – С. 60-92.
65. Гулевич, О.А. Социальная психология справедливости / О.А. Гулевич. –

М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – 284 с.

66. Гуревич, П. Наука в горизонте апофатики / П. Гуревич, Э. Спирова // *Философская антропология*. – 2019. – Т. 5. – № 1. – С. 6-25.

67. Гусейнов, А.А. Античная этика / А.А. Гусейнов. – М.: Гардарики, 2003. – 270 с.

68. Гусейнов, А.А. Великие пророки и мыслители: Нравственные учения от Моисея до наших дней / А.А. Гусейнов. – М.: Издательство Вече, 2009. – 495 с.

69. Давтян, Д.В. Ценность справедливости в современном российском обществе: социологический анализ / Д.В. Давтян // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2018. – № 11(55). – С. 25-27.

70. Дамасио, А. Мозг и возникновение сознания / А. Дамасио. – М.: Карьера Пресс, 2018. – 383 с.

71. Дворкин, Р. О правах всерьез / Р. Дворкин. – М.: Росспэн, 2004. – 391 с.

72. Демидова, Н.И. Профессиональная адаптированность – критерий эффективности образования / Н.И. Демидова // *Вестник Башкирского университета*. – 2009. – Т. 14, № 3. – С. 918-920.

73. Демина, Н.А. Парадоксы толерантности: критическая расовая теория в образовании и «нормальность расизма» / Н.А. Демина // *Медиация в образовании: социокультурный контекст: материалы IV Международной конференции, Красноярск, 14–15 октября 2022 года*. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2022. – С. 13-15.

74. Демичев, А.В. Философские и культурологические основания современной танатологии: дис. ... д-ра философ. наук: 09.00.13 / Демичев Андрей Витальевич. – Санкт-Петербург, 1997. – 280 с.

75. Дорофеева, М.А. Образовательная технология делиберации как способ преодоления функциональной неграмотности и формирования критического мышления в рамках дисциплины "История государства и права России" / М.А. Дорофеева // *Правовая политика и правовая жизнь*. – 2019. – № 3. – С. 124-130.

76. Дробницкий, О.Г. Справедливость / О.Г. Дробницкий, Ф.А. Селиванов // Философская энциклопедия. Том 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – С. 119-120.

77. Дробышев, В.Н. Апофатическая рациональность и ее трансформация в современной западной философии: автореф. дис. ... док. философ. наук: 09.00.03 / Дробышев Виталий Николаевич. – СПб., 2016. – 22 с.

78. Дубко, Е.Л. Идеал, справедливость, счастье / Е.Л. Дубко, В.А. Титов. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 188 с.

79. Дуглас, М. Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем / М. Дуглас. 2021. – 480 с.

80. Дударева, М.А. Апофатика русской словесной культуры конца Нового времени: образы смерти: дис. ... д-ра культ.: 24.00.01 / Дударева Марианна Андреевна. – Иваново, 2021. – 407 с.

81. Дударева, М.А. Апофатическое в русской культуре: постановка вопроса. От фольклора к литературе / М.А. Дударева // Культура и цивилизация. – 2020. – Т. 10, № 2-1. – С. 53-59.

82. Дулина, Н.В. Молодежь в процессах модернизации: оценка состояния (на примере регионов Южного федерального округа) / Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова, А.Л. Стризов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, – № 2. – С. 143.

83. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1996. – 430 с.

84. Емелин, В.А. Кризис постмодернизма и потеря устойчивой идентичности / В.А. Емелин // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 2(26). – С. 5-15.

85. Жуковский, В.И. Моделирование образовательного пространства в процессе взаимодействия зрителя с произведением искусства / В.И. Жуковский // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 3. – С. 43-45.

86. Жуковский, В.И. Художественный образ и образовательное пространство / В.И. Жуковский // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 5-1. – С. 105-106.

87. Жуковский, В.И. Зримая сущность / В.И. Жуковский, Д.В. Пивоваров. – Свердловск: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1991. – 284 с.

88. Замараева, Ю.С. Региональные культурные практики формирования сложных форм идентичности: на материале Красноярского края: автореф. дис. ... д-ра культур.: 24.00.01 / Замараева Юлия Сергеевна. – Красноярск, 2021. – 54 с.

89. Иванова, Е.О. О проектировании инновационных образовательных практик / Е.О. Иванова, И.М. Осмоловская // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 1(106). – С. 8-15.

90. Ильенков, Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории / Э.В. Ильенков. – 3-е изд. – М.: УРСС, 2010. – 320 с.

91. Ильенков, Э.В. Проблема идеала в философии: Гегель и герменевтика / Э.В. Ильенков. – М.: URSS, 2011. – 140 с.

92. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое изд-во, 2011. – 463 с.

93. Инглхарт, Р. Постмодерн: Меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 4. – С. 6-32.

94. Инновации в современной системе образования: подходы и решения / А.Ю. Нагорнова, О.А. Лапина, Н.Н. Давыдова [и др.]. – Ульяновск: «Зебра», 2016. – 494 с.

95. Иоселиани, А.Д. Теоретические и социальные основы техносферы / А.Д. Иоселиани. – М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2016. – 340 с.

96. Исмаилов, Н.О. Проблема справедливости в философии Гоббса / Н.О. Исмаилов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2014. – № 3(181). – С. 5-11.

97. Использование в образовательном процессе современных методов активного и интерактивного обучения [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://pandia.ru/text/81/503/34773.php?ysclid=llxhydtnwj680564239>.

98. Каминская, Н.Д. Особенности социокультурных практик в условиях вуза / Н.Д. Каминская, Е.В. Эртман, В.А. Кавера // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2018. – № 4. – С. 279-289.

99. Канарш, Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация / Г.Ю. Канарш. – М.: Московский гуманитарный университет, 2011. – 236 с.

100. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 592 с.

101. Кант, И. Собрание сочинений: в 8 т.: юбилейное издание 1794-1994 / И. Кант; под общ. ред. А.В. Гулыгин – М.: ЧОРО, 1994.

102. Карчагин, Е.В. Справедливость как социокультурный феномен: автореф. дис. ... д-ра философ. наук: 24.00.01 / Карчагин Евгений Владимирович. – Волгоград, 2016. – 22 с.

103. Карчагин, Е.В. Справедливость как социокультурный феномен: дис. ... д-ра философ. наук: 24.00.01 / Карчагин Евгений Владимирович. – Волгоград, 2016. – 359 с.

104. Касамаара, В.А. Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи / В.А. Касамаара, М.С. Максименкова, А.А. Сорокина // Общественные науки и современность. – 2020. – № 4. – С. 20-30.

105. Кашников, Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России / Б.Н. Кашников. – Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2004. – 259 с.

106. Кембриджское руководство по аналитической психологии / под ред. Полли Янг-Айзендрат, Теренса Даусона. – 2-е изд. – М.: Добросвет, 2007. – 476 с.

107. Кессиди, Ф.Х. От мифа к логосу: Становление греч. философии / Ф.Х. Кессиди. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Алетейя, 2003. – 360 с.

108. Киноапофатика: сборник статей. – СПб: Издательский дом "Петрополис", 2018. – 256 с.

109. Киреева, Н.В. Постмодернизм в зарубежной литературе: учебный комплекс для студентов-филологов: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям: 032900 – Русский язык и литература, 033000 – Родной язык и литература, 033200 – Иностранный язык / Н.В. Киреева. – М.: «ФЛИНТА», 2004. – 214 с.

110. Князев, Н.А. Предметно-методологические особенности философии образования / Н.А. Князев // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 1(23). – С. 46-55.

111. Кобзев, А.И. Философия китайского неоконфуцианства / А. И. Кобзев. – М.: Восточная литература, 2002. – 606 с.

112. Козловски П. Принципы этической экономики / П. Козловски. – СПб.: Экон. шк., 1999. – 344 с.

113. Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. – М.: Вече: АСТ, 2003. – 509 с.

114. Копцева, Н.П. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе / Н.П. Копцева, Н.Н. Середкина. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2013. – 183 с.

115. Копцева, Н.П. Проблема истины в философии культуры: концептуальное единство и многообразие / Н.П. Копцева, В.И. Жуковский, В.Ю. Сузукей. – Красноярск: Красноярская региональная общественная организация «Содружество просветителей Красноярья», 2020. – 185 с.

116. Костылев, С.В. Мораль как компонент культуры: этическое измерение арт-менеджмента: дисс. ....канд. культур.: 24.00.01 " / Костылев Сергей Валерьевич. – Красноярск, 2018. – 208 с.

117. Кочергина, В.А. Санскритско-русский словарь: около 30 000 слов с приложением «Грамматического очерка санскрита» А.А. Зализняка / В.А. Кочергина. – 3-е издание. – М.: Издательство «Академический проект», 2005. – 943 с.

118. Кропоткин, П.А. Этика / П.А. Кропоткин. – М.: Политиздат, 1991. – 496 с.

119. Крюгер, Р. Фокус-группы. Практическое руководство / Р. Крюгер, М. Э. Кейси. – М.: Издательский дом «Вильяме», 2003. – 256 с.
120. Кузнецова, Е.В. Определение культуры: разнообразие подходов / Е.В. Кузнецова // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 5(5). – С. 49-55.
121. Кьеркегор, С. Болезнь к смерти: изложение христианской психологии ради наставления и пробуждения: написано Анти-Климакусом, издано С. Кьеркегором / С. Кьеркегор. – М: Академический проект, 2012. – 157 с.
122. Курышева, О.В. Категория образа в традиции современной психологии [Электронный ресурс]/ О.В. Курышева // Философская теория и практика. – Волгоград, 2005. – Режим доступа: <https://textarchive.ru>.
123. Лаврова, Н.М. Миссия этномедиации в преодолении межнациональных разногласий / Н.М. Лаврова, Н.В. Лавров // Медиация в образовании: социокультурный контекст: материалы IV Международной конференции, Красноярск, 14–15 октября 2022 года. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2022. – С. 25-28.
124. Лаврухина, И.М. Постижение Абсолюта: религиозно-философские версии осмысления идеи трансцендентного в культуре / И.М. Лаврухина // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика: сборник статей победителей III международной научно-практической конференции, Пенза, 15 ноября 2016 года. – Пенза: «Наука и Просвещение», 2016. – С. 256-261.
125. Лешуков, О.В. Модель федерально-региональных отношений в управлении высшим образованием в РФ / О.В. Лешуков // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, № 1. – С. 201-212.
126. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк. – М.–Челябинск: Социум, 2014. – 494 с.
127. Лотман, Ю.М. Лекции по структуральной поэтике / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. – 556 с.

128. Лукьянов, А.Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия) / А.Е. Лукьянов. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 1989. – 188 с.
129. Макадамс, Д.П. Психология жизненных историй / Д.П. Макадамс // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3, № 3. – С. 135-166.
130. Макеева, Л.Б., Коммунитаризм [Электронный ресурс] / Л.Б. Макеева, О.О. Савельева // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016). – Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2086056?ysclid=llayt67opd885859091#>.
131. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – М: Мартин, 2022. – 128 с.
132. Макинтайр, А. После добродетели: исследования теории морали / А. Макинтайр; перевод с английского В.В. Целищева. – М.: Канон-Плюс, 2022. – 356 с.
133. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию: [Сборник] / М.К. Мамардашвили; общ. ред. Ю.П. Сенокосова. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Прогресс: Культура, 1992. – 415 с.
134. Мамардашвили, М.К. Лекции по античной философии / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 248 с.
135. Мамардашвили, М.К. Сознание и цивилизация / М.К. Мамардашвили // Природа. – 1988. – № 11. – С. 57-65.
136. Мамардашвили, М.К. Введение в философию [Электронный ресурс] / М.К. Мамардашвили. – Режим доступа: http://read.newlibrary.ru/read/mamardashvili_merab/page0/trudy.html.
137. Мариевская, Н. Современный кинематограф: границы визуального / Н. Мариевская // Киноапофатика. – СПб.: Издательский дом "Петрополис", 2018. – С. 130-143.
138. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
139. Миль Дж.С. О свободе [Электронный ресурс] / Дж.С. Миль // RUSNEB.RU: национальная электронная библиотека. Лейпциг: В. Гергард, 1861. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003574808/.

140. Минак, В.С. Аристотель в России: основные черты отечественного восприятия аристотелевского наследия / В.С. Минак // Vita Cogitans: Альманах молодых философов. – 2020. – № 12. – С. 6-29.

141. Михайлова, М.В. Апофатика в постмодернизме [Электронный ресурс] / М.В. Михайлова // Интернет-проект Философская Самара. – Режим доступа: <http://www.phil63.ru/apofatika-v-postmodernizme>.

142. Муздыбаев, К. Идея справедливости / К. Муздыбаев // Социологические исследования. – 1992. – № 11. – С. 94-101.

143. Мясоутов, О.В. Политический миф в российской молодежной культуре: к вопросу о смыслах / О.В. Мясоутов // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 140-152.

144. Назаров, М.М. Социальная справедливость: современный российский контекст / М.М. Назаров // Социологические исследования (СОЦИС): Ежемесячный научный и общественно-политический журнал. – 1999. – №11. – С.41-50.

145. Нерсесянц, В.С. Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости / В.С. Несесянц // Социологические исследования. – 2001. – №. 10. – С. 3-15.

146. Нозик, Р. Анархия, государство и утопия / Р. Нозик. – Москва: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.

147. Овсянников, М.Ф. Генезис и бытие художественного образа / М.Ф. Овсянников // Марксистско-ленинская эстетика. – Учеб. пособие под ред. М.Ф. Овсянникова. – М.: Изд-во Москов. ун-та.– 1973.

148. Овчинникова, Ю.Г. О конструктивной роли кризиса личностной идентичности в развитии личности / Ю.Г. Овчинникова // Мир психологии. – 2004. – № 2(38). – С. 124-132.

149. Оплетаева, О.Н. Истоки и смысл апофатической традиции. Философия и теология / О.Н. Оплетаева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – № 4. – С. 30-36.

150. Орестова, В.Р. Переживание одиночества пользователями различных социальных сетей: возрастной контекст / В.Р. Орестова, Д.П. Ткаченко, А.А. Соколова // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2020. – № 2. – С. 31-53.

151. Осинская, С. А. Категория «образ» в системе психологического знания / С. А. Осинская // Актуальные вопросы современной науки. – 2012. – № 22. – С. 69-75.

152. Пантыкина, М.И. Концепт «правовая жизнь»: опыт философско-феноменологической интерпретации / М.И. Пантыкина // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2009. – № 3(69). – С. 18-28.

153. Пахтусова, Н.А. Механизмы становления сетевой идентичности личности / Н.А. Пахтусова, Н.В. Уварина // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, Барнаул, 24–26 сентября 2020 года / Научный редактор Н.А. Матвеева. Отв. редактор Т.П. Сухотерина. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2020. – С. 479-482.

154. Пелипенко, А.А. Избранные работы по теории культуры. Культура и смысл / А.А. Пелипенко. – М.: Согласие; Артем, 2014. – 727 с.

155. Пеннер, Р.В. Философское партнерство / Р.В. Пеннер // Язык философской практики: краткий словарь-презентация. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. – С. 90-92.

156. Пивоваров, Д.В. Культура и религия. Сакрализация базовых идеалов: монография / Д.В. Пивоваров. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2013. – 247 с.

157. Пивоваров, Д.В. Культура и религия: три модели базиса культуры / Д.В. Пивоваров // Религиоведение. – 2011. – № 2. – С. 137-148.

158. Платон. Государство. Законы. Политик / Платон. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.

159. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: Трактаты; Диалоги; Изречения: Сборник / Плутарх. – М.: АСТ, 2004. – 954 с.

160. Полякова, В.В. Специфика использования категории "образ" в социокультурном анализе / В.В. Полякова // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования.: XV Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана, Екатеринбург, 22–23 марта 2012 года. – Екатеринбург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2012. – С. 386-391.

161. Поршневу, Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б.Ф. Поршневу. – М.: Издательство «Академический проект», 2013. – 542 с.

162. Предтеченская, Ю.В. Определение Брахмана в Упанишадах: апофатический и катафатический подходы (по комментарию Шанкары к «Тайттирия упанишаде») / Ю.В. Предтеченская // Историко-философский ежегодник. – 2010. – № 2009. – С. 272-290.

163. Проди, П. История справедливости от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права / П. Проди. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 509 с.

164. Прокофьев, А.В. Утилитаризм / А.В. Прокофьев // Философская антропология. – 2019. – Т. 5, № 2. – С. 192-215.

165. Радхакришнан, С. Индийская философия / С. Радхакришнан. – М.: Академический проект, 2008. – 1007 с.

166. Разин, А.В. Специфика процесса образования моральных понятий / А.В. Разин // Философия и общество. – 2021. – № 2(99). – С. 57-80.

167. Разин, А.В. Происхождение морали: свобода воли и нравственность / А.В. Разин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 8(93). – С. 16-26.

168. Редя, Г.П. Представления о справедливости в современном российском обществе / Г.П. Редя, С.А. Барсукова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 2(34). – С. 129-136.
169. Рикер, П. История и истина / П. Рикер. – СПб.: Алетейя, 2002. – 400 с.
170. Родионова, В.И. Категория «социальные практики» в понятийном аппарате социальной философии / В.И. Родионова // Инновации в науке. – 2012. – № 9. – С. 85-89.
171. Ролз, Дж. Справедливость как честность / Дж. Ролз // Логос. – 2006. – Т. 52. – № 1. – С. 35-60.
172. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – 535 с.
173. Российская социологическая энциклопедия / Российская академия наук, Институт социально-политических исследований; под общей редакцией Г.В. Осипова. – М.: Издательский Дом «Инфра-М», 1998. – 664 с.
174. Русаков С.С. Понятийно–категориальный аппарат в социальной философии М.К. Мамардашвили [Электронный ресурс] / С.С. Русаков // Философская мысль. – 2019. – № 1. С. 44 - 49. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27477.
175. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре: трактаты / Ж.-Ж Руссо. – М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 1998. – 414 с.
176. Рьюз, М. Эволюционная этика: здоровая перспектива или окончательное одряхление? / М. Рьюз // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 34-52.
177. Сапольски, Р.М. Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки / Р.М. Сапольски. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019. – 765 с.
178. Сартр, Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / Ж.-П. Сартр. – СПб.: Наука, 2001. – 319 с.
179. Селезнева, А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал / А.В. Селезнева // Общество. Коммуникация. Образование. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 20-32.

180. Селиверстова, Н.А. К интерпретации понятия "образовательные практики" / Н.А. Селиверстова // Высшее образование для XXI века: Доклады и материалы: в 2-х частях, Москва, 08–10 декабря 2016 года / Ответственный редактор Н.А. Селиверстова. Том Часть 1. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2016. – С. 89-93.

181. Сен, А. Идея справедливости / А. Сен. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – 518 с.

182. Серикова, Т. Ю. История формирования понятия «образ» в гуманитарном знании / Т. Ю. Серикова // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 4-1(23). – С. 54-56.

183. Скляренко, Е. Мераб Мамардашвили за 90 минут / Е. Скляренко. – М.: Изд-во АСТ. 2006. – 94 с.

184. Смирнов, А.Г. Культурные практики достижения справедливости в России: диалектика формального и неформального: автореферат дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 / Смирнов Антон Генриитович. – М., 2010. – 26 с.

185. Смирнов, И. Апофазис и эволюция киноискусства / И. Смирнов // Киноапофатика. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2018. – С. 9-35.

186. Смолянинова, О.Г. Практики поликультурной медиации в Европе (на примере Италии, Португалии, Германии) / О.Г. Смолянинова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. – 188 с.

187. Соболев, Д. Введение в аналитику дуальности «Культура и бессознательное» [Электронный ресурс] / Д. Соболев // Аналитика культурологии. – 2008. – №12. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-v-analitiku-dualnosti-kultura-i-bessoznatelnoe>.

188. Согомонов, А.Ю. Моральная философия и прикладные этики (истоки деонтологического конфликта в современном мире) / А.Ю. Согомонов // Ведомости прикладной этики. – 2013. – № 43. – С. 44-55.

189. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин. – М.: Издательство «Академический проект», 2017. – 968 с.

190. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
191. Степин, В.С. Цивилизация и культура / В.С. Степин. – СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2011. – 407 с.
192. Стрельник, О.Н. Деформация языка и мифологизация сознания в культуре постмодерна / О.Н. Стрельник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2006. – № 2. – С. 63-72.
193. Стрижак, И.Г. Использование интерактивного метода обучения (делиберация) на уроках и во внеурочное время при обучении английскому языку [Электронный ресурс] / И.Г. Стрижак. – Режим доступа: <https://psihdocs.ru/na-urokakh-i-vo-vneurochnoe-vremya-pri-obuchenii-anglijskomu-ya.html>.
194. Сунцов, Ю.В. Кризис личностной идентичности в кризисной ситуации социума [Электронный ресурс] / Ю.В. Сунцов // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – 2013. – №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-lichnostnoy-identichnosti-v-krizisnoy-situatsii-sotsiuma>.
195. Сутор, Б. Малая политическая этика / Б. Сутор. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 138 с.
196. Сушенцова, М.С. Утилитаризм И. Бентама и Дж.С. Милля: от добродетели к рациональности / М.С. Сушенцова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2017. – Т. 33, № 1. – С. 17-35.
197. Сэндел, М. Справедливость. Как поступать правильно? / М. Сэндел. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013 – 352 с.
198. Тарасов, А.А. Совесть: (Размышления публициста о вере и неверии, о добре и зле, о совести и бесстыдстве и о некоторых др. "непонятностях души") / А.А. Тарасов. – М.: Моск. рабочий, 1985. - 241 с.
199. Тейлор, Ч. Демократическое исключение (и «лекарство» от него?) [Электронный ресурс] / Ч. Тейлор // Русский архипелаг. – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/multiculture/exclusion.
200. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – М:

Мультимедиа, 2003. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

201. Тростников, В. Апофатика – основной метод науки XXI века [Электронный ресурс] / В. Тростников // Православие.Ru (pravoslavie.ru). – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/736.html>.

202. Троцук, И. Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски / И. Троцук // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 218-249.

203. Тульчинский, Г.Л. Апофатика и институционализация: прагмасемантический анализ / Г.Л. Тульчинский // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2022. – № 3. – С. 29-48.

204. Тульчинский, Г.Л. Перспективы метафизики: Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков [Электронный ресурс] // Российский гуманитарный научный фонд Международная Кафедра (ЮНЕСКО) по философии и этике СПб Научного центра РАН. – Режим доступа: http://read.newlibrary.ru/read/red__g_1__tulchinski/page0/perspektivy_metafiziki.html.

205. Тульчинский, Г.Л. Метафизика, свобода и самосознание // Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков: Материалы международной конференции, Санкт-Петербург, 28–29 октября 1997 года / Ответственный редактор М.С. Уваров. – СПб.: Санкт-Петербургское отделение Института человека РАН, – 1997. С. 94-98.

206. Тюгашев, Е.А. Социокультурная медиация и Философия / Е.А. Тюгашев // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 12(91). – С. 376-380.

207. Углинская, Н.А. Экзистенциальный аспект кризиса ценностных оснований культуры / Н.А. Углинская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. – № 3(18). – С. 138-144.

208. Федорченко, С.Н. Делиберация [Электронный ресурс] / С.Н. Федорченко // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/deliberatsiia-a48932/?v=5491612>.

209. Фома Аквинский. Сумма теологии = Summa theologiae / св. Фома Аквинский. – 2-е изд., испр. – М.: Либроком, 2013 – 688 с.
210. Франс, д. В. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов / В. д. Франс. – М.: АНФ, 2018. – 440 с.
211. Фрейд, З. По ту сторону принципа наслаждения. Я и Оно; Неудовлетворенность культурой / З. Фрейд. – СПб.: Алетейя, 1998. – 251 с.
212. Фритцше, Д.Дж. Этика бизнеса: Глобальная и управленческая перспектива / Д.Дж. Фритцше. – М.: «Олимп-Бизнес», 2002. – 327 с.
213. Фролова, Н.А. Современная молодежь: взгляд изнутри / Н.А. Фролова, В.В. Браницкий // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 1. – С. 167-170.
214. Хабермас, Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе / Ю. Хабермас // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 7-21.
215. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас. – М.: Весь Мир, 2016. – 342 с.
216. Хабермас, Ю. Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас. – М.: Весь мир, 2022. – 878 с.
217. Хайек, Ф.А. в. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма / Ф.А. Хайек. – М.: Новости, 1992. – 302 с.
218. Хао, Ц.О религиозном и философском даосизме / Ц. Хао // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 6-1. – С. 77-80.
219. Хлебников, Г.В. Концепция Бога в иудаизме / Г.В. Хлебников // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. – 2021. – № 1. – С. 115-146.
220. Хоружий, С.С. Человек: сущее, тройко размыкающее себя / С.С. Хоружий // Человек.RU. – 2006. – № 2. – С. 31-56.
221. Хюбнер, К. Истина мифа / К. Хюбнер. – М.: Издательство «Республика», 1996. – 448 с.

222. Чаттерджи, С. Введение в индийскую философию / С. Чаттерджи, Дхирендрамохан. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 376 с.

223. Чебиняева, И.Л. Влияние новых глобальных и национальных вызовов на представления молодых россиян о социальной справедливости / И.Л. Чебиняева // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – № 6(57). – С. 96-102.

224. Черныш, М.Ф. Студенческая молодежь и проблема справедливости в современном российском обществе / М.Ф. Черныш // Россия реформирующаяся. – 2017. – № 15. – С. 341-368.

225. Черняева, А.С. Понимание справедливости: анализ результатов фокус-групп на примере студенческой молодежи / А.С. Черняева, Н.Н. Шестакова, Д.В. Юрков // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2020. – Т. 9, № 4. – С. 51-56.

226. Чуланова, О.Л. Кейс-метод как эффективный инструмент в системе обучения управленческого персонала организации / О.Л. Чуланова, М.М. Мухамедова // Мир науки. – 2015. – № 1. – С. 1-13.

227. Чумакова, Т.В. Рецепции Аристотеля в древнерусской культуре / Т.В. Чумакова // Человек. – 2005. – № 2. – С. 58-69.

228. Шелер, М. О сущности человека и моральном условии философского познания / М. Шелер // О сущности человека: работы разных лет. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – С. 73-117.

229. Шелер, М. Положение человека в космосе [Электронный ресурс] / М. Шелер. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/sheler-m/polozhenie-cheloveka-v-kosmose>.

230. Шестаков, В.П. Вступительная статья / В.П. Шестаков // Вступительная статья к книге Р.Арнхейма «Искусство и визуальное восприятие». – М.1974. – 392 с.

231. Шестакова, Н.Н. Уровни концептуализации справедливости: структура и динамика / Н.Н. Шестакова // Сибирский антропологический журнал. – 2023. – Т. 8, № 4. – С. 95.

232. Шестакова, Н.Н. Представления о справедливости в молодежной культуре: особенности формирования позитивного образа/ Н.Н. Шестакова // Сибирский антропологический журнал. – 2023. – Т. 8, № 4. – С. 86.

233. Шестакова, Н.Н. Образ справедливости в контексте исследовательских стратегий: от катафатики к апофатике / Н.Н. Шестакова // Ценности и смыслы. – 2022. – № 4(80). – С. 54-69.

234. Шестакова, Н.Н. Образ справедливости как предмет социально-философской рефлексии (из практики преподавания социально-гуманитарных дисциплин) / Н.Н. Шестакова // Ценности и смыслы. – 2023. – № 1(83). – С. 72-86.

235. Шестакова, Н.Н. Семантические аспекты образа справедливости / Н.Н. Шестакова // Этика меняющегося мира: теория, практика, технологии: материалы X Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Красноярск, 24 ноября 2022 года / Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2022. – С. 125-127.

236. Шестакова, Н.Н. Справедливость в эпоху пострациональной морали / Н.Н. Шестакова // Вклад Д.Ж. Валеева в развитие философско-этической мысли Башкортостана: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 75-летию со дня рождения доктора философских наук, члена-корреспондента Академии наук Республики Башкортостан, основателя башкортостанской этической школы Дамира Жаватовича Валеева (1940-2002 гг.), Уфа, 24 апреля 2015 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2015. – С. 442-449.

237. Шестакова, Н.Н. Либеральные теории справедливости / Н.Н. Шестакова // Инновационные тенденции развития российской науки: Материалы VIII Международной научно-практической конференции молодых ученых. – Красноярск, 2015. – 554 с.

238. Шестов, Н.И. Представления молодежи о будущем России: провинциальное измерение / Н.И. Шестов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 108-113.
239. Шохин, В.К. Нравственное и этическое в индийских мировоззренческих текстах / В.К. Шохин // Этическая мысль. – 2019. – Т. № 1. – С. 32-45.
240. Энском, Э. Современная философия морали / Э. Энском // Логос. – 2008. – № 1(64). – С. 70-91.
241. Энциклопедии: Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rulibs.com/ru_zar/ref_encyc/kollektiv/0/j0.html.
242. Юм, Д. Исследование о принципах морали / Д. Юм // Соч.: В 2 т. – М., 1996. – С. 92–193.
243. Юм, Д. Сочинения: в 2 т. / Д. Юм. – 2-е, доп. и испр., изд. – М.: Мысль, –1996.
244. Юм, Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм. – М.: АСТ, 2022. – 799 с.
245. Яркова, Е.Н. Медиация и нравственная культура общества / Е.Н. Яркова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2018. – Т. 18, № 2. – С. 40-54.
246. Cohen, R. The School mediator's field guide / R. Cohen. Massachusetts. 1999. – 254 p.
247. Govier, T. Forgiveness and Revenge / T. Govier. L.–N. Y.: Routledge, 2002. X. – 224 p.
248. Mayer, J.D., Salovey, P., Caruso, D.R., Sitarenios, G. Measuring emotional intelligence with the MSCEiT v 2.0. // Emotion. 2003. vol. 3. P. 97-105.
249. Rosanna, L. Breen (2006) A Practical Guide to Focus-Group Research, Journal of Geography in Higher Education, 30:3, pp. 463-475, DOI: 10.1080/03098260600927575;

250. Rubin Z., Peplau L.A. Who believes in a Just World? [Электронный ресурс] // Journal of Social Issues. – vol.31, – № 3. – 1975. Pp. 65–87. – Режим доступа: <https://spssi.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1540-4560.1975.tb00997>.

251. Silic, I., Dulcic, Z. and Visic, M. (2013) Values and the value system of the youth, using the example of student population: Comparison of Germany and Croatia, Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy, Vol. 7 No. 1, pp. 50-59. <https://doi.org/10.1108/17506201311315608>;

252. Smolyaninova, O.G. Humanitarization of university training by means of mediation: problem statement / O.G. Smolyaninova, N.A. Ivanov, N.S. Podusova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2021. – Vol. 14 (9). – P. 1308-1321.